

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH – APRIL

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2019

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинкский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günter Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Валдим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérenchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Леденев А.В., Романова К.С.</i> Ранняя стадия формирования соцреализма: стилевые поиски в «турецкой» прозе П.А. Павленко	9
<i>Белова Т.Н.</i> Сатирическое и комическое изображение реалий американской действительности в романах В. Набокова 1950-х — 1960-х годов («Пнин», «Лолита», «Бледное пламя»)	19
<i>Гальцова Е.Д.</i> Энциклопедический проект французского сюрреализма	28
<i>Сиваковский П.Е.</i> «В круге первом» А.И. Солженицына: тени реального	41
<i>Петрухина Е.В., Шэнь Юйе.</i> Состав, семантика и частотность возвратных конструкций с дативным субъектом в русском языке (на материале Национального корпуса)	50
<i>Синило Г.В.</i> Гёте и новое открытие библейской поэзии	63
<i>Цзоу Л., Михайлова М.В.</i> Лирические героини Евдокии Ростопчиной и Анны Ахматовой	93
<i>Васкиневич А.И.</i> Кенигсбергские предки Владимира Набокова	107

Школа интерпретационной лингвистики

<i>Трипольская Т.А., Матханова И.П.</i> Научная школа «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего» в Новосибирском государственном педагогическом университете	117
<i>Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.</i> Логические и мифологические основания метафоры как объект описания в словаре активного типа	127
<i>Басалаева Е.Г., Шпильман М.В.</i> «Советский язык» как объект языковой рефлексии в интернет-коммуникации	142
<i>Перфильева Н.П.</i> О синкретизме вводных единиц с семантикой «я думаю»	157

Рецензии

<i>Лещёва Л.М.</i> Рецензия на кн.: С к р е б ц о в а Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018	171
--	-----

Научная жизнь

<i>Соколова М.С.</i> Участие филологического факультета в Неделе итальянского языка в мире	185
<i>Володина М.Н., Мухортов Д.С.</i> Круглый стол «Молодежь и язык СМИ»	188
<i>Нефедова Е.А.</i> Хроника Международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии»	195

<i>Пахарева Т.А., Кондакова Д.Ю.</i> II конференция «Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты»	199
<i>Ивинский Д.П.</i> Кантемир и Карамзин: две конференции	205

Юбилей

<i>Жук С.А., Якушкина Е.И.</i> Галина Павловна Тыртова	210
<i>Лещукова А.А.</i> Анна Степановна Новикова	215

Памяти...

<i>Голубков М.М.</i> Екатерина Борисовна Скорospelова	219
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Лилия Николаевна Степанова	222

CONTENTS

Articles

<i>Ledenev A., Romanova K.</i> The Early Formation Stage of Social Realism: Pyotr Pavlenko's Turkish Prose as Experiments with Style	9
<i>Belova T.</i> Satirical and Comic Depiction of American Life in Vladimir Nabokov's <i>Invitation to a Beheading</i> , <i>Lolita</i> , and <i>Pale Fire</i>	19
<i>Galtsova E.</i> Artistic Communication as an Encyclopaedic Project of French Surrealism	28
<i>Spivakovskiy P.</i> Alexandr Solzhenitsyn's <i>The First Circle</i> : The Shadows of Reality	41
<i>Petrukhina E., Yuye Shen.</i> Composition, Semantics and Frequency of Reflexive Structures with a Dative Subject in the Russian National Corpus	50
<i>Sinilo G.</i> Goethe and a New Discovery of Biblical Poetry	63
<i>Zou L., Mikhaylova M.</i> Lyrical Heroines of Evdokia Rostopchina and Anna Akhmatova	93
<i>Vaskinevitch A.</i> Vladimir Nabokov's Königsberg Ancestors	107

School of Interpretational Linguistics

<i>Tripolskaya T., Matkhanova I.</i> The Scientific School 'The Interpretation Potential of the Language System and the Creative Activity of the Speaker' at the Novosibirsk State Pedagogical University	117
<i>Bulygina E., Tripolskaya T.</i> Logical and Mythological Foundations of Metaphor as the Object of Description in the Active Type Dictionary	127
<i>Basalaeva E., Shpilman M.</i> Soviet Language as an Object of Linguistic Reflection in the Internet Communication	142
<i>Perfilyeva N.</i> The Syncretism of Introductory Units with the Meaning 'I Think'	157

Book Reviews

<i>Liashchova L.</i> Book Review: S k r e b t s o v a T. G. Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches. M.: Publishing House Jask, 2018	171
--	-----

Scientific Life

<i>Sokolova M.</i> The Faculty of Philology Joins in the World Week of the Italian Language	185
<i>Volodina M., Mukhortov D.</i> The International Roundtable <i>Young People and Mass Media Language</i>	188
<i>Nefedova E.</i> A Chronicle of the International Conference <i>Problems of Dialectology</i>	195

<i>Pakharieva T., Kondakova D. II International Scientific Conference The Analysis and Interpretation of the Literary Text: Problems, Strategies, Experiments</i>	199
<i>Ivinsky D. Kantemir and Karamzin: The Conferences</i>	205

Anniversaries

<i>Zhuk S., Yakushkina E. Celebrating Galina Tyrtova</i>	210
<i>Leshukova A. Celebrating Anna Novikova</i>	215

In Memoriam...

<i>Golubkov M. Ekaterina Skorospelova</i>	219
<i>Obolenskaya Y. Lilia Stepanova</i>	222

СТАТЬИ

А.В. Леденев, К.С. Романова

РАННЯЯ СТАДИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦРЕАЛИЗМА: СТИЛЕВЫЕ ПОИСКИ В «ТУРЕЦКОЙ» ПРОЗЕ П.А. ПАВЛЕНКО

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируются ранние рассказы П.А. Павленко, написанные им во время работы в советском торгпредстве в Турции в 1924–1927 гг. В рамках его «Азиатских рассказов» авторы выявляют разнонаправленные стилевые поиски советской литературы 1920-х годов. Чутко реагируя на новые идеологические веяния, Павленко экспериментировал со стилистическими приемами разных, подчас конфликтовавших друг с другом литературных течений и школ. Применительно к «Азиатским рассказам» едва ли можно говорить о какой-то единой для текстов сборника стилистической тенденции. Главная их формальная особенность — это именно стилистическая эклектичность: они мимикрируют то под орнаментальную прозу, то под футуристические тексты, то под чувственно заостренную прозу И.А. Бунина. Реагируя на повышенную метафоричность и экспрессивность ранней прозы Павленко (от которых впоследствии он сознательно откажется), советская критика небезосновательно упрекала писателя в стилистической вычурности. Авторы приходят к выводу о том, что историко-литературная значимость «турецкой» прозы Павленко связана не с глубиной утверждаемых писателем идей и не с качеством стилистической отделки текста. Ранние произведения будущего автора романа «Счастье» и сценариста фильма «Падение Берлина» показательны тем, что они проливают свет на начальную стадию становления новой, санкционированной государством эстетики, которая в начале 1930-х получит терминологическое закрепление в формуле «социалистического реализма». Авторами также делается вывод о том, что «восточный» мотивно-тематический вектор воспринимался советскими идеологами как весьма перспективный путь к выработке принципов соцреалистического искусства.

Леденев Александр Владимирович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aledevev@mail.ru).

Романова Ксения Сергеевна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ksuromanova@inbox.ru).

Ключевые слова: стилистика; турецкий; орнаментализм; экспрессия; социалистический реализм.

П.А. Павленко, четырехкратный лауреат Сталинской премии, был в 1930—1950-е годы обласкан властью и включен в официальный пантеон авторитетов советской литературы. Позднее, начиная с периода «оттепели», его человеческая репутация определялась свидетельствами о причастности к расправам над коллегами-литераторами, в частности к аресту О.Э. Мандельштама. В значительной степени с этими обстоятельствами связано почти полное невнимание историков литературы к ранним текстам этого литератора, отличавшегося переимчивостью и способностью быстро корректировать стилевую манеру. Однако именно они способны пролить свет на начальную стадию становления новой, санкционированной государством эстетики, которая в начале 1930-х получит терминологическое закрепление в формуле «социалистического реализма». «Азиатские рассказы» Павленко сочетают в себе разнонаправленные литературные тенденции, так или иначе повлиявшие на становление нового литературного канона.

В литературе метрополии 1920—1930-х годов активно осваивались новые тематические пласты — жизнь российской глубинки (таежных и дальневосточных районов), а также смежных по отношению к Советской России регионов, перспективных с точки зрения идеологии «мировой революции». Показательны в этой связи написанный на дальневосточном материале роман А.А. Фадеева «Последний из Удэге» и особенно книга Б.А. Пильняка о Японии «Корни японского солнца» (характерно при этом, что именно в азиатском начале Пильняк видел «источник русского духа и революции» [Пильняк, 2004: 181]).

Рассказы Павленко о Турции, где он работал в советском торгпредстве в период 1924—1927 гг., стали его литературным дебютом. Будучи пробой пера еще не выработавшего своей авторской манеры писателя, «Азиатские рассказы» в стилистическом отношении во многом несовершенны. Однако именно в процессе их создания П.А. Павленко обнаружил в себе склонность к писательству и определил свою дальнейшую профессиональную судьбу, сделав выбор в пользу литературного поприща.

По свидетельству поэта Николая Тихонова, вернувшийся из Турции Павленко был вдохновлен и взволнован из-за принятого им решения стать профессиональным литератором. Давая оценку его «турецким» рассказам, Тихонов с преувеличенной комплиментарностью отмечал, что они «переполнены почти поэтическим богатством сравнений, эпитетов, описаний, как будто он хотел доказать слушающему, что бедная, нищая страна, которую он полюбил, прожив в ней несколько лет, в действительности — настоящая восточная

красавица с сильной и вольной душой» [Павленко в воспоминаниях современников, 1963: 8, 9].

В 1920-е годы, когда в молодой советской литературе шел поиск нового авторитетного стиля, Павленко экспериментировал со стилизованными приемами разных литературных течений и школ. Так, эстетизация действительности в его «турецких» рассказах, их замысловатая поэтическая образность были во многом обусловлены влиянием на него литературной группировки «Перевал». Как известно, «перевальцы», как и модернисты, признавали исключительность творческого дара художника, который в произведениях искусства «открывает мир <...> в наиболее очищенных и непосредственных ощущениях» [Голубков, 2008: 105]. С точки зрения критиков «Перевала», искусство не отражает, а создает некую идеальную эстетическую реальность.

Следуя положению А.К. Воронского о том, что художник «имеет дело преимущественно не с миром как таковым, а с образами, с представлениями мира» [там же], Павленко наделяет особым статусом изображаемую вещь: она часто заключает в себе эмблематический смысл и является одной из основных форм выражения авторского сознания. Вещная деталь нередко нагружается в ранней прозе Павленко символическими значениями, существуя не только в координатах материального мира, но и становясь знаком «сверхреальности», открывающейся художнику в момент озарения. В этом смысле Павленко пытался следовать еще одному тезису Воронского: «Художник должен уметь сочетать временное с вечным. Только тогда его вещи становятся достоянием будущего» [Воронский, 1987: 588]. В еще большей мере влияние «Перевала» сказывается на том, как развиваются в «Азиатских рассказах» устойчивые металитературные мотивы: произведения наполнены размышлениями о природе художественного дарования, о предназначении творческой личности, о возможностях памяти и воображения и т.п.

Один из первых рассказов Павленко, «Лорд Байрон», был написан им в соавторстве с Б.А. Пильняком, влияние на Павленко которого, вероятно, предопределило тяготение его ранней прозы к орнаментализму. Об этом свидетельствует, например, рассказ «Мастера Эйюба», который открывается фирменным приемом «поэтизации прозы» — речевым повтором: «*Как тихо* и строго в Эйюбе. *Как долго* и *тихо* здесь светит солнце» [Павленко, 1931: 3]. В описании стамбульского пейзажа, навевающего на автора тоску своей бедностью, отчетлива элегическая интонация: «... как стар Стамбул, как беден он. Проходит все, что кажется неумирающим, быстротекуща жизнь, соблазны победили вечный город, и уж никто, никогда, нигде не зажжет в себе огня вдохновенных молитв» [там же: 4].

Акустика фразы у раннего Павленко может впитывать в себя ощущение от звучания человеческого голоса или звуков, производимых

при каком-либо движении. Вот пример отчетливой аллитерации, передающей шепот голосов и едва различимое слухом шуршание ткани хиджабов и штор: «На медленных улицах *шушукаются* нищие. Неслышными шагами проходят полузакутаннные женщины, закрываются шторы лавок» [там же: 3]. Речевая поверхность «Мастеров Эйюба» изобилует синтаксическими повторами, инверсиями; в передаче действий и состояний заметно преобладание глаголов несовершенного вида.

Благодаря таким речевым особенностям текста создается впечатление надвременного характера происходящего, утверждается самоценность фиксируемых состояний бытия. Формы проявления «живой жизни» разнообразны и не поддаются иерархическому распределению на важное и второстепенное: одинаково весомы и «белые пальмы минаретов», которые «развевают» плач муэдзинов, и «затихающие голуби», и старики, которые «вздыхают и бормочут тихие свои повести», и «стремящаяся в ночь <...> одинокая песня» [там же: 3, 5, 7].

В композиционном отношении «Азиатские рассказы» с их лейтмотивной структурой повествования вызывают типологические ассоциации с «Голым годом» Пильняка. При этом если в романе о русской революции лирическое начало проступает в фольклорных мотивах, то в рассказах Павленко о Турции оно активно окрашивает восточную образность.

Реагируя на орнаментальные эффекты ранней прозы Павленко и относя их на счет влияния «Перевала», советская критика небезосновательно упрекала писателя в стилистической вычурности, избыточности повторов и «искусственной» напевности, что приводило автора к использованию «заумных, непонятных выражений, антиреалистических сравнений и эпитетов» [Новикова, 1955: 11], к «формализму и эстетскому любованию прошлым» [там же: 10].

Другим вектором влияния на раннюю прозу Павленко оказалась традиция поэтического авангарда¹. В рассказе «Гали-Болу», который изобилует маринистическими пейзажами, немало примеров экспрессионистских образов, создававшихся под явным влиянием В.В. Маяковского. Как прямо утверждал Павленко в одном из литературно-критических очерков, именно Маяковский «заложил основы новой поэтической эпохи» [Павленко, 1955: 19], а пронизывающий творчество футуриста «пафос борьбы и созидания <...> стал душой» советской поэзии [там же: 21].

Турецкий полуостров Гали-Болу (Галлиполи), где во время Первой мировой войны происходили ожесточенные бои, а в 1920–1923 гг. размещался лагерь эвакуированной из Крыма Русской

¹ Эта традиция в 1920-е годы учитывалась и таким мастером неклассической прозы, как Е.И. Замятин. Продуктивным для нового искусства он считал принцип художественного «сдвига», истоки которого он видел в футуризме.

армии под командованием П.Н. Врангеля, предстает в рассказе неким «метагеографическим» антиидеалом. В композиционном отношении «Гали-Болу» — это довольно «рыхлый» морской этюд, описывающий плавание к турецкому полуострову. Периодически пейзажная «этюдность» смещается в сторону повествовательности — за счет рассказываемых плывущими на судне персонажами мифопоэтических историй.

В рассказе нет ни одного прямого намека на «белогвардейские страницы» истории полуострова, на мученические эпизоды так называемого «Галлиполийского сидения» русских беженцев, однако это идеологически мотивированное умолчание вполне компенсируется соответствующим подбором экспрессивных образов.

Павленко намеренно создает антиэстетический образ полуострова как забытой Богом страшной пустыни, своего рода приморской «помойки». В роли сквозного лейтмотива при этом выступает комбинированный цветообраз «ржаво-рыжего», который — помимо прочих отталкивающих образных ассоциаций — дополнительно наделяется семантикой зловония: «*Рыж* и смраден Гали-Болу», «Гали-Болу цепляет их <туманы> за шершавый гребень своих гор, и они висят и треплются, как кучи сырого тряпья, на его *ржавых* и зловонных зубьях» [там же: 161].

Стилистика рассказа вызывает ассоциации с характеристиками «старого мира» в «Мистерии Буфф» (где использован фантастический сюжет «послепотопного», т.е. послереволюционного плавания): мир, опутанный «ржавыми цепями», испепеляемый «недвижной рыжиной солнца» [Маяковский, 1988: 485, 467], нуждается в радикальной переделке. Подобно Маяковскому, Павленко активно пользуется аллитерациями на шипящий «ж», что придает звучанию фразы напористость и резкость: «Дует сирокко, ветер безумцев и поджигателей, *жирным жаром* щекочущий анатолийские берега», «*жар* недвижим и плотен, но он не рубит лицо *ожогами* касаний, как *жар* сахарийских песков» и др. [Павленко, 1931: 161, 162].

Общий формальный знаменатель визуальных образов рассказа — принцип деформации — тоже напоминает об излюбленных приемах футуристов. Семантика этих образов непременно включает элементы насильственного воздействия, например, агрессивного сжатия («жар <...> сдавливает грудь горячими тисками» [там же]), бичевания («англичане <...> стегали залив огненной сталью» [там же: 167]), взрыва («сталь металась над головою и взрывала воду впереди и позади его» [там же: 168]), выдавливания («тестообразной жижей вытекает лиловая грязь, в которой — куски человеческого мяса, вырванные глаза, сгустки крови» [там же: 161]). Характерны некоторые антропоморфные образы «Гали-Болу», явно спровоцированные

стремлением автора писать в русле экспрессионистской эстетики, придающей картине воспроизводимого мира «эффект «пьяного», галлюцинирующего сознания» [Базилевский, 1999: 45]. Вот лишь один пример подобного словотворчества: «жар <...> обсасывает тела потной слюной» [Павленко, 1931: 162] (ср. у Маяковского: «Всех пешеходов морда дождя обсосала» [Маяковский, 1988: 20]).

Логика сюжетных вкраплений в «Гали-Болу» определяется стремлением автора уравновесить описательность эпической событийностью, причем событийностью, окрашенной героическим пафосом. Первый подобный микросюжет — это история, рассказанная повествователю капитаном-турком. Речь идет о подвиге неизвестного турецкого героя Первой мировой войны. Исполняя поручение майора доставить письмо коменданту, он, подобно лорду Байрону, вплавь пересекает Дарданеллы. По ходу сюжета ему приходится это сделать трижды. Сверхчеловеческое напряжение все-таки не приносит должного результата: смельчак Назим так и не достигает пункта назначения, попадает в плен к англичанам и гибнет.

Героическая патетика определяет и стилистику морских пейзажей в рассказе. Таковы обобщающие декларации о человеке, бороздящем морские просторы и покоряющем «бунтующую» водную стихию. Человек в этом противостоянии сильнее стихии, потому что он опирается на механическую мощь машины. Напомним, сколь популярны в контексте «пролетарской культуры» 1920-х годов идеи «машинизации» жизни как неотъемлемого условия возникновения нового государства. Один из главных идеологов Пролеткульта А.К. Гастев, выстраивая утопический проект о будущем России, в качестве идеала использовал образ «пролетария, растущего из железа» [Добренко, 1999: 45].

Павленко, как можно почувствовать по рассказу, учитывал и эту идею «механического» человека, пересоздающего мир по новому образцу, отразив ее в серии сравнений и метафор. В «Гали-Болу» образы человека и парохода как бы срастаются воедино: человеческие воля и упорство соединяются с механической энергией судна, а пароход наделяется антропоморфными чертами: «Море нас тискает и жмет в мягком чреве своем, но, не сдаваясь, стиснув челюсти люков и глаза иллюминаторов, мы пробиваемся в глубь его мягкого чрева <...> Пароход идет. Он сжался в комок, он трещит в боках, <...> он крадется к рыжей щели Гали-Болу и приоткрывает края ее своим тупым упрямым носом» [Павленко, 1931: 164, 168, 169].

Черты неклассической прозы в «Гали-Болу» проявляются и в изображении пограничных душевных состояний и иррациональной мотивировке человеческих поступков. Так, героиня второго микросюжета, которая ищет в обезлюдевшем послевоенном Гали-Болу письма своего американского жениха, страстно влюбляется в друго-

го — неизвестного ей автора «мудрых писем» [там же: 171]. Страсть, разгоревшаяся в ее воображении, оказывается более сильной, чем вызванные реальностью чувства. Поняв по письмам, что ее «эпистолярный» возлюбленный мертв, она кончает с собой. Человеческая жизнь, как показывает автор рассказа, может быть разрушена из-за спонтанно возникшего душевного порыва.

Разнонаправленные «советские» литературные влияния в ранней прозе Павленко парадоксальным образом сочетаются и с зависимостью от манеры признанных мастеров дореволюционного литературного «мейнстрима», оказавшихся после революции в эмиграции. Вот, как изображен в «Азиатских рассказах» мир Востока, очевидна ориентация Павленко на И.А. Бунина. Позднее, уже укрепившись на советском литературном Олимпе, Павленко назовет Бунина «крупнейшим стилистом» [там же: 107], приоткрыв тем самым важный ориентир своих стилизованных поисков. Несомненно, что путевой очерк Бунина о Стамбуле «Тень птицы» был своевременно прочитан Павленко и повлиял на его рецепцию турецкого мира.

В «Мастерах Эйюба» пространство Стамбула воспринимается не как объективно существующая реальность, а как субъективная проекция авторского сознания. Рассказ будто фиксирует неотрефлексированный поток переживаний главного героя, запечатлевая череду его чувственных ощущений и эмоциональных состояний. Такая особенность повествования сближает «Мастеров Эйюба» с бунинской феноменологической прозой.

Восприятие героем городка Эйюб (ныне — округа Стамбула) определяется улавливаемыми им запахами («тонкий, далекий запах роз и амбры исходит из гробницы араба Ансара»), его тактильными ощущениями («холодные грани фаянса скользят под руками»), акустическими и визуальными впечатлениями («в кофейнях <...> звякают кости нард», «туманы Золотого Рога текли косматыми реками») [там же: 4, 5, 14].

Особенно показательным, что ремесло восточных парфюмеров осмысляется повествователем как подлинное искусство, сопряженное с мучительным творческим процессом. Работа парфюмера уподобляется искусству слова: «Искусство ароматов <...> — поэзия обоняния»; ароматы возможно читать, «как диваны стихов» [там же: 14, 13]. Запах, подобно стихам, способен вызвать яркую эмоцию, стать причиной глубокого душевного переживания: «Фиалка — молодость, печаль, влюбленность, утро, мечты, дорога <...>, роза — радость, цветение, день, солнце, мудрость <...> мускус — вечное, пришедшее вместе с исламом» [там же: 9].

Сенсорные реакции героя в анализируемых рассказах, как и в прозе Бунина, нередко синкретичны, порождены взаимодействием разных органов чувств. Вот характерный пример синестетического

сравнения: «Мирный вечер уютен и долог, и грустен, и пуст, как запах поздней осенней мимозы» [там же: 4]. Заметим, что проявления синестезии будут часто встречаться и в более поздних текстах писателя: «голубой цвет прохладен», «воздух, как музыка» [там же: 94, 90].

В плане писательской авторефлексии раннего Павленко показателен рассказ «Изображение вещей», посвященный темам творческой одаренности и предназначения художника. Искусство осмысливается писателем как наиболее тонкий способ познания реальности. Узловыми моментами сюжета являются встречи султана Магомета и приглашенного им в Стамбул венецианского художника Джентиле Беллини. В одну из этих встреч Беллини узнает об убийстве султаном рабыни, которое стало для убийцы спасительным избавлением от «недуга» любви. Невротический ответ художника на преступление султана — создание полотна, изображающего Саломею с отсеченной головой Иоанна Крестителя. При этом в лице Крестителя отчетливо выступают черты Магомета.

Взору художника открывается подлинное лицо правителя, который в силу своей жестокости нравственно уже мертв: «Убив, Магомет убил себя для любви» [там же: 68]. Очевидно, произведение искусства в рассказе является эмблемой некоей идеальной реальности, отражающей истину. Философским же выводом «Изображения вещей» следует считать идею о сакральной природе творческого дара.

Итак, применительно к «Азиатским рассказам» едва ли можно говорить о какой-то главной, общей для текстов сборника стилистической тенденции. Главная их формальная особенность — это именно стилистическая эклектичность, обусловленная восприимчивостью Павленко к разным, подчас конфликтовавшим друг с другом литературным течениям. Отражая авторский эксперимент со стилем, «турецкие» рассказы мимикрируют то под орнаментальную прозу, то под футуристические тексты, то под чувственно заостренную прозу Бунина.

Историко-литературная значимость «турецкой» прозы Павленко связана, разумеется, не с глубиной утверждаемых автором идей и не с качеством стилистической отделки текста. Ранние произведения будущего автора романа «Счастье» и сценариста фильма «Падение Берлина» показательны тем, что в них отчетливо отразился поиск удобных для советской идеологической парадигмы стиливых форм и приемов, причем «восточный» мотивно-тематический вектор, как показывает «случай Павленко», воспринимался как весьма перспективный путь к выработке того, что получит название социалистического реализма.

Позднее Павленко напишет и повесть «Пустыня» (на туркменском материале), и роман «На Востоке», постепенно все дальше и дальше уходя от повышенной метафоричности и экспрессивности,

характеризовавших его прозу о Турции. Советский писатель найдет те формы ретуширования образного материала, которые будут полностью соответствовать стилевому канону соцреализма, к становлению которого он тоже приложил руку.

Список литературы

1. *Алтынбаева Г.М., Речбер Д.* Образ Стамбула в рассказах 1920-х годов П.А. Павленко // *Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых.* № 18, ч. I. Саратов, 2015. С. 73–77.
2. *Базилевский А.В.* Деформация в эстетике сюрреализма и экспрессионизма // *Сюрреализм и авангард: Материалы рос.-фр. коллоквиума, состоявшегося в ИМЛИ.* М., 1999. С. 35–46.
3. *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. М., 1987.
4. *Голубков М.М.* История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М., 2008.
5. *Добренко Е.А.* Формовка советского писателя. СПб, 1999.
6. *Маяковский В.В.* Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 2.
7. *Новикова М.И.* П.А. Павленко: очерк творчества. Симферополь, 1955.
8. *Павленко П.А.* Азиатские рассказы. М., 1931.
9. *Павленко П.А.* Писатель и жизнь. Статьи. Воспоминания. Из записных книжек. Письма. М., 1955.
10. Павленко в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. Ц.Е. Дмитриевой. М., 1963.
11. *Пильняк Б.А.* Корни японского солнца. М., 2004.

Alexandr Ledenev, Kseniya Romanova

THE EARLY FORMATION STAGE OF SOCIAL REALISM: PYOTR PAVLENKO'S TURKISH PROSE AS EXPERIMENTS WITH STYLE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses the early stories by the Soviet writer Pyotr Pavlenko. Pavlenko wrote them during his stay in Turkey, where he worked in the Soviet Trade Mission in 1924–1927. In the 1920's, authors were highly sensitive to the new ideological trends, and *The Asian Stories* signal that Pavlenko, among others, was trying out various literary styles, experimenting with streams and schools. This is why it is nearly impossible to identify any single stylistic trend in *The Asian Stories*, they are stylistically eclectic, ranging from ornamental prose to futuristic texts and to even Ivan Bunin's sensual prose. The highly metaphorical and expressive language of Pavlenko's early prose (he would deliberately get rid of it later) aroused heavy criticism, his stylistic extravagance was strongly rebuked. The

historic and literary significance of Pavlenko's Turkish prose lies not only in ideas or stylistic finesse, it gave rise to a new, government-sanctioned, aesthetics, which was branded as *socialist realism*. Soviet ideologists viewed the Asian motives as a prospective route for developing principles of socialist realistic art. It is argued that Pavlenko's early works, as well as *The Happiness* (novel) and *The Defeat of Berlin* (movie script), are still relevant today.

Key words: stylistics; Turkish; ornamental prose; expressiveness; social realism.

About the authors: *Alexandr Ledenev* — Prof. Dr., Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aledevev@mail.ru); *Kseniya Romanova* — PhD student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ksuromanova@inbox.ru).

References

1. Altynbaeva G.M., Rechber D. *Obraz Stambula v rasskazah 1920 godov P.A. Pavlenko* [The Image of Istanbul in P.A. Pavlenko's stories of the 1920s]. *Philologicheskie etudy* [The Philological essays], 2015, part I, no. 18, pp. 73–77. (In Russ.)
2. Bazilevskiy A.V. *Deformatsiya v estetike surrealizma i ekspressionizma* [Deformation in the aesthetics of the surrealism and the expressionism]. *Surrealizm i avangard: materialy rus.-fr. kollokviuma* [The Surrealism and the Avant-garde: the Russian-French colloquium materials], Moscow, 1999, pp. 35–46. (In Russ.)
3. Voronskiy A.K. *Iskusstvo videt' mir* [The Art of the World Perception]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1987, 704 p.
4. Golubkov M.M. *Istoriia russkoy literaturnoy kritiki XX veka (1920–1950s)* [The History of the Russian Literary Criticism of the 1920–1950s]. Moscow, Academia Publ., 2008, 366 p.
5. Dobrenko E.A. *Formovka sovetskogo pisatel'ia* [The Forming of the Soviet Writer]. Saint-Petersburg, Academ. Project Publ., 1999, 557 p.
6. Maiakovskiy V.V. *Sochineniia v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1988. Vol. 2, 768 p.
7. Novikova M.I. *P.A. Pavlenko: ocherk tvorchestva* [P.A. Pavlenko: the outline of literary work]. Simferopol, Krymizdat Publ., 1955, 152 p.
8. Pavlenko P.A. *Aziatskii rasskazy* [The Asian Stories]. Moscow, Federatsiia Publ., 1931, 188 p.
9. Pavlenko P.A. *Pisatel i zhizn'. Stat'ii. Vospominaniia. Iz zapisnykh knizhek. Pis'ma* [The Writer and Life. Articles. Memories. From the notebooks. Letters]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1955, 368 p.
10. *Pavlenko v vospominaniakh sovremennikov* [Pavlenko in contemporaries' memories]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1963, 413 p.
11. Pilniak B.A. *Korni iaponskogo solntsa* [The Roots of the Japanese Sun]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2004, 330 p.

Т.Н. Белова

**САТИРИЧЕСКОЕ И КОМИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
РЕАЛИЙ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В РОМАНАХ В. НАБОКОВА («ПНИН», «ЛОЛИТА»,
«БЛЕДНОЕ ПЛАМЯ»)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируются особенности сатирического и комического изображения американской жизни в романах В. Набокова «Пнин», «Лолита» и «Бледное пламя». Отмечается, что американские реалии в этих трех романах представлены остраненно, с точки зрения “an alien” — иностранца, маргинального, зачастую гротескного героя, который изображается автором либо в сочувственно-комическом плане, как Пнин, либо в безжалостно-ироническом освещении, как Гумберт Гумберт, либо в гротескно-сатирическом ключе, как Кинбот-Боткин. В романе «Пнин» при подаче американских реалий действительности комическое явно преобладает над сатирическим, в «Лолите» значительно усиливаются сатирические нотки, поскольку там подняты серьезные проблемы двойных стандартов американской жизни, антисемитизма и расизма, лицемерия и пошлости, засилья рекламы, современного воспитания и образования. В «Бледном пламени» сатира и юмор сочетаются с бурлескным карнавальным началом, поскольку жизнь представлена в восприятии неадекватного героя-маргинала. Вместе с тем каждый роман несет и трагический отсвет событий современности: войн; революций; бесприютного эмигрантского существования на чужбине; чужеродных реалий бытия.

Ключевые слова: американская действительность; сатирическое и комическое; маргинальный герой; гротескно-карнавальное начало.

Реалии американской действительности в романах В. Набокова представлены весьма остраненно, в восприятии “an alien” — героя-чужестранца, маргинального, зачастую гротескного персонажа, который изображен либо в сочувственно-комическом, как незадачливый Тимофей Пнин, либо в безжалостно ироническом освещении, как Гумберт Гумберт, либо в гротескно-сатирическом ключе, как Кинбот-Боткин — безумный эмигрант и «мнимый король без королевства» в романе «Бледное пламя».

Белова Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (e-mail: tnbelova@yandex.ru).

В романе «Пнин», который писался и печатался в 1953–1955 гг. в журнале “New Yorker”, а отдельным изданием вышел в нью-йоркском издательстве “Doubleday” в 1957 г., отразился преподавательский опыт в США самого Набокова. Роман написан в духе «университетской прозы» (“academic novel”, “campus fiction”), возможно не без влияния Мэри Маккарти, автора очень известного в те годы в США романа-памфлета из университетской жизни «Сады Академии» (“The Groves of Academy”, 1952). Набокову это произведение было хорошо известно: о нем он упоминает в письмах к своему другу Э. Уилсону — мужу писательницы, благожелательно отозвавшись о достоинствах этого бестселлера.

Герой романа, немолодой русский эмигрант Тимофей Пнин, перенесший целую серию ударов судьбы, не сломлен, наоборот, он даже одерживает нравственную победу над насмехающимися над ним вполне благополучными американскими коллегами, в том числе и над героем-рассказчиком, «обворожительным» Владимиром Владимировичем — иронической маске самого писателя. Пнин — гротескный персонаж, однако обладающий удивительным набором нравственных качеств: добротой, благородством, щедростью, бескомпромиссностью. В описаниях его внешности («лысина, похожая на отполированный медный шар» [Набоков, 1997: 33], «подбородок длинный, как у Герцогини из Страны Чудес» [там же: 62], «обширное коричневое чело, очки в **черепаховой** оправе (скрывающие **младенческое** отсутствие бровей), **обезьянье надгубье**, **толстая** шея и торс **силача**» и пара **журавлиных** ног «с хрупкими на вид, почти что **женскими** ступнями» (выделено нами. — Т.Б.) [там же: 11]) гротескное сопряжение несочетаемого: он одновременно и силач, и младенец, и мужчина, и женщина, и крепкий, и хрупкий. Гротескность образа усиливается еще и привнесением сравнений с представителями различных классов животного мира: **черепаховый**, **обезьяний**, **журавлиный** — внешний облик Пнина создается изобразительным рядом сюрреалистического толка.

Пребывание Пнина в Америке постоянно сопровождаются комические недоразумения, особенно во время его перемещений по территории штата, связанных с чтением лекций: он по ошибке то садится не в тот поезд, то путает рукопись лекции с рефератом студентки, при этом постоянно прилагая невероятные усилия, чтобы благополучно выйти из той или иной комической ситуации. Называя его «языковедом поневоле», автор с юмором описывает его разговорный английский, весьма далекий от нормы, его письменные лекции, требующие обязательной правки носителя языка, его занятия со студентами русским языком. Так, на занятиях по начальному русскому курсу, вместо простых языковых упражнений, он решил

перевести стихотворение Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (“Whether I Wander Along Noisy Streets”). При этом словосочетание «охладелый прах» переведено как “refrigerated ashes” («замороженные останки»), затем как “cold dust” («холодная пыль, прах»), а «и хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать» — как буквализм “and though it is indifferent to the insensible body”... [там же: 64–65].

С благожелательным юмором автор описывает, как Пнин — «знаток русских кивков и ужимок», помогает коллеге Лоренсу Клементсу понять значение русских жестов: «махнуть», «всплеснуть» и «развести» руками для его картотеки, посвященной философской интерпретации жестов [там же: 41]. Оба они чувствуют себя непринужденно «лишь в теплом мире подлинной учености» [там же: 40], что и приводит их «к тихому духовному согласию» [там же].

Изображение американской академической среды дается в романе в гротескно-сатирическом ключе, хотя некоторые ее представители (доброжелательный германист Гаген, чета Клементсов, в доме которых поселился Пнин) показаны весьма гуманными, интеллигентными людьми. Гротескно-сатирически изображается использование солидных научных грантов на дутые проекты: так, профессор антропологии Т.В. Томас получил десять тысяч долларов от весьма щедрого фонда Мандовилля на изучение... привычного рациона кубинских рыбаков и пальмолазов.

Весьма саркастически показан уровень учености профессоров Вайнделла и степень их некомпетентности и даже плагиаторства: так, профессора Л. Блоренджа, заведующего Отделением французского языка и литературы, отличали две особенности: он «не любил литературы и не знал французского языка», полагая, например, что Шатобриан — прославленный французский повар, и читал свой курс лекций «Великие французы» по подшивке всеми забытого журнала XIX в., найденного им на чердаке и не представленного в библиотеке [там же: 127]; мистер Смит, преподающий начальный курс французского языка, «обходится тем, что на один урок опережает студентов» [там же: 128]. И когда профессор Гаген предлагает Блоренджу взять Пнина как преподавателя французского языка, которым тот хорошо владел, получает отказ, поскольку на фоне специалиста их полное незнание предмета обучения станет очевидным.

«Лолита» не случайно названа в критике «самым американским» из романов Набокова [Pifer, 1995: 305]: в нем не только отображены многие реалии американской действительности конца 1940-х — начала 1950-х годов, но и сам роман в духе традиций американской литературы отстаивает неотъемлемое право человека на свободу выбора, за которую герой обычно борется до конца и побеждает. Оказавшись в сексуальном рабстве у своего европейского отчим-педофила, Лолита постепенно переходит от беспомощной растеря-

ности к активным действиям и совершает свой продуманный побег, который не случайно происходит 4 июля — в День независимости США, и в конце концов она, несмотря на трудности, все же обретает семью и даже носит в чреве ребенка, т.е. она возвращается в лоно семейных ценностей и ни за что не хочет его покинуть, возвратившись к Гумберту Гумберту.

Реалии американской жизни в романе с большой долей иронии, сарказма и подчас сатиры находят свое отображение в описании неудобств придорожных гостиниц и мотелей с их звукопроницаемыми «вафельными» перегородками, от которых так страдает герой во время своего долгого путешествия по Америке вместе с Лолитой.

Гумберта как образованного европейца удивляют и раздражают пошлые и претенциозные названия отелей («Закаты», «Перекаты», «Чудодворы», «Красноборы») и общественных туалетов («Парни-девки», «Он и она», «Адам и Ева»), названия марок машин («Седой прибор», «Сплавной сухостой», «Серый шелк», «Серый волк») и засилье рекламы, образчиком которой может служить реклама бритвенного крема: «Наши строки прочла бородатая Ната, и теперь она стала женою магната», а также «новейшие» системы образования и воспитания школьниц в Бердслейской гимназии и летнем лагере «Кувшинка», о котором ему с возмущением рассказывала Лолита.

Затронута проблема религиозности американцев (церковный съезд в «Привале зачарованных охотников»), их нетерпимость, ханжество, двойные стандарты, пошлость и лицемерие, элементы расизма и антисемитизма. Так, Гумберта не хотят селить в этом престижном отеле из-за его непривычной фамилии и «неарийской» — кельтской — внешности, в чем сомневалась и госпожа Гейз, задавая ему, прежде чем выйти за него замуж, вопрос о том, нет ли у него в роду «некоей посторонней примеси» [Набоков, 1992: 75], однако сомнения портъе, селить ли «подозрительного брюнета» [там же: 120], моментально развеялись при виде его «арийской розы» — Лолиты [там же: 121]. В другой гостинице «высшего ранга... расистского пошиба дирекция» хотела непременно узнать «девичье имя его покойной жены и покойной матери» [там же: 148].

В романе широко представлены элементы «черного» юмора: «О моя бедная Шарлотта, не смотри на меня с ненавистью из твоего вечного рая посреди вечной алхимической смеси асфальта, резины, металла и камня, но, слава богу, не воды, не воды» [там же: 89], т.е. герой-рассказчик доволен, что не он стал причиной ее гибели.

Сочетание трагического и комического красной нитью проходит сквозь роман, причем комическое иногда снимает напряжение повествования, а иногда еще сильнее усугубляет трагическое. Так, преследуя Лолиту, сбежавшую от него с помощью К. Куильти, Гум-

берт, для которого жизнь теперь закончилась, как гончая в поисках следа — «следа беса» — так он пишет о сопернике, в первую очередь обращается за информацией к гостиничным книгам с записями постояльцев, их фамилий, адресов и автомобильных номеров (по его подсчетам, сам он расписался в 342 книгах мотелей и гостиниц, даже если и не останавливался там на ночлег), где он обнаруживает «тень беса» с его издевательскими намеками, говорящими надписями, псевдонимами и каламбурами, например: «Роберт Роберт, Мольберт, Альберта»; «П.О. Темкин, Одесса, Техас»; «О Бердслей, Лолита, Техас», «Боб Браунинг, Долорес, Колорадо»; «Гарольд Гейз, Мавзолей, Мексика», «Адам Н. Епилинтер, Есноп, Иллиной», которую он расшифровывает как послание: «Адам не пил, интересно, пил ли Ной?» Он также пытается расшифровать комбинации букв и цифр в номерах указанных там машин и внезапно узнает в них дату рождения и смерти Шекспира: В.Ш.1564, В.Ш.1616.

Образцы «ювеналовой» сатиры в романе появляются там, где Набоков описывает некоторые научные опыты американских псевдоисследователей. Например, Валентина и ее второй муж — русский эмигрант Максимович, оказавшись в Калифорнии, нуждаясь в деньгах, за хорошую плату стали объектами странного опыта, проводившегося известным американским энтомологом с целью «установить человеческие (индивидуальные и расовые) реакции на питание одними бананами и финиками при постоянном пребывании на четвереньках» [Набоков, 1999: 28].

Роман Набокова «Бледное пламя» создавался с 1957 по 1961 г. и был опубликован в Нью-Йорке в 1962 г. издательством “Putman’s Sons”. Он состоит из двух неравных частей. Первая — небольшая автобиографическая философская поэма, авторство которой в романе принадлежит якобы известному американскому поэту Джону Шейду, пишущему в духе Р. Фроста. Она содержит рассуждения о смысле человеческого бытия, заканчивающегося небытием; автор страдает от потери единственной любимой дочери, покончившей жизнь самоубийством, и ищет возможность найти тонкую связь с потусторонним миром, а в конце нелепо погибает от пули, предназначившейся другому.

Вторая часть — фантасмагорический, во много раз превышающий поэму псевдокомментарий к ней, созданный гротескным маргинальным героем — эмигрантом из Северной Европы Кинботом, страдающим умственным расстройством. Он упивается манией величия, воображая себя свергнутым королем сказочной «хрустальной страны» Земблы, и одержим манией преследования: именно об этом он очень подробно и в живописных деталях рассказывает в своем комментарии.

Большая часть комментария обыгрывает тему гомосексуальных связей, как в северной стране Зембле, где мужеложество было главным предпочтением королей и принцев, так и в Вордсвортском колледже, что создает комический эффект, абсолютно не вяжущийся с содержанием поэмы. В описании приключений короля Карла Излюбленного, которым, по мнению Кинбота, являлся он сам, содержится множество штампов, взятых из массовой литературы о шпионах и подосланных убийцах.

Читателю сразу бросается в глаза кардинальное несоответствие формы и содержания самой поэмы и так называемого комментария к ней, где образы персонажей, как в кривом зеркале, повторяют и искажают образы героев поэмы и университетского городка, которые, словно расщепляясь, приобретают себе двойников в вымышленном фантастическом мире земблянского королевства: университетский коллега Джеральд-Эмеральд становится Д. Изумрудовым («из умрудов»), жена поэта Шейда Сибил — герцогиней Дизой Больна, а психически неполноценный американец Джек Грей — земблянским шпионом-убийцей Яковом Градусом, чьи злоключения и в Америке, и за рубежом описаны в уничижительно комедийном ключе. Так, пытаясь выяснить по прибытии в университетский городок, как найти Кинбота, он обращается в библиотеку, где его ориентируют в непривычной для европейцев манере — по сторонам света: «Значит, ступайте на юг... потом свернете на запад и еще на запад... лучше держитесь все время на запад, пока не уткнетесь в зал Флоренс Хаутон, а там перейдите в северное крыло... Не будучи ни моряком, ни беглым королем, он немедленно заблудился...» [Набоков, 1997: 517].

В комментарии много страниц посвящено американской академической среде, изображенной с точки зрения преподавателя-эмигранта, бытовым привычкам американцев и тем неудобствам, которые испытывают европейцы, привыкшие к другим условиям. Так, описывая шато судьи Гольдсворта, в котором он поселился, Кинбот сетует на холод и «сплетение убийственных сквозняков»: «отопление являло собою фарс, его исполнительность зависела от системы задушин в полах, сквозь которые долетали до комнат тепловатые вздохи дрожащей и стонущей в подземелье печи, невнятные, словно последний всхлип умирающего» [Набоков, 1997: 299], а также отсутствие прихожей, поскольку... «обходительность прежних времен требовала, чтобы случайный гость мог сквозь открытую дверь убедиться прямо с порога, что никаких бесчинств в гостиной не производится» [там же]. Судья Гольдсворт оставил постояльцу «опись домашней утвари» и во всех ящиках своего дома листочки с «рекомендациями, пояснениями и предписаниями», чего делать не надо, а также с недельной диетой для домашней кошки, которую постоялец тут же «сдал в аренду» полomoйке. Самое «уморительное»

уведомление касалось того, как открывать и закрывать шторы («подневное и посезонное»), чтобы солнце не повредило мебель, выполняя которое, надо быть занятым «не меньше участника регаты». Альтернативой было другое «щедрое предложение»: перед сном и рано утром перетаскивать мебель «из солнечных пределов», но при этом не поцарапать стенные багетки»; читая подобные «захоронки», его сосед Дж. Шейд «ревел от смеха» [Набоков, 1997: 352–353].

За исключением Шейда, который весьма сочувственно и благожелательно относился к Кинботу, другие университетские коллеги постоянно подшучивают над ним, за глаза называя его Великим Бобром, над его вегетарианством и другими привычками, задают провокационные вопросы по поводу сходства с земблянским королем, а также намекая на его гомосексуальные наклонности; а некоторые даже считают его умалишенным.

Шейд же полагал, что Кинбот, который на самом деле был не кто иной, как русский эмигрант Боткин, «по собственной воле страхнул бесцветную шелуху невеселого прошлого и заменил ее блистательной выдумкой», хотя и «вступил в новую жизнь с левой ноги» [там же: 481].

Таким образом, поставив в центр повествования нетрадиционного маргинального героя, автор использует его как призму, высвечивающую дегуманизацию отношений в обществе.

Сам Набоков как человек и писатель исповедовал безграничную «дерзкую, умную, бесстыдную свободу» в выборе тем и образов своих произведений, одновременно ниспровергая авторитеты многих классиков XIX–XX вв. и отказываясь следовать священным для русской литературы канонам, избегая морализаторства и менторского тона.

Маргинальный герой Набокова — чужак, изгой, как правило, психически нездоровый человек — также несет в себе это сугубо авторски личное зерно свободы выбора, хладнокровно распоряжаясь и своей, и чужими жизнями. Однако в набоковских романах присутствует мысль о детерминированности этического поведения человека не только его нравственным императивом, но и самой судьбой.

Важное место в романсеро-комментарии отводится и пародии: приключения арестованного и освободившегося короля — это явная пародия на авантюрно-политические романы. Так, оказывается, что подземный ход из королевской спальни ведет прямо на сцену театра, где короля мгновенно узнает заика-режиссер, однако никак не может выдать его страже из-за своего речевого дефекта, который он не может превозмочь; в дальнейшем короля, скрывавшегося в горах, приютили пастухи — «персонажи старой и скучной сказки»: например, жена пастуха возится «с кухонной утварью, напевая старинную песню» [там же: 401]. Это позволяет говорить о карнавали-

зации романного сюжета, что само по себе является отличительной чертой постмодернистской эстетики. Роман «Бледное пламя» также может быть рассмотрен и как остроумная пародия на некоторые литературоведческие работы, в которых отсутствует анализ собственно произведения, и как самопародия Набокова, незадолго до написания романа закончившего свой гигантский труд — перевод на английский язык «Евгения Онегина», и составившего к нему обширный комментарий.

Важнейшим принципом построения романа является полифонизм — диалогичность на всех его уровнях. Два главных героя, Шейд и Кинбот, — парные второстепенные персонажи-двойники, два мира: мир американской действительности и фантастический, выдуманный Кинботом опереточно-карнавальным мир Земблы и приключений его героев в Европе и США. Поэтому сатира и юмор «Бледного пламени» несут дополнительную функцию, демонстрируя читателю несовершенство того и этого — недолжного гротескно-искривленного мира.

Список литературы

1. *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность. Метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. СПб, 1999.
2. *Набоков В.* Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т. 3. СПб, 1997.
3. *Набоков В.* Лолита // Набоков В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 5, доп. М., 1992.
4. *Alexandrov V.E.* Nabokov's Other World. New Jersey, 1991.
5. *Nabokov V.* Lolita. L., 1997.
6. *Nabokov V.* Pale Fire. L., 1973.
7. *Pifer E.* Lolita // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. N.Y., 1995. P. 305—321.

Tatyana Belova

SATIRICAL AND COMIC DEPICTION OF AMERICAN LIFE IN VLADIMIR NABOKOV'S PNIN, LOLITA, AND PALE FIRE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses how Vladimir Nabokov ironizes over American mode of life in his novels. It is considered to be depicted from the point of view of an alien, a stranger, a marginal grotesque hero, who is portrayed either in a comic manner

but rather sympathetically like *Pnin*, or in a ruthless ironical light like Humbert Humbert, or in a grotesque satirical manner like Kinbot-Botkin. The American mode of life in “Pnin” is represented from the comic point of view, whether in “Lolita” it is depicted satirically when the narration is connected with the themes of double standards, racism and anti-Semitism in American society, hypocrisy and philistinism, advertisement, modern problems of bringing up children and their education. In “Pale Fire” satire and humour are combined with the grotesque-carnival mode of narration as the author of the pseudo-commentary is a mentally sick marginal. Also every novel bears the tragic shade of modern events: wars, revolutions, dull emigrè life abroad.

Key words: American mode of life; satirical and comic depiction; marginal hero; grotesque-carnival mode of narration.

About the author: *Tatyana Belova* — Ph.D., Senior Researcher, Russian Literature in the Modern World Laboratory, Faculty of Philology, Moscow State University (e-mail: tnbelova@yandex.ru).

References

1. Aleksandrov V.E. *Nabokov i potustoronnost'. Metaphizika, etika, estetika.* [Nabokov's Other World. Metaphysics, ethics, aesthetics]. SPb: *Aleteya*, 1999, 318 s.
2. Nabokov V. *Collected English Language Works* in 5 Volumes.V. 3. SPb, *Symposium*, 1997.
3. Nabokov V. *Lolita.* Collected Russian Language Works in 4 Volumes. V. 5, additional.M., *Progress*, 1992.
4. Alexandrov V.E. *Nabokov's Other World.* New Jersey, *Princeton University Press*, 1991.
5. Nabokov V. *Lolita.* L.: *Penguin Books*, 1997.
6. Nabokov V. *Pale Fire.* L.: *Penguin Books*, 1973.
7. Pifer E. *Lolita.* The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. N.Y., *Garland*, 1995, pp. 305–321.

Е.Д. Гальцова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ФРАНЦУЗСКОГО СЮРРЕАЛИЗМА¹

*Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук
121069, ул. Поварская, 25а Москва, Россия*

В статье рассматривается вопрос о суммирующих тенденциях в авангардной культуре. В деятельности группы Андре Бретона эта тенденция проявляется в постоянном интересе к словарям, энциклопедиями, антологиями, которые должны были служить как воплощением культуры сюрреализма, так и способом ее распространения. Проанализировав ряд произведений такого жанра, автор статьи приходит к выводу о неоднозначном понимании коммуникации во французском сюрреализме: будучи замкнутом на самом себе и на разработке своей собственной оригинальности (о чем свидетельствует, например, лозунг «оккультации сюрреализма» во «Втором манифесте сюрреализма» 1929 г.), он одновременно стремился к созданию и передачи этих новаций в качестве новых знаний (разумеется, специфических — «сюрреалистических»), что особенно сильно проявилось в творчестве лидера французского сюрреализма — Андре Бретона. В энциклопедическом проекте сюрреализма сюрреалистическая культура мыслится как знание, которое необходимо передать, и эта коммуникативность *par excellence*. Если, согласно Стефану Малларме, вся реальность и вся литература должны завершиться в Книге, то сюрреалистическая Сумма должна быть «рассеяна по ветру». В отличие от утопических проектов Малларме, Поля Валери, Хорхе Луиса Борхеса или Умберто Эко, для сюрреалистов культура не может быть автономна. Она должна быть всегда открыта и другому человеку, и социуму, и реальности, и культуре, и в этом сила и слабость энциклопедического проекта французского сюрреализма, который выдвигает на первый план идею безграничного и безостановочной передачи знаний.

Ключевые слова: французский сюрреализм; Андре Бретон; Дени Дидро; Мишель Фуко; энциклопедия; литература знаний; симулякр; коллективное творчество.

Гальцова Елена Дмитриевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и кафедры зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: newlen2006@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках работы по исследовательскому гранту РФФИ № 17-04-00073-ОГН «Литературный процесс первой половины XX века в Европе и Америке: направления и школы».

После смерти Андре Бретона Мишель Фуко высказал в одном интервью мысль, которая, как нам представляется, открывала неожиданные горизонты в осмыслении сюрреализма, но так и не была замечена исследователями. «Мне кажется особенно значительным тот факт, что Бретон соединил между собой, причем в самом полном смысле этого слова, две фигуры, чуждые друг другу, — художественное письмо (*écriture*) и знание (*savoir*)»² [Foucault, 1994: 555]. Фуко разъяснил, что, по его мнению, до Бретона французская литература была сосредоточена по преимуществу на наблюдении, анализе, идеях, но никогда — за исключением творчества Дени Дидро — на литературе знания, в чем и заключается вообще отличие французской традиции от немецкой (например, Гёте и романтиков). Бретон же, будучи поэтом иррационального, был как раз писателем познания (*connaissance*): подобно немецким романтикам, он раздвигал границы познания. Это интервью Фуко с Клодом Боннфуа было опубликовано на французском языке под названием «Пловец между двумя словами» (*C'est un nageur entre deux mots*) в октябре 1966 г., переиздано в 1994 г., но в английском переводе оно называлось «Литература знания» («*A Literature of Knowledge*» [Foucault, 1986: 10]): переводчики передали точный смысл высказываний Фуко. В 2015 г. специалист по архивам французских сюрреалистов Жорж Себбаг выпустил книгу, в которой проводит параллели между творчеством Бретона и Фуко, обращая внимание на их общий интерес к безумию, однако приведенное рассуждение последнего проходит мимо его внимания [Sebbag, 2015].

Нам представляется интересным развернуть проблему, поставленную Фуко, к анализу тех тенденций в культуре, какие обычно связывают с Дидро, т.е. с вопросом о роли того, что можно было бы условно обозначить выражением «энциклопедический жанр» (включающий словари, глоссарии, энциклопедии, антологии и т.д.), в деятельности французской группы сюрреалистов, возглавляемой Андре Бретоном. Как будет рассмотрено более подробно в нашей статье, сюрреалисты создавали или мечтали создать произведения такого жанра с самого начала существования своей группы.

Разумеется, невозможно не учитывать иронической составляющей в том, что мы называем «энциклопедическим проектом» сюрреалистов. Просветитель Дидро и его Энциклопедия являет собой само воплощение века разума, а сюрреалисты прежде всего и постоянно подчеркивали свое неприятие рационального начала и провозглашали свободу бессознательного. «Толковому словарю» (*dictionnaire*

² Приведем эту фразу на языке оригинала для точности: “Ce qui me paraît important, c’est que Breton a fait communiquer, pleinement, ces deux figures étrangères: écrire et savoir”.

raisonné), коим была Энциклопедия Дидро и Д'Аламбера, сюрреалисты противопоставили то, можно было бы назвать «бестолковой» энциклопедией: «Познание через незнание — продолжает быть сюрреалистическим лозунгом», — писал Андре Бретон [Breton, 1967: 108]. Тем не менее тот же самый Дидро положил начало пародийным словарям, как напоминает американский исследователь Адам Джолс в статье «В страну без словаря?» [Превратности выбора, 2004: 57], приводя пример его «Карманного философского словаря» (1764). Более того, мы можем даже предположить, что после флоберовского «Словаря прописных истин», изданного посмертно в 1913 г., для французского писателя вообще становится невысказанно обращаться всерьез к энциклопедическому жанру. Как позиционировать сюрреалистическое увлечение словарями: как пародию или как пародию на пародию? Одной из удачных, хотя и не до конца убедительных формулировок нам кажется выражение Дени Оллье, исследователя творчества Жоржа Батая, который в 1920-е годы немного дружил с сюрреалистами, а поссорившись с ними, создал свой журнал «Докюман», где в 1929–1930 гг. публиковал отдельные статьи из своего «Критического словаря». «Критический» — абсолютно нонконформистский, не соответствующий никакой классификации. Анализируя это произведение Батая и заодно с ним продукцию сюрреалистической группы, Оллье предлагает говорить о «словаре-симулякре» (“Dictionnaire simulacral” [Hollier, 1993: 60]).

Мы исходим из принципиальной двусмысленности сюрреалистического предприятия: отрицая традиционные жанры, отрицая ценность культуры как таковой, группа Бретона тем не менее парадоксально увлекалась некоторыми традиционными и даже рациональными тенденциями, стараясь, впрочем, каждый раз развернуть их в сторону сюрреализма.

Напомним, что первое программное определение, данное в «Манифесте сюрреализма» (1924), дано как раз в словарной форме, и его сопровождает список сюрреалистов в алфавитном порядке:

«С ю р р е а л и з м. Чистый психический автоматизм, имеющий целью выразить, или устно, или письменно, или любым другим способом, реальное функционирование мысли. Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений.

ЭНЦИКЛ. Филос. терм. Сюрреализм основывается на вере в высшую реальность определенных ассоциативных форм, которыми до него пренебрегали, на вере во всемогущество грез, в бескорыстную игру мысли. Он стремится бесповоротно разрушить все иные психические механизмы и занять их место при решении главных проблем жизни. АКТЫ АБСОЛЮТНОГО СЮРРЕАЛИЗМА совер-

шили гг. Арагон, Барон, Бретон, Буаффар, Витрак, Дельтей, Деснос, Жерар, Карив, Кревель, Лимбур, Малкин, Мориз, Навиль, Ноль, Пере, Пикон, Супо, Элюар» (цит. по пер. Л.Г. Андреева и Г.К. Косикова с незначительными изменениями [Называть вещи своими именами, 1986: 56–57]).

Моделью для этого определения были статьи в энциклопедических словарях издательского дома Лярусс, начавшие выходить в XIX в. и ставшие очень популярными во Франции. Разумеется, сюрреалисты считали эту культурную институцию кладезем буржуазной пошлости и подобное определение сюрреализма было пародийным по отношению к Ляруссу, но не к сюрреализму. Вместе с тем нельзя не заметить, что словарь Лярусс был чрезвычайно популярен в авангардной среде: именно в этом словаре, как утверждал Тцара, «нашлось» слово «дада», именно этот словарь будут торжественно зачитывать во время дадаистской манифестации перед церковью Сен-Жюльен-Ле-Повр 14 апреля 1921 г., его будут затем читать и в пьесе «Виктор, или Дети у власти» (1928) Роже Витрака, ставшего к тому времени уже бывшим сюрреалистом.

Любопытно, что в 1933 г. в реальном «Большом Ляруссе XX века» это определение было воспроизведено без всякого критического комментария. А Бретон, конечно же, отметил вхождение сюрреализма в этот словарь в своей брошюре 1934 г. «Что такое сюрреализм?» Таким образом, эта «энциклопедическая тенденция» автоматически была признана официальной культурной институцией, коей был словарь Лярусс. В то же время нельзя забывать о еще одном двойственном жесте в первом «Манифесте сюрреализма», когда Бретон писал о «сюрреалистическом свете образа» [Называть вещи своими именами, 1986: 65], превращающем самые обыденные предметы во что-то необычное и даже магическое. Этот «свет» можно расценивать в том числе и как свет знания, отсылку к культуре Просвещения, и именно такая специфическая «просветительская» функция в конечном счете и окажется одной из главных в сюрреализме. При этом «просветительство», как покажет развитие сюрреалистического движения в 1930-е годы, будет сродни завоеванию (своеобразному «империализму?»), результаты которого были представлены в одном из обзоров в № 10 журнала «Минотавр» за 1937 г. — «Сюрреализм во всем мире».

Слово «энциклопедия» и его производные могли сочетаться с понятием «культура» в положительном (непародийном) смысле. Так, Бретон использовал понятие «энциклопедической культуры», говоря в положительном смысле о Гегеле и Морисе Эне. В книге «Политическая позиция сюрреализма» (1935) он писал о Гегеле: «Его взгляды на поэзию и искусство, являющиеся результатом его уникальной

энциклопедической культуры, являются прежде всего взглядами дивного историка» [Breton, 1992: 476]. И уже в поздний период своего творчества Бретон писал о Морисе Эне, одном из первых научных исследователей творчества Д.А.Ф. де Сада и участника сюрреалистического движения в 1930-е годы: «Этот человек, пришедший к нам несомненно из глубин XVIII века и потерявшийся среди нас, эта культура — словно в последний раз энциклопедическая, уникальная свобода от любого предрассудка и также это безудержное сердце, всегда готовое увлечь дух на границы человеческих устремлений» [Breton, 1967: 219].

Вместе с тем напомним о пристрастии группы Бретона к алфавиту. В этом можно, разумеется, увидеть воплощение общего для многих течений исторического авангарда, буквализма и внимания к мельчайшим элементам языка (вспомним, к примеру, русских футуристов с их идеей «буквы как таковой»). Но в данном случае интригует именно алфавит, т.е. некая упорядоченная расстановка букв. В 1920-е годы Бретон, протестуя против всего, что было связано с «буржуазным обществом», неоднократно писал о необходимости создания «нового порядка», и добавлял — «хотя бы алфавитного». Так, еще в дадаистскую эпоху Луи Арагон пишет поэтическое произведение «Суицид» (1920), которое представляло собой просто алфавит. Результаты различных опросов, проводимых журналом «Литтератур», публиковались зачастую в алфавитном порядке, как, например, знаменитая «Ликвидация» (1921), где будущие сюрреалисты выражали свое отношение к тем или иным литературным авторам. Приведенный выше список группы сюрреалистов также дан в алфавитном порядке... Алфавит в представлении Бретона и его группы отражает не только стремление избежать логики и иерархии (такая трактовка противоположна той, что дает их кумир Артюр Рембо в сонете «Гласные»), но и обладает откровенно выраженным антропологическим смыслом. Алфавит — это сообщество, сама группа Бретона... И из этого, на первый взгляд примитивного, детского представления выкристаллизовывается понимание особого творчества, связанного именно с сообществом, ибо, как любили говорить сюрреалисты, цитируя «Стихотворения» Лотреамона, «поэзия должна делаться всеми. А не одним человеком» (цит. по пер.М. Головановской с изменениями по: [Лотреамон, 1998: 367]). Напомним, что и сам Лотреамон был одержим страстью к самым разнообразным словарям, из которых он черпал причудливые образы для своих «Песен Мальдорора».

Бретон всегда мечтал о создании сюрреалистического словаря. Так, в январе 1925 г., совсем немного времени спустя после организации сюрреалистической группы и журнала, Андре Бретон писал

Денизе Леви: «Нам необходимо создать каталог сюрреалистических идей и выстроить глоссарий чудесного, предназначенный для позднейшей публикации, где в форме библиографии и критики было бы собрано все, что могло бы дать людям документальное свидетельство в сфере фантастических произведений любого порядка, вышедших до наших дней во всех странах мира» [Navelle, 1977: 307]. Эта мысль Бретона так и не была воплощена в художественную практику 1920-х годов.

Что касается формирования сюрреалистической идеологии 1920-х годов, для нас важен сам факт, что идея создания словаря или «глоссария» не перестает волновать сюрреалистов.

Фотограф и художник Жак-Андре Буаффар опубликовал в июльском номере журнала «Революсьон сюрреалист» 1925 г. «Номенклатуру», в которой были даны шуточные характеристики членов группы Бретона — в алфавитном порядке имен (именно имен, а не фамилий). Эта «Номенклатура» продолжала уже создавшуюся в группе иронически-коммеморативную традицию, которая была воплощена в сборниках «Эпитафии» (1919) Филиппа Супо, «Кладбище пассажиров ‘Семийант’» (1922) Робера Десноса, а также в знаменитой картине Макса Эрнста «На встрече с друзьями» (1922), где представлены не только соратники Бретона, но и «предшественники» — Достоевский, Рафаэль...

«Номенклатура» Буаффара была не единственным и не первым проявлением, так сказать, «словарной страсти» сюрреалистов, но служила дополнением к «Глоссарию» Мишеля Лейриса, который начал публиковаться начиная с апрельского номера 1925 г. «Революсьон сюрреалист». В эту эпоху Лейрис был одним из самых ревностных членов группы Бретона. «Глоссарий», а точнее, “*Glossaire j’у serre mes gloses*” (букв. «Глоссарий, в который я свои втискиваю глоссы»), являл собой список расположенных в алфавитном порядке слов, которым Лейрис давал определения, исходя из поэтических возможностей их формы. Например: “*Evasion — hors du vase, vers Eve et Sion!*” («Бегство — вон из вазы, к Еве и Сиону»); “*Ingénu — le génie nu*” («Инженю — голый гений»); “*Révolution — solution de tout rève*” («Революция — разрешение любой грезы») и пр. Помимо упомянутой публикации «Глоссарий» выходил в № 4 (июль 1925) и в № 6 (март 1926) журнала «Революсьон сюрреалист». Первую публикацию сопровождала небольшая заметка Антонена Арто, в которой он характеризовал предприятие Лейриса как «средство безумия, уничтожения мысли, разрыва, лабиринта неразумности, а не СЛОВАРЬ, в котором педанты с берегов Сены концентрируют свою духовную ограниченность». В том же номере журнала и сам Лейрис дает объяснение своего «Глоссария», настаивая на его

отличии от общепринятых словарей, где объясняется общеупотребительный смысл и этимология. Лейрис же стремится выявить в языке то, что он обозначает не абстрактно для всех, а для каждого человека в отдельности. «Рассекая любимые нами слова, не заботясь ни об этимологии, ни о принятом смысле, мы открываем их самые скрытые возможности и тайные разветвления, пронизывающие весь язык: они концентрируются в ассоциациях звуков, форм и идей. Тогда язык превращается в оракула, и мы обретаем (сколь угодно тонкую) путеводную нить в Вавилоне нашего духа» [La révolution surréaliste 1925: 7].

Позднее Лейрис описывал «Глоссарий» немного более академично: «игра слов в форме словарных дефиниций: за словом-призывом следовало то, что подсказывалось — вне общепринятого значения — его звуковыми или графическими элементами, которые связывали его с другими словами» [Yvert, 1996: 100]. Впоследствии, в конце 1930-х годов и уже совершенно независимо от сюрреализма, Лейрис вернется к своему «Глоссарию», который будет значительно расширен и опубликован отдельной книгой. В 1939 г. он осмысляет свой «Глоссарий» с экзистенциальной точки зрения: «Позволить словам воодушевляться, обнажаться и демонстрировать нам случайно — в мгновение, когда бросается жребий, — некоторые из наших оснований жизни и смерти. Таковы условия игры. На полпути между грязной землей и возвышенными сводами, что доходят до небес, подобно ребенку, сжившемуся со своей ролью, играет свою игру поэзия» [Leiris, 1966: 69].

Что же касается сюрреалистических попыток создания словаря, то они были воплощены Андре Бретоном и Полем Элюаром в 1938 г. в «Кратком словаре сюрреализма». Этот словарь был частью каталога Международной сюрреалистической выставки, которая проходила в начале 1938 г. в Париже, и являл собой своеобразную «выставку достижений поэтического сюрреализма», поскольку в нем были собраны по большей части цитаты из произведений самых разных авторов, большинство из которых принадлежали группе Бретона: «Краткий словарь» был во многом антологией сюрреализма, или, точнее, каталогом фрагментов, обрывков текстов. Эти цитаты обладали перформативной функцией, замещая собой объяснительный или критический дискурс: они должны были удивлять, вдохновлять, взывать. Некоторые из словарных статей можно рассматривать как вариант мета-дискурса, например, «Алфавит», где была дана большая цитата из Жерара де Нерваля: «Магический алфавит, таинственный иероглиф доходят до нас лишь в неполном виде и искаженные временем или теми, кто хочет держать нас в неведении; так найдем же утраченную букву или стертый знак, заново выстроим диссонирующую гамму, тогда обретем мы силу в мире духов» [Breton, 1992: 855].

В «Краткий словарь» вошли статьи о сюрреалистических авторах во всем мире, о предшественниках сюрреализма, об основных понятиях и образах, выработанных в группе Бретона, об отдельных сюрреалистических произведениях. Подобно другим энциклопедическим предприятиям группы, этот словарь был пародией на «серьезный» словарь, например на целый жанр «Кратких словарей», который был очень распространен во Франции в XVIII и XIX вв. Однако, несмотря на свой разрушительный пафос, «Краткий словарь сюрреализма», будучи одним из первых «дайджестов» сюрреализма, был не чужд некоторого культурного конформизма (рассчитан на широкий круг читателей), поэтому неудивительно, что его словник оказался впоследствии основой для учебных и научных словарей сюрреализма, создаваемых для и широких читательских кругов, и для специалистов.

Антологический характер словаря воплощал идею внеиерархического коллективного творчества, причем в сфере как словесности, так и изобразительного искусства: в словаре было много изображений, по преимуществу созданных сюрреалистами, а особенно изысканно выписанные буквы с орнаментом из цветов, животных и человеческих фигурок были заимствованы из гравюр Жана Мидоля, известного литографа XIX в., как это удалось выяснить исследователю Жану-Жерару Лапашри [Lapacherie, 1992]. Словарь-энциклопедия как коллаж из фрагментов был как раз тем жанром, о котором мечтал Новалис, чью «энциклопедию» опубликовали посмертно [Novalis, 1966]. Главное отличие романтической «энциклопедии» от сюрреалистической в данном случае заключалось в степени «коллективности»: «Краткий словарь сюрреализма» должен был представить целый хор голосов самых разных эпох (цитаты принадлежали, как мы видели, не только членам группы Бретона) и разных специальностей. Заметим, что стремление сюрреалистов выйти за пределы своего времени проявилось еще в «Манифесте сюрреализма» (1924), где был опубликован забавный список «предшественников». Что касается визуального и вербального рядов, то словарь, как нам кажется, поддерживал идею смешанных жанров, и в этом смысле показательное слово «иероглиф», использованное Нервалем.

Сюрреалист поколения 1950-х годов Ален Жубер вспоминал о том, что незадолго до смерти, в 1964 г. Бретон работал над проектом «Сюрреалистической Энциклопедии, основанной на видении мира, сильно отличающемся от общепринятого» [Joubert, 2001: 234], и в связи с этим собирался организовать «контрвыставку», в которой отказался от хронологической развески и где хотел показать фильм в процессе съемки.

Тенденции к суммированию знаний проявляются и в многочисленных антологиях, выпущенных сюрреалистами, начиная от миниантологии цитат из «сюрреалистов» разных времен и народов в первом «Манифесте сюрреализма» и заканчивая многочисленными тематическими антологиями, называемыми таковыми: «Антология возвышенной любви» Бенжамена Пере, «Антология черного юмора» Андре Бретона и др. Бретон выстраивает многие свои повести («Надя», «Безумная любовь», «Арканум 17») как компендиумы, где любовные интриги переплетаются с размышлениями об эстетике, науке, политике и т.д., а также с воспоминаниями о жизни и творчестве группы сюрреалистов.

Суммируя знания, сюрреалисты делали это не ради их накопления, защиты и прославления: их энциклопедизм отличался от того, какой был представлен в словарях начиная с XIX в. и, в частности, в неоднократно упоминавшемся здесь словаре Лярусс. Стратегия сюрреалистов напоминает скорее ту, что вырабатывалась еще Дидро и Д'Аламбером, которые создавали свою Энциклопедию под знаком идей Бэкона и Локка, представляя разнообразный материал «наук, искусств и ремесел» через призму определенных философских идей: это была «идеологизированная» энциклопедия. Как писал Дидро в своей словарной статье «Энциклопедия», где речь идет о том, какие черты (*le caractère*) необходимы для того, чтобы стать «хорошим словарем»: «такой чертой должна быть способность изменить общепринятый образ мысли» [Diderot, 1777].

У сюрреалистов другие концепции, которыми они руководствуются при создании своих суммирующих жанров, но принцип их был тот же — это «идеологизированные» энциклопедии. Разумеется, сюрреалистические энциклопедии можно сравнить и с некоторыми явлениями современной культуры, которые относят к постмодернизму: например, в российском контексте перевод «Антологии черного юмора» Бретона рассматривался чуть ли не как аналог «Хазарского словаря» Павича. Но это недоразумение. Еще раз повторим, отличительной чертой сюрреалистического энциклопедического жанра является его откровенная идеологичность, которую можно назвать «сюрреалистической ангажированностью».

«Идеологический энциклопедизм», которому сюрреалисты оставались верны на протяжении более полувека, является, как нам представляется, особым отличительным признаком сюрреализма среди других авангардистских течений. Разумеется, попытки глобального переосмысления и оформления его в словарную форму существовали и в русском футуризме, и в других течениях. Однако сюрреализм, который пришел во Франции на смену другим авангардистским течениям (аполлинеровскому «новому духу» и последовавшему за

ним наиболее радикальному из всех течений — дадаизму), оказался в позиции «поставангарда», которая словно сама располагала к энциклопедическим обобщениям.

Вернемся в заключение к одному из фрагментов «Краткого словаря сюрреализма», а именно статье «Реальность»: «Реальность находится на кончиках пальцев женщины, дующей на одуванчик на первой странице словарей» [Breton, 1965: 11]. Речь идет об утонченном изображении в стиле модерн — эмблеме издательского дома Лярусс, придуманной в 1890-е годы Эженом Грассе. Бретон вспоминал о ней еще в 1926 г., в трактате «Сюрреализм и живопись». Этот образ как нельзя лучше символизирует сущность сюрреалистической коммуникации. Прежде всего это особая коммуникация, в ней есть эротический подтекст: знания развеивает по ветру прелестная женщина, объект желания. Эти знания и есть «реальность», возможно, даже некая истинная реальность, и желанная, и ее надо «ловить». Форма семян одуванчика неоднозначна, в ней подразумевается и земля, и небо, и это не просто предвестники потенциальных трансформаций, но и намек на буквальную трансцендентность — они могут улететь в небеса... Сюрреалистические знания, содержащиеся в словаре, — специфические знания, они связаны с человеком и его желаниями, они обязательно должны быть выпущены на волю, «по ветру», в самых разных направлениях... Задумывался ли над этими смыслами Эжен Грассе, когда создавал эмблему для издательского дома? Для сюрреалистов же важно буквальное истолкование.

Девушка, дующая на одуванчик, служит для Бретона обозначением открытости коммуникации, и это принципиальное отличие сюрреализма, несмотря на то, что время от времени группе приходилось замыкаться в самой себе, как например, в конце 1920-х годов, когда возникает (и быстро изживает себя) идея «оккультации» и концепция сюрреализма как тайного общества. Сюрреалистические знания, суммированные в энциклопедиях, словарях и т.д., должны служить не только утверждению специфической культуры сюрреализма, но и быть всегда настроены на коммуникацию. Напомним, что в повести «Надя» (1928) Бретон писал: «Я по-прежнему требую называть настоящие имена, я по-прежнему интересуюсь только такими книгами, остающимися открытыми, как распахнутые двери, ключи от которых не надо искать» [Breton, 1988: 651]. Речь идет о книгах, в которые могут спонтанно заходить персонажи и где авторская инстанция не является чем-то особенным: здесь все творцы, и все — получатели знаний и их распространители. В энциклопедическом проекте сюрреализма сюрреалистическая культура мыслится как знание, которое необходимо передать, — это коммуникативность *par excellence*. Если, согласно Малларме, вся реальность и вся литература должны

завершиться в Книге, то Бретон и Арагон пародируют эту мысль в пьесе «Сокровища иезуитов» (1929):

«Будущее, будущее!

Мир должен закончиться на прекрасной террасе кафе!» [Breton, 1988: 1014]

Книга должна быть «рассеяна по ветру». В отличие от утопических проектов Малларме, Поля Валери, Хорхе Луиса Борхеса или Умберто Эко, для сюрреалистов культура не может быть автономна. Она всегда открыта другому человеку, социуму, реальности, культуре, и в этом сила и слабость энциклопедического проекта французского сюрреализма, который выдвигает идею просвещения без границ.

Список литературы

1. *Лотреамон*. Песни Мальдорора. Стихотворения. Лотреамон после Лотреамона / Под ред. Г.К. Косикова. М., 1998.
2. Называть вещи своими именами / Под ред. Л.Г. Андреева. М., 1986.
3. Превратности выбора: Антологии и словари в практике сюрреализма и авангарда. Сюрреализм и авангард в антологиях и словарях / Под ред. Ж. Шеньо-Жандрон, Т. Балашовой и Е. Гальцовой. М., 2004.
4. *Breton A.* La Clé des Champs. Paris, 1967.
5. *Breton A.* Oeuvres complètes. V. I. Paris, 1988.
6. *Breton A.* Oeuvres complètes. V. II. Paris, 1992.
7. *Breton A.* Le surréalisme et la peinture. Paris, 1965.
8. *Diderot D.* Encyclopédie // Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / par une Société de gens de lettres; éd. par D. Diderot et J. d'Alembert. V. 12. Genève, 1877. P. 361–410.
9. *Foucault M.* Dits et écrits. V. I. Paris, 1994. 854 p.
10. *Foucault M.* A Literature of Knowledge // Foucault Live: Interviews 1961–1984. N.Y., 1986. P. 10–12 (translated by Johnston J.)
11. *Joubert A.* Le mouvement des surréalistes ou Le fin mot de l'histoire [Texte imprimé]: mort d'un groupe, naissance d'un mythe. Paris, 2001.
12. *Lapacherie J.-G.* Les lettres enluminées et ornées du Dictionnaire abrégé du surréalisme // Mélusine. Lausanne, 1992. N 13. P. 253–260.
13. *Leiris M.* Brisées. P., 1966.
14. *Naville P.* Le temps du surréel. Vol. I. Paris, 1977.
15. *Novalis.* L'Encyclopédie. Notes et fragments. Trad. Gandillac M. De. Paris, 1966.
16. La Révolution surréaliste. N 3, 1925 // La Révolution surréaliste. Paris, 1975.
17. *Sebbag G.* Foucault Deleuze. Nouvelles Impressions du Surréalisme. Paris, 2015.

Elena Galtsova

ARTISTIC COMMUNICATION AS AN ENCYCLOPAEDIC PROJECT OF FRENCH SURREALISM

*M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
121069, Povarskaya str. 25a, Moscow, Russia*

This article revisits trends in the avant-garde culture. André Breton's group took interest in dictionaries, encyclopedias, anthologies that should serve as a manifestation of the culture of surrealism and the way it is disseminated. Research into French surrealism literature prompts an ambiguous understanding of communication in French surrealism. Although it was self-contained and focused on its originality (evidenced by the slogan of 'occultation of surrealism' in 1929), it sought to create and transfer these innovations as new knowledge (specific, 'surreal'), which was especially evident in the work of its creator André Breton. In the encyclopaedic project surrealist culture is conceived of as a knowledge to be conveyed and this communication is par excellence. If, according to Mallarmé, all reality and all literature must end up in the Book, then the surreal Sum must be 'scattered in the wind'. Unlike the utopian projects of Mallarmé, Valéry, Borges or Eco, culture cannot be autonomous for surrealists. It is always open to another person, society, reality, culture, and this is the strength and weakness of the encyclopaedic project of French surrealism, which puts forward the idea of education without borders.

Key words: French surrealism; André Breton; Denis Diderot; Michel Foucault; encyclopedia; knowledge literature; simulacrum; collective creativity.

About the author: *Elena Galtsova* — Prof. Dr., Senior Researcher, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow); Full Professor, Russian State University for the Humanities; Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University (e-mail: newlen2006@mail.ru).

References

1. Lotreamon. *Pesni Mal'dorora. Stihotvoreniya. Lotreamon posle Lotreamonna*. [Lautréamont. Songs of Maldoror. Poems. Lautréamont after Lautréamont]. Ed. G.K. Kosikov. M., *Ad Marginem*, 1998, 673 s. (In Russ.)
2. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami* [To call things by their names]. Ed. L.G. Andreev. M., *Progress*, 1986 (In Russ.)
3. *Prevratnosti vybora: Antologii i slovari v praktike syurrealizma i avangarda. Syurrealizm i avangard v antologiyah i slovaryah* [Vicissitudes of choice: Anthologies and dictionaries in the practice of surrealism and avant-garde. Surrealism and avant-garde in anthologies and dictionaries]. Ed. J. Chénieux-Gendron, T. Balashova, E. Gal'cova. M., *RIO MGK*, 2004. (In Russ.)
4. Breton A. *La Clé des Champs*. Paris, *J.J. Pauvert*, 1967.

5. Breton A. *Oeuvres complètes*. V. I. Paris, Gallimard, 1988.
6. Breton A. *Oeuvres complètes*. V. II. Paris, Gallimard, 1992.
7. Breton A. *Le surréalisme et la peinture*. Paris, Gallimard, 1965.
8. Diderot D. *Encyclopédie. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Par une Société de gens de lettres; éd. par D. Diderot et M. d'Alembert. V. 12, Genève, 1877, pp. 361–410.
9. Foucault M. *Dits et écrits*. V. I. Paris, Gallimard, 1994.
10. Foucault M. *A Literature of Knowledge*. Foucault Live: Interviews 1961–1984. N.Y. Sylvère Lothringer, 1986, pp. 10–12 (translated by Johnston J.)
11. Joubert A. *Le mouvement des surréalistes ou Le fin mot de l'histoire* [Texte imprimé]: *mort d'un groupe, naissance d'un mythe*. Paris, M. Nadeau, 2001.
12. Lapacherie J.-G. *Les lettres enluminées et ornées du Dictionnaire abrégé du surréalisme*. In: *Mélusine*. Lausanne: *L'Age d'Homme*, N 13, 1992, pp. 253–260.
13. Leiris M. *Brisées*. P., *Mercure de France*, 1966.
14. Naville P. *Le temps du surréel*. Paris, Galilée, 1977, vol. I.
15. Novalis. *L'Encyclopédie. Notes et fragments*. Trad. Gandillac M. De. Paris, Minuit, 1966.
16. *La Révolution surréaliste*. N 3, 1925. Paris, Jean-Michel Place.
17. Sebbag G. *Foucault Deleuze. Nouvelles Impressions du Surréalisme*. Paris, Hermann, 2015.

П.Е. Спиваковский

**«В КРУГЕ ПЕРВОМ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА:
ТЕНИ РЕАЛЬНОГО**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируются медитативные образы романа А.И. Солженицына «В круге первом». Особое внимание уделено ощущению хрупкости и уязвимости мира, в котором живут его герои. Показано, что значимость материального мира, изображенного в этом произведении, отходит на второй план, по сравнению с медитативно-мистическим миром, в подлинности которого, однако, вполне возможно сомневаться. Это осмыслено, в частности, при помощи современного теоретического понятия “depthiness”, которое указывает на возможность соприкосновения с глубиной, бытийный статус которой не определен, но она вполне явственно воздействует на нас. Путь к этой глубине открывается героям, чьи поведенческие возможности крайне сужены, причем это не только узники Марфинской «шарашки», но и внешне «свободные» люди. Материальный мир в романе показан как крайне жесткий и жестокий и в то же время зыбкий, ненадежный и скрыто иллюзорный. Он способен неожиданно обрушить жизнь любого человека — от ээка до всесильного министра. Почти единственным способом противостоять ему оказывается обретение тайной свободы, природа которой непонятна, стремление к которой приводит человека к осознанию правды о самом себе и дает ощущение глубины жизни. Медитативная глубина сопоставляется с образностью на стенах платоновской пещеры: несмотря на то что ее природа остается неясной, ее воздействие на человека несомненно. Именно это, а не внешняя, материальная сторона событий оказывается смысловым центром романа А.И. Солженицына «В круге первом».

Ключевые слова: Солженицын; «В круге первом»; глубина; глубиноподобие; медитация; свобода; иллюзия; шарашка.

Соприкосновение с художественным миром этого романа производит довольно странное впечатление. Его текст, в отличие, кажется, от любого другого произведения А.И. Солженицына, на-

Спиваковский Павел Евсеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: p.e.spiwakowsky@gmail.com).

полнен многочисленными медитациями, исходящими от самых разных персонажей, в том числе и не близких автору, а иногда и от повествователя, который также заостряет внимание читателя на подобного рода ситуациях. Показательны, например, слова Нержина о финале 17 сонаты Бетховена¹, или горькие мысли писателя Николая Галахова (его прототип — К.М. Симонов), высказанные через повествователя, выражающего психологическую точку зрения героя², или слова повествователя о психологически неизбежном, но чрезвычайно опасном для юной чекистки Симочки решении помочь «врагу», заключенному Нержину³, или странная и загадочная улыбка статуэтки Будды, который, может быть, знает нечто такое, чего не знаем мы [Солженицын 2006-, т. 2: 424]. Все потаенно пронзительные эпизоды такого типа, складываются в некую странную эмоциональную последовательность, текучую, как огонь у Гераклита, и неуловимую, как то, что, не спросясь, приходит и уходит. Мы видим тонкую, хрупкую, скрыто-медитативную микровселенную, где голоса правды и свободы звучат намного явственнее, чем в «обычной» жизни.

С этим же связан и образ тюрьмы-ковчега: «Залитый изнутри никогда не гаснущим электричеством МГБ, двухэтажный ковчег бывшей семинарской церкви, с бортами, сложенными в четыре с половиной кирпича, беззаботно и безцельно плыл сквозь этот чёрный океан человеческих судеб и заблуждений, оставляя от иллюминаторов мреющие струйки света.

<...>

Те, кто плыли в ковчеге, были невесомы сами и обладали невесомыми мыслями. Они не были голодны и не были сыты. Они не обладали счастьем и потому не испытывали тревоги его потерять. <...>

¹ «— А соната оч-чень хороша. Ты заметил конец? Ни грохота, ни шёпота. Обовралась — и всё. Как в жизни...» [Солженицын, 2006—, 2: 33].

² «Он стал лауреат сталинской премии, и ещё раз лауреат, и ещё раз лауреат. И что же? Странно: слава была, а безсмертия не было. Он сам не заметил, когда, чем обременил и приземлил птицу своего безсмертия. Может быть, взмахи её только и были в тех немногих стихах, заучиваемых девушками <...>».

Начиная новую большую вещь, он вспыхивал, клялся себе и друзьям, что теперь никому не уступит, что теперь-то напишет настоящую книгу. С увлечением садился он за первые страницы. Но очень скоро замечал, что пишет не один — что перед ним всплыл и всё ясней маячит в воздухе образ того, для кого он пишет, чьими глазами он невольно перечитывает каждый только что написанный абзац. И этот Тот был не Читатель, брат, друг и сверстник-читатель, не критик вообще, а почему-то всегда — прославленный, главный критик Ермилов» [Солженицын, 2006—, 2: 455]. Здесь и далее воспроизводятся все графические и грамматические особенности цитируемых текстов. О специфике индивидуально-авторской орфографии и пунктуации Солженицына см. его статью «Некоторые грамматические соображения» [Солженицын, 1997].

³ «Так змеемудро скованная стальная цепь развалилась в том звене, которое сработали из женского сердца» [Солженицын, 2006 —, 2: 44].

В эти часы воскресных вечеров материя и тело не напоминали людям о себе. Дух мужской дружбы и философии парил под парусным сводом потолка.

Может быть, это и было то блаженство, которое тщетно пытались определить и указать все философы древности?» [Солженицын, 2006 —, 2: 375—376].

Перед нами странное и «не вполне материальное» восприятие бытия, возможно, связанное с осознанием молодым Солженицыным неизбежности скорой смерти от рака (до некоторой степени это можно сравнить с тем обостренным ощущением жизни, которое возникло в сознании Ф.М. Достоевского, ожидавшего расстрела за участие в кружке М.В. Петрашевского), вследствие чего самые «обычные» события жизни осмысливаются писателем как нечто сверхценное, хрупкое, как то, что легко может быть разрушено или потеряно. Вслед за Солженицыным мы вглядываемся в эти импрессионистически тонкие ощущения на протяжении всего романа, и они складываются не столько в собор, каким увидел метафизическое пространство романа Генрих Бёлль [Бёлль 1989: 229], сколько во множество, если воспользоваться солженицынским словом, *укрывищ* — мест, где может проявлять себя живая жизнь, несмотря на то что «на улице» царит кажущаяся тотальной несвобода⁴.

В романе «В круге первом» изображена тяжёлая, жесткая, косная, несдвигаемая реальность позднесталинского СССР, «мира под арестом». В этом закрытом на бесчисленное количество замков сталинском рабовладельческом «космосе» слишком многое запрещено, свободное поведение кажется почти невозможным в принципе, а поведенческие возможности человека максимально сужаются. Показателен в этом смысле эпизод в автобусе, когда эзков везут на свидание с родными: человек с улицы хочет войти в этот автобус, но после запретительных слов охранников сразу же прекращает свои попытки: он «привык, что во многих случаях жизни бывает нельзя <...>» [Солженицын, 2006 —, т. 2: 254—155]. Именно поэтому этот мир начинает восприниматься как почти камерный (напрашивается даже игра слов между «камерностью» и «камерой»: здесь эти понятия контекстуально сближаются) и порождает иллюзию «простоты» окружающего.

При этом многие герои романа никуда не торопятся. Им и некуда торопиться: все внешнее, материально конкретное слишком предсказуемо, мрачно и нередко безысходно. Но именно эта неторопливость дает возможность соприкоснуться с такими глубинами бытия,

⁴ Парадоксальным образом даже тиран Сталин — тоже узник, пленник собственного страха и своих отчасти маниакальных фобий [см.: Ранкур-Лаферьер, 2004: 113—127].

которые «закрываются» от человека в более «быстрые» времена. В эпопее «Красное Колесо» философ Варсонофьев думает о том, что в февральские дни 1917 г. слишком многие начали торопиться, и поэтому из мира исчезает глубина [Солженицын, 2006 —, 14: 12]. И в самом деле на страницах третьего и четвертого Узлов много динамизма, торопливости и суеты, но глубину сохраняют лишь те персонажи, которые не участвуют в массовой революционной эйфории и остаются верны «тайной свободе», неотделимой от вдумчиво-неторопливого созерцания происходящего. В романе «В круге первом» такое медитативное соприкосновение с глубиной оказывается парадоксальной наградой за, казалось бы, безвозвратно утерянную свободу человека и страны.

Оказавшись один на один с тяжелой, косной, несдвигаемой реальностью позднесталинской Россией, человек уходит в себя, в свой внутренний мир или в мир, в небольшое сообщество более или менее одинаково мыслящих людей, а то тяжелое и нечеловеческое, что окружает их, отодвигается и кажется почти нереальным. Нереальным не в буддистском смысле, когда весь мир, окружающий человека, есть мучительная иллюзия майи, а скорее в том, который описан в стихотворении Б.Л. Пастернака «Зимняя ночь», где только любящие, отделенные от окружающего страшного мира живут подлинной жизнью, а ужас революции, Гражданской войны и «заковки путей» (так назвал этот процесс Солженицын, говоря о раннесоветской эпохе [Солженицын, 2006 —, 10: 697–706]), а затем и ужас сталинщины — это то, что царит, но лишь за окном. Этот ужас отодвигается, уходит из сознания, превращаясь в фон, на который человек перестает обращать внимание. Разумеется, возможность «отодвинуть» чудовище происходит лишь в те минуты, когда люди оказываются способны выйти за рамки обыденного мировосприятия. Иногда эти моменты за них отмечает автор, но так или иначе они необыкновенно важны, наполняя роман «В круге первом» странной, призрачной глубиной.

Мир в романе «В круге первом» потаенно зыбок: ничто не стабильно. Володин еще вчера — государственный советник, а завтра зэк, только что ему звонят и сообщают, что одобрена его командировка в Нью-Йорк, а в машине его внезапно арестовывают, так что его жена еще вчера была замужем за высокопоставленным советским дипломатом, а теперь ее мужем оказывается зэк, что с неизбежностью обрушит весь жизненный уклад семьи Макарыгиных. Глава «всесильного» МГБ Абакумов, который, вроде бы, сполна может наслаждаться властью и могуществом, приходя к Сталину, с неминуемостью превращается в жалкого раба. Кажущийся «незыблемо стабильным» позднесталинский мир, в любой момент может об-

рушиться на любого человека. И даже, внешне спокойное течение жизни в «первом круге», в Марфинской шарашке, в любую минуту может оборваться: человек легко может провалиться в бездну и здесь. И даже «превосходное» снабжение столицы мясом, молоком и хлебом в финале романа — морок и обман, оборачивающийся перевозкой «человеческого мяса» эзков. Везде и всюду мы оказываемся в зыбком мире иллюзий. Это мир обманчивых социальных перевертышей, замаскированный под «обычный» мир «обычных» людей.

То, что кажется реальным, оказывается временным, а нередко и симуляционным: нам кажется, будто мы понимаем, что нам показывают, но при более пристальном рассмотрении это оборачивается не тем, чем кажется.

Это медитативное ощущение глубины, раскрывающееся через соприкосновение с чем-то тонким, импрессионистически хрупким, неведомым и часто непредсказуемым может быть описано при помощи того, термина, “depthiness” («глубиноподобие») используемого в современной теории метамодернизма. Подобно подводному пловцу, использующему маску с трубкой, который противопоставляется как глубоководному дайверу (метафорический аналог модерниста, претендующего на постижение максимально возможных глубин бытия), так и серферу, скользящему по поверхности воды (метафорическое изображение постмодерниста, принципиально избегающего погружения вглубь). Такой пловец не может погрузиться вглубь океана, однако он *чувствует*, присутствие глубины, догадывается о том, что она существует, и в какой-то степени даже способен ее ощутить (подробнее об этом см.: Спиваковский, 2018: 206–207]). По Солженицыну, опыт погружения в непонятное/непонятое может быть связан с метафизическим уровнем бытия, однако может возникать и на чисто психологическом уровне. «Ворованный воздух» свободы может иметь разную и вовсе не обязательно объяснимую для нас природу.

В сущности, перед нами тени на стене платоновской пещеры: мы не знаем, что породило их, но мы *можем их воспринять*. Они самым определенным образом воздействуют на нас и, в частности, в этом проявляется частичное совпадение эстетических принципов Солженицына с эстетическими принципами метамодернизма. Солженицын — сложный писатель. Подобно И.В. Гёте, А.С. Пушкину и Н.В. Гоголю, он соединяет в своем творчестве черты самых разных, иногда внешне взаимоисключающих художественных систем. Именно поэтому в его текстах обнаруживаются не только традиционалистско-миметические («реалистические»), не только модернистские, но и метамодернистские черты.

Осторожное отношение писателя к соприкосновению с мистической глубиной проявляется во многих произведениях Солженицына, в частности, в главах «Красного Колеса», посвященных Ирине (Оре) Томчак (ее прототипом является Ирина Щербак, родная тетка писателя), которая везде видела скрытые смыслы, мистические намеки и т.п. Например, в солнечных затмениях, случавшихся перед великими битвами, ей виделось несомненное проявление Божьего перста⁵, в чем Солженицын, преподававший астрономию в школе, склонен был серьезно сомневаться. Впрочем, Оря видит и иное: «Убывало света — и заметней пробивали костровые огни из разных мест. То сжигали по всей степи бодылья подсолнуха на поташ. <...> Если сейчас посмотреть с балкона второго этажа — степь увидится в разбросанных этих кострах. И вдруг — так тревожно привидится: будто это стали на ночлег несчетные кочевники, саранчой идущие на Русь» [Солженицын, 2006 —, 10: 282–283]. Можно ли это воспринимать на уровне онтологической символики (см.: [Спиваковский, 2003]) в качестве знака свыше? Может быть, да, а может быть, и нет. Как и в романе «В круге первом», здесь мы сталкиваемся с феноменом глубиноподобия (depthiness). Мы не знаем, что стоит за этим образом, но он в любом случае способен эмоционально воздействовать на нас. В этих кочевниках вполне можно увидеть и брюсовских «грядущих гуннов», и будущих революционных пролетариев или революционеров-большевиков, однако можно увидеть и просто горящие снопы. Чья точка зрения «верна», мы не знаем и едва ли узнаем, но эта картина может породить в нашем сознании целую систему смыслов. В том, что открывается нам здесь, можно увидеть самое разное, подобно тому как тени на стене платоновской пещеры могут быть порождены разными первопричинами. Мы же видим лишь то, что мы видим, и оно определенным образом может воздействовать на нас. Но, строго говоря, это единственное, в чем мы можем быть в достаточной мере уверены. Далее мы вступаем в область догадок, сомнений и интерпретаций⁶. Соприкосновение героев романа «В круге первом» с образами глубины столь же агностически неопределенно. Но существеннее оказывается не наличие или отсутствие теологических импликаций на почве этого опыта, а то, что эти тени соединяют нас со свободой. Эта свобода, как и всё в романе, чрезвычайно хрупка и уязвима. Она в любой момент может

⁵ «— А вот шёл князь Игорь в поход — солнечное затмение. В Куликовскую битву — солнечное затмение. В разгар Северной войны — солнечное затмение. Как военное испытание России — так солнечное затмение.

Она — загадочное любила в жизни» [Солженицын, 2006 —, 7: 43].

⁶ Отчасти солженицынский мир медитативных погружений сродни «грезам» Гастона Башляра, у которого подобные медитации разработаны куда детальнее, однако Солженицын более осторожен в выводах и предположениях.

рухнуть. Это якобы реалистическое изображение советской жизни отчасти напоминает гигантскую мистерию с той только разницей, что в мистических основаниях этой странной конструкции, где сквозь обыденно-реалистическую картину мира «просвечивает» нечто не вполне понятное, мы также не уверены. В призрачном, почти поустороннем мире этого произведения, материальное кажется поверхностным и обманчивым. Глубины *depthiness*, предельно далеки от мира «торжествующей материи»⁷. Этот мир теней, который при всей неясности его генезиса пронизывает роман и приобщает нас к тому, что, даже мощно воздействуя на нас, остается ускользающе-странным и непознанным.

Список литературы

1. *Бёль Г.* Мир под арестом: О романе Александра Солженицына «В круге первом» // Иностранная литература. 1989. № 8. С. 229–233.
2. *Ранкур-Лаферьер Д.* Русская литература и психоанализ. М., 2004.
3. *Солженицын А.И.* Некоторые грамматические соображения // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 524–539.
4. *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 2006 —.

⁷ М.Н. Эпштейн писал о том, что «советский материализм с самого начала выступал как абсолютизация понятия материи, при полном пренебрежении к данным опыта, к материи в ее конкретных и осязательных проявлениях. В книге Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” (1908), заложившей основы советского материализма, начисто отвергается философия опыта, “эмпириомонизм”, ставящий элементы физического мира в неразрывную связь (“принципиальную координацию”) с психологическими элементами его восприятия. Вместо этого выдвигается предельно общее понятие материи, абстрагированное от всякого конкретного опыта, и утверждается объективное и независимое существование этой материи за пределом всякого опыта, как первичной реальности, предшествующей всякому опыту. <...> “Материя” в этом материалистическом смысле есть гиперматерия — абстрактнейшая из идей, за которой утверждается предикат самостоятельного и изначального существования. <...> Материя как “субстрат всех свойств” — это не только абстрактная идея материи, но и симулякр материи как таковой, тот образ материи, который не имеет подлинника и заменяет сам этот подлинник. <...> С самого начала материализм был чисто идеологической конструкцией, которая теоретически абсолютизировала первенство материи, а на практике уничтожала ее. <...> Подобно тому как гиперсоциальность служила возвышению и “культу” отдельной личности, так гиперматериальность была средством утверждения отвлеченных идей, схоластически замкнутых на себе» ([Эпштейн 2005: 38]). Именно поэтому Сталин не уверен в существовании страны, которой правит: «За непробиваемыми стеклами стоял в садике туман. Не было видно ни страны, ни Земли, ни Вселенной.

В такие ночные часы, без единого звука и без единого человека, Сталин не мог быть уверен, что вся страна-то его существует. Впрочем, половина Вселенной заключалась в его собственной груди и была стройна, ясна. Лишь вторая половина, та самая объективная реальность, корчилась в мировом тумане» [Солженицын, 2006 —, 2: 157–158]). Все это прямо противоположно витально-медитативному миру обитателей «ковчега».

5. *Спиваковский П.Е.* Метамодернизм: контуры глубины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 4. С. 196–211.
6. *Спиваковский П.Е.* Символические образы в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и языка. 2003. Янв./февр. Т. 62, № 1. С. 30–40.
7. *Энштейн М.Н.* Постмодерн в русской литературе. М., 2005.

Pavel Spivakovsky

**A. SOLZHENITSYN'S *THE FIRST CIRCLE*:
THE SHADOWS OF REALITY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes meditative images in Aleksandr Solzhenitsyn's *The First Circle*. Special focus is laid on how fragile and vulnerable is the world the heroes live in. With Solzhenitsyn, the meditative-mystical world comes first, while the material world recedes into the background. This is best understood in terms of the concept "depthiness" which indicates the possibility of contact with depth, the existential status of which is uncertain, but whose influence is clearly visible. Although the heroes have few possibilities to manifest themselves, the path to this depth yet opens up to them; these are not only the prisoners of the Marfinsky "sharashka", but also seemingly "free" people. The material world in the novel is shown as something extremely hard, cruel, unsteady, unreliable and illusory. It can suddenly ruin anyone's life, be it a powerless prisoner or an omnipotent official. The only way to resist it is to acquire a secret freedom, the nature of which is incomprehensible, but the desire of which helps a person to understand what he's worth and to know the fullness and depth of life. Meditative depth is compared with unclear imagery on the walls of the Platonic cave: in spite of the fact that its nature remains unclear, its effect on man is most evident. Meditative depth, and not the external, material side of events is the semantic center of Solzhenitsyn's novel.

Key words: Solzhenitsyn; The First Circle; depth; depthiness; meditation; freedom; illusion; sharaska.

About the author: *Pavel Spivakovsky* — PhD, Associate Professor, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology (e-mail: p.e.spivakovsky@gmail.com).

References

1. Böll H. *Mir pod arestom: O romane Aleksandra Solzhenitsyna «V krughe pervom»* [The World under arrest: about Alexander Solzhenitsyn' novel *In the*

- First Circle*]. In: Inostrannaia literatura [Foreign Literature]. 1989. No. 8, pp. 229–233.
2. Rancour-Laferrière D. *Russkaia literatura i psikhoanaliz* [Russian Literature and Psychoanalysis]. M., Ladomir, 2004.
 3. Solzhenitsyn A.I. *Nekotorye grammaticheskie soobrazheniia*. [A Few Considerations on Grammar] In: *Solzhenitsyn A.I. Publitsistika*: v 3 tt. [Publicism: in 3 vol.] Yaroslavl, Verkhniaia Volga, 1997. T. 3, pp. 524–539.
 4. Solzhenitsyn A.I. *Sobr. soch.:* V 30 tt. [Collected Works: in 30 vol.] M.: Vremia [Time], 2006 –.
 5. Spivakovsky P.E. *Simvolicheskie obrazy v epopee A.I. Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso»* [Symbolic Images in Solzhenitsyn's Epic “The Red Wheel”]. In: *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk*. Ser. lit. i iazyka. 2003. Ianv./fevr. T. 62, No. 1, pp. 30–40.
 6. Spivakovsky P.E. *Metamodernizm: kontury glubiny* [Metamodernism: Contours of Depth]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya. [Moscow University Herald. Ser. 9, Philology] 2018. No. 4, pp. 196–211.
 7. Epstein M.N. *Postmodern v russkoi literature* [Postmodernism in Russian Literature]. M., Vysshiaia shkola, 2005.

Е.В. Петрухина, Юйе Шэнь

**СОСТАВ, СЕМАНТИКА И ЧАСТОТНОСТЬ
ВОЗВРАТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ДАТИВНЫМ
СУБЪЕКТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале Национального корпуса)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируются состав и частотность возвратных конструкций с дативным субъектом в русском языке на материале Национального корпуса русского языка. Возвратные конструкции с дативным субъектом выражают в той или иной степени неконтролируемые эмоциональные и ментальные процессы, восприятие и не зависящие от воли субъекта ситуации. Значение инволютивности в рассмотренных конструкциях является результатом взаимодействия предикатной структуры, включающей дативный субъект, с семантикой возвратных эмотивных, ментальных, модальных и других глаголов. В основной части статьи анализируется материал, извлеченный из Национального корпуса по разработанным формулам поиска. Их применение позволяет изучить состав конструкций и определить частотность употребленных в них возвратных глаголов. Согласно данным поиска по формулам в нашей выборке, содержащей 422 предложения с 31 возвратным глаголом, самыми частотными являются глаголы *казаться*, *приттись*, *удаться*. Полученный по двум формулам поиска языковой материал позволил определить абсолютную частотность в НКРЯ тех глаголов, которые всегда употребляются с дативным субъектом, это глаголы *хотеться* (71690), *нравиться* (36223), *понравиться* (21746), *достаться* (9897), *понадобиться* (9480) и *захотеться* (9024). Статья содержит также семантический анализ многозначных глаголов, которые употребляются в разных по структуре предложениях. В статье имеются информативные таблицы о частотности возвратных глаголов, найденных в изучаемых конструкциях.

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, конструкции, возвратные глаголы, дативный субъект.

1. Вступление

В данной статье мы проводим исследование употребления возвратных конструкций с дативным субъектом в Национальном корпу-

Петрухина Елена Васильевна — профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elena.petrukhnina@gmail.com).

Шэнь Юйе — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: syuye@mail.ru).

се русского языка (НКРЯ). Мы используем термин «конструкция», который всегда был элементом традиционного синтаксического и семантического анализа. Так, данный термин употребляет Ю.Д. Апресян при изложении принципов «реконструкции языковой картины мира», в частности, в разделе «Уникальное значение: конструкция *Мне хорошо работается*» [Апресян, 2006: 36–39], а также Н.Д. Арутюнова при анализе выражения в русском языке неконтролируемых действий [Арутюнова, 1999: 793–802]. В «Грамматике конструкций» [Fillmore, 1988; Goldberg 2002, 2003] этот термин называет центральную единицу описания и определяется как языковая модель, демонстрирующая тесное взаимодействие синтаксических структур и их лексического наполнения [Кузнецова, 2007].

Мы применяем понятие конструкции как базисной структурной единицы для исследования семантико-прагматических свойств простого предложения с дативным субъектом и предикатом, выраженным возвратным глаголом или возвратной формой. Опора на понятие конструкции способствует изучению взаимодействия предикатных структур с лексическим значением глаголов и категорией возвратности как единого комплекса. Для русского языка дативная субъектная модель является весьма распространенной и продуктивной, ей в русистике посвящена большая литература, лишь частично упоминающаяся в данной статье (см. список литературы). Модель имеет два основных типа: с предикативами (*Мне грустно*) и возвратными глаголами и формами. Частотность конструкций с предикативами в НКРЯ изучена в [Бонч-Осмоловская, 2015], здесь предпринимается попытка получить количественные данные о втором типе дативных конструкций в НКРЯ, среди которых в зависимости от грамматических, словообразовательных и семантических характеристик глаголов представлено несколько разновидностей, различающихся деривационными и сочетаемостными свойствами.

С помощью возвратных конструкций с дативным субъектом обычно выражаются действия, которые человек в той или иной степени не контролирует. Например, в форме таких конструкций с возвратными глаголами представляются: произвольные ментальные, эмоциональные процессы и разные типы спонтанного восприятия: *Все о нем думалось. Мне хочется уйти. Ему слышится странный гул. Ему снится Москва. Такой человек запомнится всем надолго* (в основном это производные глаголы, имеющие невозвратную пару, за некоторым исключением типа *сниться*); вынужденные действия и модальные отношения: *Нам пришлось подчиниться. Не удалось дозвониться до соседа. Андрею повезло туда попасть* и др. [Петрухина, 2016]. Особый тип составляют конструкции, имеющие значение ‘внутренней предрасположенности/непредрасположенности к действию, успешности/неуспешности совершения

действия' [Булыгина, Шмелев, 1997: 106–107], например, *Мне здесь хорошо работается. Ребенку не сидится на месте*. Возвратные формы в таких предложениях трактуются по-разному: как безличные формы однокоренных невозвратных глаголов [Виноградов, 1972: 501; Клобуков, 2009: 526] либо как возвратные безличные глаголы [Русская грамматика, 1980: 640; Апресян, 2006: 36–39]. Мы придерживаемся первой точки зрения, прежде всего в силу достаточно регулярного образования возвратных форм от глаголов деятельности (преимущественно в прошедшем и настоящем времени). В нашей первой выборке встретилась всего одна безличная возвратная форма (*жились*). В данной статье подобные формы не рассматриваются: им будет посвящено специальное исследование.

К возвратным конструкциям с дативным субъектом относятся разные по структуре предложения: как односоставные безличные, в которых нет и не может быть подлежащего (*Мне хочется уйти. Студентам пришлось вернуться*), так и двусоставные личные предложения, в которых позицию подлежащего занимает объект (обычно объект восприятия или модального отношения) типа *Мне снится Петербург. Эта статья всем запомнится надолго*. Общим для обоих типов предложений является то, что при возвратных глаголах употребляется имя семантического субъекта в форме дательного падежа, а само действие интерпретируется как в той или иной степени независимое от воли субъекта.

Исследуя причину интерпретации ситуации как неконтролируемой (инволютивной), разные лингвисты акцентируют внимание на разных ее аспектах. Так, авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» считают, что произвольность и неконтролируемость — это значение не только моделей предложения в целом, но в то же время и значение глагола, который выражает «инволютивный, произвольный процесс». «Синтаксическое функционирование его обусловлено предикативным сочетанием с именем субъекта в определенных формах косвенных падежей» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 125].

Другие исследователи обращают особое внимание на неагентивную семантику возвратности. Н.Д. Арутюнова, в частности, отмечает роль возвратного постфикса *-ся*, который, «примыкая к глаголам, придает глаголу значение произвольности действия или состояния» [Арутюнова, 1999: 803]. Большую роль в формировании семантики неконтролируемости играет также форма косвенных падежей личного субъекта. По мнению А.В. Бондарко, субъект, занимая периферийную позицию дополнения, в силу языковой интерпретации, приобретает некоторые объектные свойства. «Субъектность, находящая выражение в формах косвенных падежей (*Ее здесь не было*), всегда так или иначе снижается в ранге по сравнению

с субъектностью, выраженной подлежащим в форме им.п. (*Она здесь только что была*), потому что на денотативно-понятийную основу семантики субъекта наслаивается тот или иной оттенок объектной языковой интерпретации, связанной с формой дополнения» [Бондарко, 1992: 41]. Субъект, приобретая в дательном падеже некоторые свойства объекта, начинает пониматься как более или менее пассивная субстанция, которая претерпевает происходящие с ней изменения, что созвучно семантике неконтролируемости.

А. Вежицкая отмечает, что в русском языке предложения, построенные по агентивной личной модели (когда субъект занимает позицию подлежащего), имеют более ограниченную сферу употребления в сравнении с другими европейскими языками, а одно из важнейших направлений динамических изменений в синтаксисе — рост безличных конструкций — является типично русским феноменом, так как в других европейских языках изменения обычно идут в противоположном направлении [Вежицкая, 1996: 76].

Мы рассматриваем значение инволютивности как результат взаимодействия предикатной структуры с дативным субъектом и возвратных глаголов определенных семантических групп: восприятия, ментальной деятельности, эмоционального и модального отношения и др. Основной целью данной статьи является анализ частотности и семантики изучаемых конструкций с возвратными глаголами на материале НКРЯ. Для этого надо было составить формулу поиска возвратных конструкций с дативным субъектом, исходя из возможностей разметки в Корпусе¹.

2. Формулы поиска возвратных дативных конструкций в Национальном корпусе русского языка

Поиск примеров в НКРЯ мы начали проводить по формуле: *dat* (дательный падеж) + *med* (медиальный залог) + *-bmark* (исключая знаки препинания между актантами), на расстоянии 1 от *med* (расстояние между дативным субъектом и возвратным глаголом)². Выборка по данной формуле содержит 9426 примеров. Анализ полученных результатов показал, что примененная формула не исключает попадания в выборку конструкций, выходящих за рамки интересующей нас области. Например, в нее попали конструкции типа *Мужу выспаться надо*. В этом предложении форма дательного падежа субъекта имени зависит не от возвратной конструкции, а

¹ Формулы были созданы с помощью консультанта и одного из разработчиков НКРЯ Д.В. Сичинавы.

² Это расстояние достаточно, чтобы определить инвентарь глаголов и форм, которые употребляются в изучаемых конструкциях. Поиск с таким расстоянием приводит к наиболее точным результатам.

определяется предикативом *надо*. Кроме того, в нашу выборку попали конструкции типа *Он помог мне раскрыться*. В этом и подобных ему предложениях имена в дательном падеже выражают не субъект, а объект действия. Кроме того, в выборку попали также предложения с предлогами перед именем в дательном падеже (соответственно не в субъектном значении), например: *К ним относятся вспомогательные структуры*. В связи с этим выбранные по указанной формуле предложения были подвергнуты проверке. Так, из первых 400 предложений нашей выборки интересующих нас конструкций оказалось 200, т.е. половина контекстов соответствует теме нашего исследования. В этих предложениях было употреблено 30 безличных глаголов: *приходиться — прийти, казаться³ — показаться, удаваться — удаться, нравиться — понравиться, хотеться — захотеться, требоваться — потребоваться, думаться, понадобиться, представляться, исполниться, сниться — присниться, видеться, попадаться — попасться, довестись, запомниться, достаться, посчастливиться, вспоминаться, встретиться, остаться, пригодиться, помниться*.

Продолжая поиск в НКРЯ и пытаясь его уточнить, мы на странице поиска в строке грамматических признаков добавили в формулу “-PR” (без предлога перед формой дательного падежа) и получили вторую формулу: -PR + dat + -bmark + med, на расстоянии 1 от med.

Применение второй формулы уменьшило количество входящих — всего 6215 и, как можно было предположить, уточнило поиск. Действительно, среди первых 400 примеров 222 контекста соответствуют теме нашего исследования. Во второй выборке встретились следующие 27 глаголов: *удаваться, удаться, приходиться, прийти, казаться, показаться, нравиться, понравиться, хотеться, захотеться, требоваться, потребоваться, понадобиться, сниться, присниться, видеться, достаться, попадаться, попасться, думаться, представляться, запомниться, посчастливиться, исполниться, полагаться (Ему полагалось вернуться до 22 часов), встретиться, остаться*.

В табл. 1 представлены самые частотные глаголы. Для нас важно показать частотность и отдельных глаголов СВ и НСВ, и частотность видовых пар (как классических, так и функциональных, по Ю.С. Маслову [Маслов, 2004: 77]), поэтому таблица содержит соответствующую колонку.

В табл. 2 мы поместили данные о частотности отдельных глаголов СВ и НСВ, у которых в нашу выборку не попали парные к ним глаголы противоположного вида.

Мы можем сделать вывод о том, что при использовании первой формулы, самым частотным глаголом в интересующих нас конструк-

³ Здесь мы не учитываем вводную функцию формы *кажется*, а также форм *думается* и *помнится*.

Таблица 1

Глаголы	Первая формула		Вторая формула	
	частотность отдельных глаголов	общая частотность парных глаголов	частотность отдельных глаголов	общая частотность парных глаголов
Казаться (НСВ) Показаться (СВ)	33 3	36	38 3	41
Нравиться (НСВ) Понравиться (СВ)	21 11	32	22 9	31
Попадаться (НСВ) Попасться (СВ)	1 1	2	1 1	2
Приходиться (НСВ) Прийтись (СВ)	9 30	39	14 37	51
Сниться (НСВ) Присниться (СВ)	3 1	4	3 1	4
Требоваться (НСВ) Потребоваться (СВ)	4 6	10	5 1	6
Удаваться (НСВ) Удаться (СВ)	1 34	35	17 32	49
Хотеться (НСВ) Захотеться (СВ)	13 0	13	14 1	15

Таблица 2

Глаголы и формы	Первая формула	Вторая формула
	частотность	частотность
Видеться (НСВ)	2	2
Вспоминаться (НСВ)	1	0
Встретиться (СВ)	1	1
Довестись (СВ)	2	0
Достаться (СВ)	2	2
Думаться (НСВ)	4	1
Запомниться (СВ)	2	1
Исполниться (СВ)	3	3
Остаться (СВ)	1	1
Полагаться (НСВ)	0	1
Понадобиться (СВ)	4	7
Помниться (НСВ)	1	0
Посчастливиться (СВ)	1	1
Представляться (НСВ)	4	3
Пригодиться (СВ)	1	0

циях является глагол *удаться* (34), далее следуют глаголы *казаться* (33), *прийтись* (30). По второй формуле самыми частотными глаголами оказались те же глаголы, но с некоторыми изменениями показателей частотности: *казаться* (38), *прийтись* (37) и *удаться* (32).

Таким образом, результаты поиска по двум формулам подтверждают самую высокую частотность данных трех глаголов. При использовании первой формулы в нашей выборке встречаются глаголы, которых нет в контекстах, найденных по второй формуле: это глаголы *вспоминаться*, *помниться*, *довестись* и *пригодиться*. При этом глаголы *захотеться* и *полагаться* не встречаются в контекстах, которые были найдены с помощью первой формулы. В обоих случаях была зафиксирована одна безличная словоформа (*жилось*).

Если ограничиться простой формулой “dat + med на расстоянии 1 от med” (без дополнительных параметров -bmark и -PR), то поиск окажется менее точным. Использование данной формулы увеличило количество вхождений: в выборку попало 11471 контекстов, т.е. больше, чем число контекстов, соответствующих первым двум формулам. Мы сравнили первые 100 примеров, полученных при использовании каждой формулы. По первой формуле из 100 контекстов 58 контекстов (с 15 возвратными глаголами) соответствуют заданным параметрам, вторая формула дает нам 66 контекстов (21 глагол), а третья формула — только 54 контекста (с 14 глаголами). В последнем случае в выборку попало много предложений, в которых между формой дательного падежа и возвратным глаголом стоит запятая и которые вообще не имеют никакого отношения к области нашего исследования. Например: *А это, скажу я вам, оказалось нелёгким испытанием* («Даша», 2004). *Недавний пример: сын учительницы закончил Костромской педагогический университет; вернулся в Шарью, но учителем работать не захотел — мало денег; пошёл на «Кронастар» охранником: денег достаточно, но не соответствует амбициям; уволился, уехал в Санкт-Петербург* («Человек», 2005).

В связи с этим мы отказались от простой формулы “dat + med на расстоянии 1 от med”.

Итак, после применения двух формул поиска дативных возвратных конструкций был составлен предварительный список входящих в них глаголов (не полный, так как он создавался на основе первых 400 контекстов по каждой формуле — список будет пополняться в ходе дальнейшего исследования). При этом мы понимаем, что общее количество употреблений (вхождений) данных глаголов в НКРЯ значительно превосходит результаты их поиска с применением приведенных выше формул, так как данные возвратные глаголы могут употребляться в конструкциях с пропущенным именем субъекта. Например, в предложении *Не удалось до него дозвониться* имя субъекта пропущено, но легко восстанавливается из контекста. Кроме этого между дативной формой субъекта и возвратным глаголом могут находиться другие слова, чего не учитывают наши формулы (расстояние 1 от med). Но увеличение этого расстояния существенно увеличивает число погрешностей, поэтому мы от этого отказались.

В ходе дальнейшего исследования мы можем уточнить частотность изучаемых конструкций путем поиска самих глаголов, которые попали в нашу выборку.

3. Анализ частотности возвратных глаголов с дативным субъектом в НКРЯ

В нашей выборке есть глаголы, которые всегда употребляются в конструкциях с дативным субъектом, что облегчает задачу анализа их частотности в НКРЯ. Такие глаголы можно разделить на две группы.

В первую группу входят безличные глаголы, которые употребляются в предложениях, где не может быть подлежащего. Это глаголы *хотеться*, *захотеться*, *посчастливиться*, *думаться*. Например: *Мне хотелось, чтобы Клементина выглядела совершенно иначе, чем выглядели мои остальные героини* («Экран и сцена», 2004). *В книгах Благиной «Сорока-белобока», «Журавушка», «Гори-гори ясно!» и других ты найдёшь много прекрасных стихов, которые тебе захочется не только прочитать, но и выучить наизусть* («Мурзилка», 2003). *Мне нравится их молодежная политика», — говорит Юля Хворостова, одна из немногих, кому посчастливилось учиться в Ростове* («Аргументы и факты», 2003).

Таблица 3 демонстрирует частотность данных глаголов в НКРЯ во всех формах (глаголы расположены по убывающей частотности).

Вторая группа включает глаголы, которые используются в двусоставных личных предложениях, где выражено подлежащее, но при этом подлежащее имеет значение объекта, а субъект выражен дательным падежом. Это такие глаголы, как *нравиться*, *понравиться*, *понадобиться*, *пригодиться*, *исполниться*, *достаться*, *помниться*, *вспоминаться*, *запомниться*.

В табл. 4 представлена частотность данных глаголов в НКРЯ во всех формах.

Таким образом, самыми частотными глаголами являются глаголы *хотеться* (71690), *нравиться* (36223) и *понравиться* (21746).

Таблица 3

Глаголы	Частотность в НКРЯ
хотеться	71690
захотеться	9024
думаться	5780
посчастливиться	1336

Таблица 4

Глаголы	Частотность в НКРЯ
нравиться (нсв)	36223
понравиться (св)	21746
достаться (св)	9897
понадобиться (св)	9480
исполниться (св)	4954
пригодиться (св)	4633
помниться (св)	4418
запомниться (св)	4022
вспоминаться (нсв)	3866

Более сложный случай для анализа представляют собой многозначные глаголы, поскольку они употребляются в изучаемых конструкциях только в определенных значениях. Можно назвать 18 таких глаголов: *удаться, удаваться, прийти, приходиться, упасть, упасться, видеться, присниться, сниться, представляться, полагаться, довестись, казаться, показаться, остаться, встретиться, требоваться, потребоваться*. Здесь мы проведем анализ пяти наиболее частотных глаголов — это глаголы *видеться, казаться, прийти, удаваться, удасться*.

Глагол *видеться* имеет (по словарю С.И. Ожегова) четыре значения, из которых встречается в конструкции с дативным субъектом только в своем третьем значении. Например: *Ей самой нужен такой размах в мужчине, и именно так ей виделся Серебряков* (Игорь Иванов). *Мне это видится в белых тонах*. При этом чаще всего этот глагол используется во втором значении: *Он не видится с сыном*.

У глагола *казаться* в словаре С.И. Ожегова также выделено четыре значения, актуальным для возвратных конструкций с дативным субъектом является второе значение. Ср. пример из нашей выборки: *А сам, голодный и бездомный, готов разделить пищу и кров, протянуть дружескую руку другому, кто, как ему кажется, нуждается ещё больше, чем он* («Экран и сцена», 2004.05.06).

У глагола *прийти* в словаре С.И. Ожегова выделено шесть значений. Актуальными для изучаемых нами конструкций является третье значение ‘выпасть на долю’ и четвертое значение ‘оказаться нужным, необходимым’, например: *Мне пришлось много работать над голосом, интонациями, диалектизмами* («Экран и сцена», 2004).

У глагола *удаться* и его видовой пары *удаваться* в словаре С.И. Ожегова из двух значений к изучаемым конструкциям относится второе значение: *Благодаря такому разумному подходу его группе удалось завершить свою работу раньше других*. («Computerworld», 2004). *Нередко сотрудникам удавалось контактировать с детьми индивидуально ...* («Вопросы психологии», 2004).

Таким образом, для изучения частотности употребления многозначных глаголов в возвратных конструкциях с дативным субъектом в НКРЯ придется ограничиться данными, полученными по рассмотренным выше формулам поиска.

4. Выводы

Наше исследование, проведенное на материале НКРЯ с использованием двух формул поиска, выявило в нашей выборке в общей сложности 31 глагол (и одну безличную форму *жило*), которые могут использоваться в возвратных конструкциях с дативным субъектом. Среди них шесть глаголов НСВ (*видеться, вспоминаться,*

думаться, полагаться, помниться, представляться), девять глаголов СВ (*встретиться, довестись, достаться, запомниться, исполниться, понадобится, пощастливиться, пригодиться, остаться*), 8 видовых пар глаголов НСВ и СВ (*казаться и показаться, нравиться и понравиться, попадаться и попасться, приходиться и прийти, сниться и присниться, требоваться и потребоваться, удаваться и удалиться, хотеться и захотеться*). Самыми частотными глаголами по данным поиска с помощью разработанных формул являются глаголы *удаться, казаться, прийти*.

Мы уточнили информацию о частотности изучаемых конструкций в НКРЯ посредством поиска соответствующих возвратных глаголов во всех формах. Самыми частотными среди глаголов, которые всегда используются с дативным субъектом, оказались глаголы *хотеться* (71690), *нравиться* (36223), *понравиться* (21746), *достаться* (9897), *понадобиться* (9480) и *захотеться* (9024). В возвратных конструкциях с дативным субъектом также используются многозначные глаголы. Эти глаголы употребляются в изучаемых нами конструкциях только в одном значении, а в других значениях они могут формировать разные типы предложений. Многозначность глаголов и возможность их употребления в других типах предложений, включающих имена в дательном падеже, например в позиции объекта, затрудняет определение частотности этих глаголов в конструкциях с дативным субъектом (требует ручной проверки многотысячных данных); поэтому мы продолжим изучение их частотности по разработанным формулам.

Итак, наше исследование продемонстрировало возможность анализа частотности в НКРЯ дативных субъектных конструкций с возвратными глаголами и формами. Несмотря на выявленные объективные сложности их поиска в НКРЯ, представленный подход открывает перспективы изучения важных для русского языка конструкций как в динамике (в отдельные временные периоды), так и в разных дискурсах (с учетом имеющихся в НКРЯ подкорпусов).

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб, 1992.
4. Бонч-Осмоловская А.А. Квантитативные методы в диахронических корпусных исследованиях: конструкции с предикативами и датив-

- ным субъектом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2015. Т. 1. № 14 (21). С. 80–95.
5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
 6. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
 7. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
 8. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
 9. Клобуков Е.В. Морфология // Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 2009. С. 402–586.
 10. Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций. Обзор // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2007. № 4.
 11. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
 12. Петрухина Е.В. Грамматико-словообразовательные комплексы русского глагола // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). Вып. 5, РОПРЯЛ СПб. С. 445–451.
 13. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980.
 14. Толковый словарь Ожегова онлайн. (электронный ресурс). URL: <http://slovarozhegova.ru/search.php> (дата обращения: 10.09.2018).
 15. Fillmore C., Kay P., O'Connor K.T. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // Language. 1988. № 64.
 16. Goldberg A. Construction Grammar//Encyclopedia of Cognitive Science. London, 2002.
 17. Goldberg A. Constructions: A new theoretical approach to language // Trends in Cognitive Sciences, 2003. 7.5. P. 219–224.

Elena Petrukhina, Yuye Shen

**COMPOSITION, SEMANTICS AND FREQUENCY
OF REFLEXIVE STRUCTURES WITH A DATIVE SUBJECT
IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Drawing on the Russian National Corpus (RNC), this article analyzes the composition and frequency of reflexive structures with a dative subject in the

Russian language. Reflexive structures with a dative subject express somewhat uncontrollable emotional and mental processes and perceptions which emerge independently by the will of the subject of an action. The meaning of involution in the constructions under analysis is produced by the interaction between a predicate structure including the native subject and the semantics of reflexive emotive, mental, modal, and/or other verbs. The application of search formulas to the RNC enabled us to study the composition of the structures in question and determine their frequency. A formula search in a sample containing 422 sentences with 31 reflexive verbs showed that the most frequent are the verbs *казаться, прийти́сь, уда́ться*. The data obtained made it possible to determine the absolute frequency in RNC of the verbs that are always used with a dative subject. The most frequent ones are *хотеться* (71690), *нравиться* (36223), *понравиться* (21746), *достаться* (9897), *понадобиться* (9480), *захотеться* (9024). The article offers a semantic analysis of multivalued verbs, which are used in different types of sentence, and provides tables of frequency for all the reflexive verbs found in the research.

Key words: Russian National Corpus; structures; reflexive verbs; dative subject.

About the authors: *Elena Petrukhina* — Prof. Dr., Department of Russian Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elena.petrukhina@gmail.com); *Yuye Shen* — PhD Student, Department of Russian Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: syuye@mail.ru).

References

1. Apresyan Yu.D. Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Language picture of the world and systemic lexicography]. *Izdatelstvo Yazyki slavyanskih kul'tur*, Moscow, 2006, 416 p. (In Russ.)
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man.]. Moscow, *Izdatelstvo Yazyki russkoj kul'tury*, 1999, 896 p. (In Russ.)
3. Bondarko A.V. Subektno-predikatno obektnye situacii [Subject-predicate-object situations]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki. Subektnost'. Obektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'*. Pod red. A.V. Bondarko. SPb, "Nauka", 1992, p. 41 (In Russ.)
4. Bonch-Osmolovskaya A.A. Kvantitativnye metody v diahronicheskikh korpusnyh issledovaniyah [Quantitative methods in diachronic linguistic studies]. *Konstrukcii s predikativami i dativ-nym sub"ektom. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 2015. T. 1. № 14 (21), pp. 80–95 (In Russ.)
5. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya konceptualizaciya mira [Language Conceptualization of the World] (na materiale russkoj grammatiki). *Izdatelstvo Infra-Inzheneriya Moscow*, 1997, 545 p. (In Russ.)
6. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition.]. Moscow, *Izdatelstvo Pucskie slovari Pereplet: ehlektronnaya kniga*, 1996, 416 p. (In Russ.)

7. Vinogradov V.V. Russian language (Grammatical teaching about the word). Moscow, 1972, 614 p. (In Russ.)
8. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, *Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN*, 2004, 544 p. (In Russ.)
9. Klobukov E.V. Morfologiya [morphology]. “Covremennyy russkij literaturnyy yazyk”, pod red. P.A. Lekanta. Moscow: *Vyssshaya shkola*, 2009, pp. 402–586. (In Russ.)
10. Kuznecov Yu.L. Grammatika konstrukcij [Grammar of constructions]. Obzor: *Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy*. Moscow, № 4. 2007.
11. Maslov Yu.S. Izbrannyye trudy [Selected works]. Obshchee Yazykoznanie. Moscow, 2004. 848 p. (In Russ.)
12. Petruhina E.V. Grammatiko-slovoobrazovatel'nye komplekxy russkogo glagola [Grammatiko-word-forming complexes of the Russian verb]. Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii [Elektronnyj resurs]. *Materialy V Kongressa ROPRYAL* (g. Kazan', 4–8 oktyabrya 2016 goda), Vyp. 5, ROPRYAL SPB, pp. 445–451. (In Russ.)
13. Russkaya grammatika [Russian grammar]. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Vvedenie v morfemiku. Slovoobrazovanie. Morfologiya / N.Yu. Shvedova (gl. red.). Moscow, 1980. 784 p. (In Russ.)
14. Tolkovyj slovar' Ozhegova Onlajn (Elektronnyj resurs) [Explanatory dictionary of Ozhegov online]. URL: <http://slovarozhegova.ru/search.php> (accessed: 10.09.2018).
15. Fillmore C., Kay P., O'Connor K.T. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone. *Language*, № 64, 1988.
16. Goldberg A. Construction Grammar. *Encyclopedia of Cognitive Science*. 2002. London: *Macmillan Reference*.
17. Goldberg A. Constructions: A new theoretical approach to language. *Trends in Cognitive Sciences*, 2003. 7.5, pp. 219–224.

Г.В. Синило

ГЁТЕ И НОВОЕ ОТКРЫТИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

В статье исследуются роль Библии в духовном становлении и эстетической эволюции И.В. Гёте, открытие им принципов библейской поэтики и их воплощение в собственной художественной системе. Показано, что на протяжении всей жизни Библия была важнейшим духовным собеседником Гёте, неистощимым источником нравственных размышлений, научного интереса и поэтического вдохновения. Вместе с И.Г. Гердером Гёте является основоположником культурно-исторического подхода к Библии, видения в ней результата творческих усилий еврейского народа на этапе Древности. Одновременно Библия выступает для немецкого поэта как «второй мир», как модель мироздания, через которую человек постигает мир и себя самого, как школа нравственного совершенствования. Библейская поэзия воспринимается Гёте как «наивная», т.е. природная, изначальная, естественная, являющаяся следствием искреннего порыва сердца и духа. Принципы библейской поэтики, основанные на стремлении к выражению трансцендентного, на динамичности самой формы как воплощения неуловимого и вездесущего духа, оказываются близки сентиментализму, в том числе немецкому штурмерству. Наиболее притягательной библейской книгой для Гёте была Песнь Песней, свободное и в то же время близкое к оригиналу и основанное на его научном изучении переложение он создает в финале штурмерского периода. Через парафраз библейского текста Гёте выражает неистовость собственных чувств, свое панентеистическое мироощущение. Одновременно он как ученый штудировал тексты Пятикнижия, усматривая в них также древнейшие образцы поэзии. Новое осмысление библейской поэзии и принципов библейской поэтики в сравнении с эллинскими происходит на этапе художественного универсализма и особенно наглядно выражается в «Западно-восточном диване», соединяющем поэзию и культурологию, глубокое исследование восточных культур и прежде всего древнееврейской. По мысли поэта, Библия является фундаментом диалога между Западом и Востоком, между иудейско-христианским и мусульманским миром. Принципы библейской поэтики, связанные с текучестью самой формы, с выражением динамики духа, с «культурой слуха» (*Lied*), осознаются Гёте как релевантные для лирической поэзии, а в целом — не менее важные для

Синило Галина Вениаминовна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, Минск) (e-mail: sinilo@mail.ru).

европейской культуры, чем принципы эллинской поэтики, основанные на пластичности, «скульптурности», «культуре зрения» (*Gebild*). Утверждается, что Библия является для творчества Гёте одним из важнейших архетекстов — смысло- и текстопорождающим текстом.

Ключевые слова: творчество И.В. Гёте; Библия; архетекст; Песнь Песней; библейская поэзия; библейская поэтика; жанр библейского парафраза; сентиментализм; штюмерская поэзия; художественный универсализм; «Западно-восточный диван».

Подводя итоги своей долгой творческой жизни (и жизни в целом), взглядываясь в годы детства и юности, размышляя над тем, кто и что помогли ему стать тем, кем он стал, И.В. Гёте в автобиографии «Из моей жизни. Поэзия и правда» писал о том, что одной из важнейших книг, сформировавших его духовный облик, была Библия: «... я любил и ценил эту книгу, ибо едва ли не ей одной был обязан своим нравственным формированием; в меня глубоко запали отображенные в ней события, ее наставления, символы, притчи, и все это так или иначе продолжало на меня воздействовать» [Гёте, 1976, 3: 232]. Великий писатель и мыслитель неоднократно подчеркивал, что именно «Библия, превышавшая богатством содержания любую другую книгу, давала обильнейший материал для раздумий и множество поводов для суждений о делах человеческих...» [Гёте, 1976, 3: 232]. Примерно в это же время младший современник Гёте, загадочный английский поэт и художник, мистик-визионер Уильям Блейк, в своем творчестве ведший беспрецедентный диалог с Библией, назвал ее «Великим Кодом Искусства». Это определение использовал канадский филолог и мифолог, один из крупнейших литературных теоретиков современности, основоположник «архетипической критики» Нортроп Фрай (Northrop Frye) в названии своей книги «Великий Код. Библия и литература» (*The Great Code. The Bible and Literature*, 1982), посвященной одной из самых актуальных проблем современного литературоведения — взаимодействию художественной литературы и Библии. Исследователь отмечает: «Ни одна книга, имеющая столь неординарное литературное воздействие, не может сама не обладать литературными достоинствами. Но столь же очевидно и то, что Библия — это нечто “большее”, чем литературное произведение...» [Фрай, 1991: 182]. Безусловно, Библия — «нечто большее» для мировой (особенно иудейско-христианской) культуры, но вместе с тем столь же безусловно, что она — литературное произведение, точнее — целая библиотека под одной обложкой, формировавшаяся на протяжении нескольких тысячелетий. Как тонко заметил С.С. Аверинцев, «канон оказался построенным как маленькая литературная “вселенная”, включающая самые разные тексты — однако в прямом или косвенном, изначальном или вто-

ричном соотношении с религиозной идеей» [Аверинцев, 1983: 271]. Это собрание книг различных стилей и жанров, но одновременно и единая книга, часто именуемая, как известно, Книгой Книг. В прямом значении эта библейская конструкция представляет собой превосходную степень на иврите и означает «наилучшая книга», «самая главная книга», «книга над всеми книгами», но также, согласно древнему толкованию, — «книга, состоящая из книг». К этому можно прибавить еще одно значение, подтвержденное двумя тысячелетиями мировой культуры новой эры: Книга, содержащая в себе семена других книг; Книга, «на полях» которой и в диалоге с которой рождаются новые книги.

С распространением христианства Библия стала одним из важнейших архетекстов¹, а точнее — «осевым» архетекстом европейской культуры и цивилизации, важнейшим фундаментом и генерирующим текстом, в диалоге с которым она выстраивает свои смыслы и порождает новые тексты. Безусловно, столь же важны для европейской культуры, особенно художественной, классические тексты античной культуры. Влияние античной (прежде всего эллинской) культуры является определяющим в сфере эстетики и рационального мышления, влияние Библии — в сфере духовно-этической. До сих пор в европейской культуре длится союз и одновременно спор Афин и Иерусалима, эстетического и этического. Однако совершенно очевидно, что Библия оказала также большое воздействие и на развитие европейской литературы и искусства. При этом принципы библейской эстетики и поэтики во многом (если не кардинально) отличаются от эллинских. В свое время С.С. Аверинцев чрезвычайно тонко и афористично сформулировал суть этих различий: «Греция дала образец меры, Библия — образец безмерности; Греции принадлежит “прекрасное”, Библии — “возвышенное”, то особое качество, которое в природе присуще не обжитым местностям, но крутизнам гор и пучинам морей. Тема греческой поэзии — статика формы, тема библейской поэзии — динамика силы. Грек Протагор сказал: “Человек есть мера всех вещей”; но Библия рисует бытие, как раз неподвластное человеческой мере, несоизмеримое с ней» [Аверинцев, 1988: 189]. В противовес эллинской «культуре зрения» — культуре пластичных, скульптурных, архитектурных форм, простирающих свою власть и над поэтическим словом, — культура библейская является «культурой слуха», культурой звучащего сло-

¹ Под архетекстом мы понимаем древний текст («текст-в-начале»), обладающий повышенной аксиологической значимостью для той или иной культуры, высокой степенью референтности, реинтерпретируемости, цитируемости, являющийся важным источником интертекстуальных связей и художественным образцом, выполняющий текстопорождающую функцию (см.: [Синило, 2017]).

ва, бесконечного вслушивания в незримое и едва уловимое веяние Духа Божьего, в голос Божий. В связи с этим главная задача слова, звучащего в Библии, — уловить и выразить это веяние и этот голос, равно как и ответное движение человеческого духа в его бесконечном «дорастании» до Духа Божьего. И эллинская «статика формы», и библейская «динамика силы» оказались равно востребованными европейской литературой. Для ряда эпох европейской культуры, как замечает С.С. Аверинцев, «библейская поэзия стала коррективом и дополнением к античному идеалу красоты и уравновешенной меры» [Аверинцев, 1988: 189]. Уточним, что это в первую очередь касается кризисных, так называемых переходных и переломных эпох в европейской культуре, наиболее остро ощущающих разрыв с традицией, — таких, как эпоха XVII в. (и прежде всего искусство и литература барокко), эпоха романтизма, эпоха декаданса и модернизма (см.: [Синило, 2017]). Такой переломной эпохой было и время Гёте, утверждавшего, что художнику в этой жизни нужны только две книги — Природа и Библия.

Именно время Гёте — конец XVIII — начало XIX в. — стало временем подлинного открытия библейской поэзии (открытия ее именно как поэзии) и осмысления специфики библейской поэтики, временем осознанного подхода к Библии не только как религиозному тексту, но и как эстетическому феномену, как проявлению духа и творчества конкретного народа. Во многом это открытие состоялось благодаря универсальному гению старшего друга Гёте — И.Г. Гердера, испытавшего в этом плане влияние «северного мага» — И.Г. Гамана. Гердер и Гёте, а вслед за ними и все штюмерское поколение открывают Библию как синтез конкретного духовного и исторического опыта древнего народа и одновременно как великую модель универсума, как своего рода «второй мир» (Гёте), в котором человек постигает себя самого. Как отмечает А.В. Михайлов, «Библия — настольная книга и Гёте, и его современников... <...> это самая первая и близкая из книг, какие приходилось и приходится читать, осмыслять, непрестанно обдумывать. Кроме того, это самая универсальная книга, которая для Гёте и его современников хронологически предшествует всему тому распадению единого знания (или единой пра-поэзии) на поэзию и не-поэзию, на поэзию и философию, на поэзию и науку, какое наблюдается во всей культурной истории. А в то же время эпоха Гёте (начиная с Гамана и Гердера) впервые способна оценить все те поэтические начала, которые содержатся в Библии. В результате Библия для Гёте служит универсальной мерой для оценки всего того, что существует в культурной истории, и если все явления искусства, изобразительного и поэтического, Гёте в конечном счете сопоставляет с греческим искусством как их идеальной

мерой, то Библия оказывается еще более общей, глубокой и предполагающей само собою мерой всего совершающегося в жизни, истории, культуре» [Михайлов, 1988: 768].

Гёте, видя за текстом Библии полнейшую историческую конкретность, вместе с тем сохраняет представление об универсальности Библии как Книги Книг, как Книги, несущей в себе образ универсума. Подобный взгляд несколько сближает его позицию с позицией романтиков: они опираются на родившееся глубоко в недрах еврейской культуры уподобление мира книге, а книги — миру (для Гёте Библия — «словно второй мир»). А.В. Михайлов отмечает по этому поводу: «Для романтиков, с иного конца, мир в своем развитии, в своей истории словно проецируется в книгу, а потому наряду с исторически сложившейся Библией необходимо мыслить еще более абсолютную и универсальную *книгу* <курсив автора. — Г.С.>» [Михайлов, 1988: 770]. В подкрепление исследователь приводит суждения Ф. Шлегеля: «Библия — центральная литературная форма и, следовательно, идеал всякой книги» (письмо Новалису от 2 декабря 1798 г.); «... разве есть другое слово, чтобы отличить идею бесконечной книги от книги обыкновенной, кроме Библии, т.е. Книги вообще, абсолютной Книги?» («Идеи», фрагмент 95-й, 1800) [цит. по: Михайлов, 1988: 770–771].

Однако Гёте сознательно дистанцировался от романтиков во многих отношениях. Ему было совершенно ясно то, что игнорируется многими и поныне: Библия — непосредственный документ творчества конкретного народа, совершавшегося в истории, творение прежде всего еврейской культуры. Более того, Гёте отчетливо понимал, что евреи, живущие в его современности, — это потомки и наследники библейских евреев. Удивительно: несмотря на общую (и как бы само собой разумеющуюся) антисемитскую атмосферу Германии совсем юный Гёте сумел преодолеть предрассудки по отношению к евреям. Он испытывал к ним особую жалость, с любопытством всматривался в жизнь франкфуртского гетто: «К числу таинственных явлений, угнетавших мальчика, а позднее и юношу, в первую очередь относился еврейский квартал, обычно называемый Еврейским закоулком, так как он состоял едва ли не из одной улицы, втиснутой, как в клетку, в малое пространство меж городской стеной и оврагом. Долгое время я не отваживался один зайти туда, а однажды зайдя, не спешил вновь туда наведаться после того, как мне удалось спастись от назойливых торгашей, обступивших меня с предложениями что-нибудь купить или продать. При этом в юном воображении проносились старые сказки о жестокости евреев к христианским детям, отвратительные картины каковой были запечатлены на страницах Готфридовой хроники. И хотя в новейшее

время мнение о евреях изменилось к лучшему, но картину, клеймившую их стыдом и позором, все еще можно было разглядеть на стене Мостовой башни, и она тем более оскорбляла достоинство этого народа, что была заказана в свое время не каким-нибудь частным лицом, а общественным учреждением. И все же евреи оставались предпочтительным народом Божиим и, невзирая ни на что, жили среди нас олицетворенным напоминанием о древнейших временах. Вдобавок они были люди энергичные, обходительные, а самое упорство, с каким они придерживались своих обычаев, невольно вызывало уважение. <...> Я не мог успокоиться, покуда не побывал несколько раз в еврейской школе, не увидел собственными глазами их свадьбы и обряд обрезания, не составил себе представления о Празднике Кушей. Повсюду меня встречали приветливо, радушно потчевали и просили приходить еще...» [Гёте, 1976, 3: 125–126].

В этом пассаже из «Поэзии и правды» — весь Гёте, с его безудержной, воистину фаустовской любознательностью, с его толерантностью и огромным интересом к различным культурам, в том числе и еврейской, за современностью которой он отчетливо видел ее древние корни и праобраз, оказавшийся значимой моделью-прообразом для культуры европейской. За текстом Библии Гёте видит конкретную реальность, которой были причастны люди, жившие множество веков назад, но одновременно видит великую парадигматичность их духовного труда: «Воистину, Библия — книга народов, ибо она судьбу одного народа делает символом всех остальных». Именно поэтому Гёте не разделяет гиперкритицизма в отношении Библии: «... этой книге, подобно всем мирским писаниям, была предначертана своя судьба, в ходе времен ставшая неотвратимой. До сих пор принималось на веру, что Книга Книг проникнута единым духом, более того — сотворена Духом Господним, как бы написана со слов вездесущего Бога. Но уже давно и верующие и неверующие отмечали различия, встречающиеся в различных частях Святого Писания, кто глумясь над таковыми, кто, напротив, стремясь их оправдать. Англичане, французы, немцы, с большей или меньшей яростью, с остроумием, дерзостью и веселым задором нападали на Библию, и точно так же за нее вновь и вновь вступались серьезные и благомыслящие представители всех наций. Что касается меня лично, то я любил и ценил эту книгу, ибо едва ли не ей одной был обязан своим нравственным формированием; в меня глубоко запали отраженные в ней события, ее наставления, символы, притчи, и все это так или иначе продолжало на меня воздействовать. Поэтому мне были не по душе несправедливые, насмешливые нападки и кривотолки...» [Гёте, 1976, 3: 232].

Разделяя, как истинные просветители, идеи «естественной религии» — деизма — Гердер и Гёте видят в Библии наиболее полное воплощение общечеловеческого, разумного и естественного, служащего вечной школой просвещения, воспитания и самосовершенствования. Гёте глубоко убежден в том, что, «рассматриваемая книга за книгой, Книга Книг явит нам, зачем дана она нам — затем, чтобы приступали мы к ней, словно ко второму миру, чтобы мы на примере ее и заблуждались, и просвещались, и обретали внутренний лад» [Гёте, 1988: 143]. Немецкий поэт видит в Библии величайшие образцы подлинной «наивной» поэзии, т.е. поэзии изначальной, основанной на естественном чувстве. В заметке к «Западно-восточному дивану» «Еврей» Гёте писал: «Наивная поэзия — у всякой народности первая, она лежит в основании всего последующего; чем свежее, чем естественнее та первая поэзия, тем счастливее протекает развитие в позднейшие эпохи. Говоря о восточной поэзии, нельзя не вспомнить о древнейшем собрании, о Библии. Значительная часть Ветхого Завета написана в возвышенном умственном строе, с энтузиазмом и принадлежит полю поэзии» [Гёте, 1988: 140–141].

Открытие же библейской поэзии именно как поэзии древнееврейской состоялось у Гёте в очень юном возрасте; тогда же в нем зародилось осознанное восприятие Библии как памятника еврейского духа и искусства, проявилось стремление проникнуть в ее глубинные смыслы, прикинуть к оригиналу. В «Поэзии и правде» Гёте рассказывает о том, как он начал изучать не просто Библию, но Библию в оригинале, когда ему было примерно десять лет. Важно подчеркнуть, что с самого начала юный Гёте погрузился в библейский мир как в мир абсолютно реальный, живущий в реальной географии и истории: «Мои старания изучить язык и постигнуть смысл Священного Писания свелись к тому, что в моей фантазии еще живее возникла прекрасная и достославная страна, ее окружение, соседи, а также народы и события, на тысячи лет вперед прославившие сей клочок земли. Малому этому пространству было суждено увидеть первоначало и развитие рода человеческого. Оттуда дошли до нас первые и единственные вести о древнейших временах; тамошний ландшафт, неприхотливый, простой и в то же время разнообразный, который стал ареной самых удивительных странствий и переселений, живо предстает нашей фантазии» [Гёте, 1976, 3: 109].

Как деист Гёте дистанцируется от религии Откровения, подчеркивая, что «естественное» религиозное чувство изначально заложено в человеке, что «естественная всеобщая религия» предшествовала религии Откровения (хотя одновременно он и сомневается в этом), но в то же время соглашается с тем, что для осознания «изначальной естественной религии» должна была родиться идея Единобожия и

явиться именно религия Откровения, необходима была идея избранности народа Божьего. Он также отмечает, что для основания такой религии требовался особый образ жизни и особый душевный склад народа, в котором она родилась. Гёте подчеркивает, что основатели такой религии должны быть прежде всего героями веры (см.: [Гёте, 1976, 3: 109]). Ими и являются в восприятии Гёте праотцы еврейского народа. Патриархи предстают перед ним как живые индивидуальности, каждый со своим характером, своими достоинствами и недостатками, и в этом поэт видит великое достоинство библейского текста. Гёте пересказывает все истории патриархов и поясняет, зачем он это делает: «Возможно, кто-нибудь и задастся вопросом, с какой стати я еще раз обстоятельно излагаю эти общеизвестные истории, часто уже пересказывавшиеся и толковавшиеся. На это можно только ответить, что по-иному я не сумел бы объяснить, как при моей рассеянной жизни и беспорядочном учении мне все же удалось сосредоточить свой ум и свои чувства на чем-то одном и в этом обрести успокоение, к тому же я не мог бы иначе воссоздать мир и тишь, меня окружавшие, вопреки буйным и удивительным событиям во внешнем мире. Когда неутомимое воображение, а о нем и свидетельствует мой пересказ, меня толкало то в одну, то в другую сторону, когда эта смесь басен и истории, мифологии и религии грозила окончательно сбить меня с толку, я тем охотнее спасался бегством в восточные страны, погружаясь в книги Моисея, чтобы там, среди кочевья пастушеских племен, пребывать одновременно и в одиночестве, и в большой, разношерстной компании» [Гёте, 1976, 3: 117]. Это сказано с юмором и одновременно очень серьезно. Совершенно понятно, что Библия становится прибежищем для юной души, почвой, на которой расцветают его фантазия и поэтическое вдохновение. Подросток Гёте интуитивно ощущает не только огромный заряд духовности, но и художественности, который дают ему древние тексты Пятикнижия Моисеева. Особенно волнует и вдохновляет его история Иосифа, в которой он видит и величайшую конкретность, и великий обобщающий смысл: «Необыкновенно обаятелен этот бесхитростный рассказ, только уж очень короткий, так что поневоле возникает желание разработать его поподробнее» [Гёте, 1976, 3: 118]. И юный Гёте разработал краткую библейскую историю, тем более что прецедент уже был: «Такая разработка характеров и событий, в Библии намеченных лишь в самых общих чертах, была немцам уже не в новинку. Персонажи Ветхого и Нового Заветов благодаря Клопштоку приобрели тонкий, прочувствованный характер, волновавший душу мальчика и многих его современников. О трудах Бодмера на ту же тему он знал лишь понаслышке, иначе:

не знал ничего. Зато “Даниил в львином рву” Мозера сильнейшим образом воздействовал на его юную душу» [Гёте, 1976, 3: 118]. Гёте задумал обширный роман об Иосифе, точнее — поэму в прозе (в его собственном определении): «Я стремился наметить характеры и тщательно выписать их, ввести в сюжетную канву всевозможные столкновения, новые эпизоды и, таким образом, превратить простую и старую историю в новое произведение. По младости лет мне было невдомек, что углубить и расширить содержание можно, только набравшись наблюдений, житейского опыта. Словом, я до малейшей подробности восстановил в памяти все события и рассказал их себе по порядку» [Гёте, 1976, 3: 118–119]. Однако впоследствии поэт уничтожил написанную им «поэму в прозе», а в сущности — роман об Иосифе, сочтя его недостойным ни Библии, ни собственного таланта. В XX в. замысел Гёте по-своему (но помня о нем, испытывая его прямое влияние) осуществил Т. Манн в философском романе «Иосиф и его братья» (1933–1942), являющемся непревзойденным образцом романа-мифа, создателем которого по праву считается немецкий писатель XX в.

Для самого же Гёте Библия остается постоянным собеседником. Библейские мотивы и аллюзии пронизывают все его творчество. На раннем этапе Гёте особенно увлечен поэзией Песни Песней, отличающейся особой страстностью, чувственностью (в соединении с высоким духовным пафосом любви, «сильной, как смерть»), конкретностью, живописностью, пластичностью метафор и одновременно их необычайной динамичностью, многомерной символическостью. Для немецкого поэта Песнь Песней — высшее воплощение в поэзии самого невоплощаемого, невыразимого, загадочного и иррационального человеческого чувства — любви. Позже в заметке к «Западно-восточному дивану» под названием «Еврей» Гёте напишет: «Остановимся на мгновение и на Песни Песней, самом неподражаемо нежном, что дошло до нас от запечатлений любви страстной и прелестной. Мы жалеем, правда, что состояние фрагментарных и перепутанных, перемешанных стихов не доставляет нам вполне чистого наслаждения, и, однако, нас приводит в восторг мысль, что мы можем проникать чувством в те жизненные условия, когда творили писавшие их. Повсюду веют кроткие ветерки приятнейшей из частей Ханаана; интимность сельских отношений, сады, виноградники, пряности, какая-то тень городских ограничений, а затем, на заднем плане всего, роскошный, великолепный царский двор. А главное — пылкая склонность молодых сердец, — они ищут друг друга и находят, и отталкивают, и манят друг друга, в обстоятельствах жизни, отмеченных величайшей простотой. Не раз думали мы над

тем, чтобы извлечь что-то из этого столь прелестного беспорядка, выстроить в ряд, но как раз загадочная неразрешимость и придает этим немногим листкам их своеобразную привлекательность. Сколько раз уж бывало, что степенные и благонамеренные люди соблазнились найти в них или вложить в них разумную взаимосвязь — нет! преемникам остается все та же работа» [Гёте, 1988: 142–143]. Важно, что Гёте тонко чувствует особую художественную природу Песни Песней, невозможность ее рационального «выпрямления», подчинения логике. Заметим, что в целом менее рассудочная, чем эллинская, библейская поэзия, выражающая прежде всего порывы сердца, страстность и силу чувств, чувствительность потаенных недр души, ее тончайшие движения, чрезвычайно близка установкам сентиментализма и особенно штюмерства. Неслучайно эталоном подлинной («наивной») поэзии, изливающейся из сердца, являющейся голосом самой Природы, сотворенной Богом, для молодых Гердера и Гёте являются Псалмы (особенно для Гердера) и Песнь Песней. Характеризуя поэтику последней, С.С. Аверинцев подчеркивает: «Слова древнееврейского поэта дают не замкнутую пластику, а разомкнутую динамику, не форму, а порыв, не расчлененность, а слиянность, не изображение, а выражение, не четкую картину, а проникновенную интонацию. Эта родовая черта сближает Песнь Песней с лирикой Псалмов» [Аверинцев, 1983: 290]. Именно эти «разомкнутая динамика», «не форма, а порыв», «не четкая картина, а проникновенная интонация» были близки художественным установкам молодых Гердера и Гёте, которые создали свои парафразы Песни Песней. Но если парафраз Гердера, представляющий во многом его авторское толкование библейской книги, был опубликован под названием «Песни любви» (“Lieder der Liebe”, 1778), то созданный Гёте перевод-парафраз не печатался при его жизни.

Гёте работал над вольным переводом Песни Песней в августе-сентябре 1775 г., после завершения романа «Страдания молодого Вертера», в котором он столь глубоко, что это до сих пор кажется исчерпывающим, исследовал феномен любви, ее иррациональную власть над человеком. В «Вертере» сказано: “Was ist unserm Herzen die Welt ohne Liebe!” («Что для нашего сердца мир без любви!»). Закономерно, что пристальное внимание Гёте привлекла Песнь Песней, воспевающая любовь, которая «сильна, как смерть» (*Песн 8:6*). 7 октября 1775 г. Гёте сообщает в письме И. Мерку: «Я перевел Высокую Песнь Соломона — прекраснейшее собрание песен любви, созданных Богом» (цит. по: [Sauder, 2006: 856]). Однако вопреки последней фразе Гёте не склонен разделять мнение о сугубо аллегорическом или мистическом смысле Песни Песней. Вслед за Гердером, который начал работать над Песнью Песней еще в 1772 г. и

познакомил младшего друга со своей интерпретацией библейской книги, Гёте видит в Песни Песней феномен человеческой любви и человеческого творчества. Это, однако, не отменяет ни для Гердера, ни для Гёте мысли, что за всем этим стоит чудо Божьего творения и данной Богом человеку способности любить и творить. Кроме того, для спинозиста и панентеиста Гёте Песнь Песней воплощает идею всеединства мира, ту самую «вселенной внутреннюю связь», которую будет искать Фауст и имя которой — Любовь. Немецкий гётевед Г. Заудер пишет: «Как Гердер, он [Гёте] видит в Песни Песней явление древнееврейской поэзии и создает непосредственное подражание (*Nachdichtung*), стремясь достоверно следовать стилю и ритму оригинала» [Sauder, 2006: 857].

Действительно, создавая подражание, или свободный парафраз, Песни Песней, Гёте довольно точно передает как смысл оригинала, так и его ритмические и стилевые особенности. Не ставя перед собой задачу точного и полного перевода текста, он опускает некоторые фрагменты (*Песн 3:7–11; 8:8–14*), а также повторы (например, *Песн 3:5; 4:6; 6:4f; 7:3; 8:3f*). Кроме того, Гёте не дает нумерации в соответствии с главами библейского текста, отделяя фрагменты звездочками:

Küß er mich den Kuß seines Mundes! Trefflicher ist deine Liebe den Wein.
Welch ein süßer Geruch deine Salbe, ausgegoßne Salb ist dein Name, drum
lieben dich die Mädgen. Zeuch mich! Laufen wir doch schon nach dir! Führe
mich der König in seine Kammer, wir sprängen und freuten uns in dir. Priesen
deine Lieb über den Wein.

Lieben dich doch die Edlen all!

*

Schwarz bin ich, doch schön, Töchter Jerusalems! Wie Hütten Kedars wie
Teppiche Salomos.

Schaut mich nicht an daß ich braun bin, von der Sonne verbrannt. Meiner
Mutter Söhne feinden mich an, sie stellten mich zur Weinberge Hüterin. Den
Weinberg der mein war hütet ich nicht [Goethe, 2006: 449].

Эти два фрагмента настолько точно передают смысл *Песн 1:2–6*, что вполне могут быть признаны переводом. Сравним их с переводом российского ассириолога и гебраиста И.М. Дьяконова:

Пусть уста его меня поцелуют! / Лучше вина твои ласки, // Дух твоих
умашений прекрасен, / Разлитой елей — твое имя, / Потому тебя девушки
любят. // Влеку меня! За тобой победим мы! / Ввел меня царь в свои
покои! / Мы рады, мы с тобой веселимся, / Больше вина твои ласки сла-
вим, — / Справедливо тебя любят! // Я черна, но собою прекрасна, / До-
чери Иерусалима! / Как шатры Кедара, как завесы Соломона. // Не
смотрите, что я загорела, / Что меня подглядело солнце. / Мои братья

на меня прогневились, / Виноградники стеречь мне велели, — / Свой же виноградник не устергла я (*Песн 1:2–6*) [Ветхий Завет, 1998: 67–68].

Гёте отклоняется от оригинала лишь в незначительных деталях: вместо «справедливо» в *Песн 1:4* использует субстантивированное прилагательное «благородные» (*die Edlen*), вместо глагола «стеречь» (*hüten*) в *Песн 1:6* — существительное от того же корня в женском роде — *Hüterin*. В то же время он максимально точно передает, сохраняя неповторимый библейский плеоназм, первые слова героини — страстный возглас: **בְּרוּרִים** וְשִׁקְוֵי מִן פִּיהוּ **וְשִׁקְוֵי מִן פִּיהוּ** [1978: 165] <*йишишакени минешиком пизу*> — «Да целует он меня поцелуями уст своих!» Гёте бережно сохраняет инвертированный порядок слов оригинала и практически непере译имые (точнее, не понятые другими переводчиками) реалии — такие, как «грозь хны (*копера*)»: “Ein Trauben Kopher ist mir mein Freund in den Wingerten Engedi” [Goethe, 2006: 449]. Так же бережно передаются библейские топонимы и эпонимы:

Komm vom Libanon meine Braut, komm vom Libanon! Schau her dem Gipfel Amana, vom Gipfel Senir und Hermon, von den Wohnungen der Löwen von den Bergen der Parden [Goethe, 2006: 451].

Следуя устоявшейся христианской традиции, Гёте передает название неизвестного цветка в начале 2-й главы как «роза» (в оригинале — **הַבַּסְּאֵלַיִת** *hābaṣṣālāit*, что может быть названием различных растений семейства лилейных: нарцисс, крокус или асфodelь; в Септуагинте и Вульгате это слово передается как “цветок” — *anthos, flos*). Роза к этому времени уже давно стала общепринятым “цветочным” обозначением героини как в еврейской традиции (символ мистической *Кнессет Йисраэль* — Общины Израиля и Шехины — Божьего Присутствия в мире, гипостазированной имманентности Бога в мире), так и в христианской (символ Церкви, Девы Марии). Для Гёте, безусловно, такое прочтение подпитано немецкими народными песнями, где девушка часто предстает в образе розы (дикой розы), и эта символика присутствует в его “Зезенгеймских песнях” (например, “Дикая роза” — “Röslein auf der Heide”). Столь же знаменитое второе «цветочное» обозначение героини Песни Песней — **שׁוֹסַנָּא** *šōṣannā*, что, вероятно, происходит от египетского *ššn* ‘лотос’, но в иврите понимается как «лилия». Лилия, как и «лилия долины» (*Песн 1:1*), стала в христианской традиции устойчивым обозначением Девы Марии, а в европейской литературе — символом невинности, чистоты любящей души (достаточно вспомнить название романа О. де Бальзака «Лилия долины»). Гёте контаминирует эти обозначения в образе розы, прибавляя к нему «майский цветок», ибо для него, как и для

любого европейца, весна и расцвет любви ассоциируются именно с маем (как в его знаменитой «Майской песне» — “Mailed”):

Ich bin die Rose im Tal! Bin ein Mai Blümgen! Wie die Rose unter den
Dornen so ist mein Liebgen unter den Mädgen [Goethe, 2006: 450].

Вместе с тем столь важная символика, связанная с лилией, в точности сохранена Гёте при передаче *Песн 2:16*, как и смысл, и синтаксическая конструкция стиха в целом: «Mein Freund ist mein, ich sein, der unter Lilien weidet» [Goethe, 2006: 450] («Мой друг — мой, я — его, который пасет среди лилий»²). Показательно, что поэт прибегает к «крамольной» свернутой конструкции, опуская глагол-связку: *ich sein*. Подобные конструкции присутствуют и в других фрагментах, а впервые в немецкой поэзии их стал употреблять Ф.Г. Клопшток, добиваясь большей динамичности стиха.

Гёте также идет вслед за Клопштоком в своих ритмических поисках. Экспериментируя с античными ритмами и библейским тоническим стихом, Клопшток создает — впервые в немецкой и европейской поэзии — свободные ритмы (*freie Rhythmen*), предвосхитившие становление верлибра в XX в. Как известно, первым стихотворением, написанным свободными ритмами, стал религиозно-философский гимн Клопштока «Весеннее празднество» (“Die Frühlingsfeier”). Именно его вспоминают, не сговариваясь, гётевские Вертер и Лотта, наблюдая сильную грозу, и в унисон восклицают: «Клопшток!» Молодой Гёте развивает эту традицию в своих философских гимнах «Прометей», «Ганимед», «Песнь странника в бурю» и др. В подходе к передаче библейской поэзии он учитывает также опыт Гердера, который в поисках возможностей эквиритмического перевода Псалмов также обращается к свободным ритмам. В основе гётевского переложения Песни Песней — дактилические и трохеические (ямб и хорей) метры, которые свободно варьируются, и в целом ритмическая структура приближается к версэ — форме, промежуточной между прозой и стихами. В свою очередь генезис версэ в европейской литературе связывается с влиянием библейского стиха. Однако в Библии есть и стихи в чистом виде, в том числе — в Песни Песней, многие фрагменты которой ритмически абсолютно упорядочены и имеют форму *parallelismus membrorum* с равным количеством ударений в полустихиях. Подобная упорядоченность чередуется с более свободными структурами тонического стиха (см. подробнее: [Синило, 2012: 146–167]). Гёте, обратившийся к оригиналу, тонко чувствует и понимает особый баланс упорядоченности и свободы,

² Подстрочный перевод наш. — Г.С. Дословный перевод *Песн 2:16* абсолютно соответствует гётевскому тексту: «Мой друг — мой, я — его, он пасет среди лилий».

свойственный Песни Песней, и превращает свое переложение в стихи в прозе, весьма близкие прототипу по своему ритмическому дыханию.

Гёте не только близок библейскому тексту, но и позволяет определенные вольности в обращении с ним (но и они продиктованы поэтикой Песни Песней). Так, вместо упоминаемой в *Песн 7:1* таинственной *маханаим-пляски* (букв. «пляска двух воинских станов»), трудной для интерпретации, Гёте вводит «хороводный танец ангелов» (*einen Reihen Tanz der Engel* [Goethe, 2006: 454]). Вместо благоухающих мандрагор в *Песн 7:14* (плоды и корни мандрагоры считались стимуляторами сексуальной энергии и дарующими плодovitость бесплодным женщинам; М. Лютер передал их как *Liebesäpfel* ‘яблочки любви’) появляются лилии, испускающие аромат. Тем самым немецкий поэт подчеркивает невинность и святость любви, но одновременно напоминает и об эротической символике лилий в Песни Песней. Плоды он заменяет пряностями, благовониями (*Würze*). И если героиня библейской поэмы говорит о плодах, которые она напасла для возлюбленного (они символизируют как плодородие, плодovitость, так и любовные ласки, самоё любовь), то Гёте открыто заявляет, что любовь — это и есть главный дар любимому человеку: “Die Lilien geben den Ruch vor unserer Tür sind allerlei Würze, heurige, fernige. Meine Liebe bewahrt ich dir!” [Goethe, 2006: 454] («Лилии испустили аромат, перед нашей дверью — всяческие благовония, нынешние, давешние. Мою любовь сохранила я для тебя!»).

В целом же Гёте особенно близка страстно-сбивчивая, местами алогичная (как не поддается логике сама любовь), задыхающаяся, экстагическая манера древнего поэта. С помощью библейского текста Гёте выражает неистовость и страстность собственных чувств. Как собственные слова звучат в его передаче ключевые строки Песни Песней:

Setze mich wie ein Siegel auf dein Herz, wie ein Siegel auf deinen Arm.
Denn stark wie der Tod ist die Liebe. Eifer gewaltig wie die Hölle. Ihre Glut
Feuer Glut, eine fressende Flamme. Viel Wasser können die Liebe nicht
löschen, Ströme sie nicht ersäufen. Böt einer all sein Hab und Gut um Liebe
man spottete nur sein [Goethe, 2006: 455].

Сравним перевод И. М. Дьяконова:

Положи меня печатью на сердце, / На руку твою печатью! / Ибо
любовь — как смерть сильна, / Ревность — как адтяжка, / Жаром жжет —
Божье пламя она — // И не могут многие воды любовь погасить, / Не
затопить ее рекам. / Кто захочет всем богатством своим заплатить за
любовь — / Того наградят презреньем [Ветхий Завет, 1998: 81].

При этом следует признать, что Гёте точнее передает семантические и синтаксические параллелизмы, ритм оригинала. В целом его перевод-переложение отличается выдающимися художественными достоинствами, и только величайшей взыскательностью великого поэта по отношению к себе можно объяснить тот факт, что этот текст он так и не опубликовал. Но, как справедливо замечает Г. Заудер, «интерес Гёте к Песни Песней ни в коей мере не был исчерпан его переводом. Обсуждение перевода Умбрайта и “Западно-восточный диван” свидетельствуют о его продолжившихся занятиях библейской любовной поэзией» [Sauder, 2006: 858].

Архетекстуальная роль Библии особенно усиливается на позднем этапе творчества Гёте — этапе «художественного универсализма» (термин А.А. Аникста), когда в его творчестве, и прежде всего в «Фаусте», синтезируются все стилевые тенденции не только XVIII в., но и предшествующих эпох (барокко, классицизм, веймарский классицизм, сентиментализм, рококо, стиль ренессанс, стиль средневековых мистерий, стиль аттической трагедии и т.д.), а также предугадываются черты романтизма, модернизма и постмодернизма (особенно в обращении с мифом, в его деконструкции и мифотворчестве). Немаловажной составляющей эстетики и художественного стиля позднего Гёте становится библейская эстетика — в органичном соединении с эстетикой эллинской и современной ему европейской. Но именно библейская топика и стилистика помогают поэту выразить важнейшие духовные идеи, связанные с осмыслением сущности и предназначения человека, пути человечества, его будущего, смысла человеческой истории. Особенно очевидно это в «Фаусте», замысел которого существенно видоизменился после пребывания Гёте в Италии в 1786–1788 гг., а затем в 20-е годы XIX в., когда поэт приступает к интенсивной работе над второй частью произведения.

Новое обращение к библейской поэзии и стремление осмыслить принципы библейской поэтики в сравнении с эллинской наглядно проявляются в итоговом поэтическом сборнике Гёте «Западно-восточный диван» (“West-östlicher Divan”, 1819), представляющем грандиозную панораму мира и человеческой души и — в соответствии с названием — панораму западной и восточной культур, точнее — их синтез. Неслучайно именно Гёте становится отцом термина «мировая (всемирная) литература» (*die Weltliteratur*), представление о которой — о единых закономерностях мирового литературного и культурного процесса — вырабатывается у него постепенно в результате его научных штудий (в том числе библейских текстов) и поэтического освоения литературных традиций разных народов. А.В. Михайлов отмечает особую роль работы над «Западно-восточным диваном» в выработке понятия «мировая литература» и приводит суждения

Гёте о единстве человеческой культуры при всем многообразии ее национальных форм: «В 1820-е годы Гёте обобщает свой историко-культурный опыт в понятии “всемирная литература”. Едва ли оно было бы возможно без творческих усилий “Дивана”. Гёте пришел к убеждению, что история и культура всего человечества едины, что культура по существу интернациональна. “Как курьерской почтой и пароходами, так нации все теснее сближаются между собой ежедневными, еженедельными, ежемесячными изданиями, и, насколько то будет позволено мне, я всегда буду обращать внимание на этот взаимообмен” (письмо Т. Карлейлю от 8 августа 1828 г.). “Очевидно, что устремления лучших поэтов и писателей всех наций уже довольно длительное время направлены ко всеобщечеловеческому. Во всем особенном, историческом, мифологическом, сказочном, более или менее произвольно измышленном, все больше будет просвечивать это всеобщее” (1828). “То, что я именую всемирной литературой, возникнет по преимуществу тогда, когда отличительные признаки одной нации будут выравнены через посредство ознакомления их с другими народами и суждения о них” (в письме С. Буассере от 12 октября 1827 г.)» [Михайлов, 1988: 667–668]. Безусловно, основой единства, составляющего фундамент всемирной литературы, в восприятии Гёте являются эллинская и библейская культуры, диалог между ними.

«Западно-восточный диван» задуман Гёте как путешествие западного (немецкого) поэта на Восток, и именно Ближний Восток, на котором родились древнейшие цивилизации, культуры, литературы, который одарил человечество величайшими духовными открытиями и шедеврами древней и средневековой поэзии. По мысли поэта, этот Восток может многое открыть уму и сердцу европейца, влить новые силы в измученную потрясениями душу Европы. Поэтому он, подобно пророку Магомету, свершает свою хиджру (или хеджру) — бегство на Восток, чтобы начать для себя новое поэтическое летоисчисление. Стихотворением «Хеджра» (“Negire”) открывается сборник:

Север, Запад, Юг в развале, / Пали троны, царства пали. / На Восток отправься дальный / Воздух пить патриархальный, / В край вина, любви и песни, / К новой жизни там воскресни. // Там, наставленный пророком, / Возвратись душой к истокам, / В мир, где ясным, мудрым слогом / Смертный вел беседу с Богом, / Обретал без мук, без боли / Свет небес в земном глаголе. // В мир, где предкам уваженье, / Где чужое — в небреженье, / Где просторно вере правой, / Тесно мудрости лукавой, / И где Слово вечно ново, / Ибо устным было Слово (*здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод В. Левика*) [Гёте, 1988: 5].

Следует заметить, что при всех художественных достоинствах перевода В. Левика (перевод всего «Дивана» — настоящий подвиг

замечательного поэта-переводчика) в приведенных строфах есть неточности. Например, в оригинале во второй строфе нет слова «пророк» (имеется в виду пророк Мухаммад), и, быть может, Гёте хочет сказать, что он учится не только у мусульманского Востока, но и у Востока более древнего, доисламского и дохристианского:

Dort im Reinen und im Rechten / Will ich menschlichen Geschlechtern / In
des Ursprungs Tiefe dringen, / Wo sie noch von Gott empfangen / Himmelslehrn
Erdesprachen / Und sich nicht den Kopf zerbrachen [Goethe, 1980: 193].

(Там, в чистом и правом [в чистоте и правоте] / Хочу я человеческих
поколений / От истоков глубину постичь, / Где они от Самого Бога вос-
приняли / Учение Неба на земных языках / И не сломали себе голову.)

Речь идет, таким образом, о самых древних истоках Божественного Слова, воспринятого на человеческих (земных) языках. Кроме того, столь афористично звучащие по-русски в переводе В. Левика финальные строки, где *Слово*, должно, без сомнения, писаться с заглавной буквы (в русском издании «Западно-восточного дивана», естественно, в духе советской орфографии, оно пишется со строчной), в оригинале звучат следующим образом: “Wie das Wort so wichtig dort war, / Weil es ein gesprochen Wort war” [Goethe, 1980: 193] («Как Слово было там столь важно, / Ибо оно было произнесенным Словом».) Скорее всего, Гёте имеет в виду не устное слово как слово дописьменной (фольклорной) поэзии, но вечно произносящееся и комментирующееся Слово Писания, вечно обновляющееся Откровение (и в этом смысле точнее перевод Тютчева), Слово, вечно дающее импульс настоящей поэзии (ср. перевод Ф.И. Тютчева: «... Слово в силе и почтенье, / Как живое откровенье» [Гёте, 1988: 526]).

Безусловно, сборник вызван к жизни прежде всего интересом поэта к мусульманской культуре, точнее — к мусульманской поэзии в ее персидском варианте. Еще точнее — замысел возник под влиянием великого персидского поэта XIV в. Хафиза, сборник стихов которого в 1814 г. появился на немецком языке в переводах известного востоковеда И. Хаммера и вызвал восторг Гёте. Именно поэтому уже в первом стихотворении «Дивана» Гёте обращается к Хафизу как к собрату по духу и перу и поет хвалу поэтическому слову, которое защищает от бед и приобщает к бессмертию:

Прочь, завистник, прочь хулителю, / Ибо здесь певца обитель, / Ибо
эта песнь живая / Возлетит к преддверьям рая, / Там тихонько посту-
чится / И к бессмертью приобщится [Гёте, 1988: 6].

Тема бессмертия поэтического слова и дела, опирающегося на Слово сакральное, творящее мир, равно как и тема диалога культур, длящегося в многотысячелетнем опыте Востока, — важнейшая в «Западно-восточном диване». Безусловно, Гёте четко осознает, что

важнейший культурный компонент того Востока, к которому устремился его поэтический дух, — мусульманский (отсюда — обилие аллюзий на Коран), в двух его языковых составляющих — поэзия на арабском и на фарси. Последняя для Гёте важнее, но он ни на мгновение не забывает, что у монотеистических арабской и персидской культур были и более древние корни — бедуинская культура с ее устной поэтической традицией и индоевропейская зороастрийская персидская культура. Кроме того, на Ближнем Востоке родилось христианство, столь важное для европейской культуры. Именно поэтому в «Диване» достаточно много новозаветных аллюзий, в том числе связанных с Иисусом Христом. Однако Гёте прекрасно помнит еще об одном, самом древнем, пласте монотеистической культуры на Ближнем Востоке — о культуре древнееврейской, ветхозаветной, давшей импульс становлению христианской и мусульманской культур и в высшей степени продолжающей вдохновлять поэтов различных народов и языков. Именно благодаря этому во многом осуществляется культурный синтез Запада и Востока, к которому стремится и немецкий поэт. Неслучайно в четвертом стихотворении «Дивана» — «Талисманы» (“Talismane”) — Гёте провозглашает, что Восток и Запад в равной степени являются Божьим творением:

Gottes ist der Orient! / Gottes ist der Okzident! / Nord- und südliches Gelände / Ruht im Frieden seiner Hände. // Er, der einzige Gerechte, / Will für jedermann das Rechte. / Sei von seinen hundert Namen / Dieser hochgelobet! Amen [Goethe, 1980: 195–196].

(Богов — Восток! / Богов — Запад! / Северные и южные пределы / Покоятся в мире Его ладоней [рук]. // Он, единственный Судия, / Хочет для каждого быть Справедливым. / Да будет под сотнями имен / Он прославлен! Amen [Аминь]³.)

Богом создан был Восток, / Запад также создал Бог. / Север, Юг и все широты / Славят рук Его щедроты. // Справедливый и всезрящий, / Правый суд над всем творящий, / В сотнях ликов явлен нам Он. / Пой Ему во славу: “Amen!” [Гёте, 1988: 8].

Поэт подчеркивает, что его путь на Восток — путь к истокам общечеловеческой культуры, истокам духовности и одновременно путь самопознания:

Пусть я предан весь земному, / Это путь к великому, святому. / Дух — не пыль, он в прах не распадется. / Став собой самим, он к небу рвется [Гёте, 1988: 8].

Уже первый рецензент «Дивана» И.Г.Л. Козегартен отметил: «Мы <...> радуемся, что Гёте бросил взгляд на восточный мир и подал нам весть обо всем, что обрел там, на Востоке. Кто хоть сколько-нибудь

³ Подстрочный перевод наш. — Г.С.

знаком с восточной литературой, не станет долго удивляться тому, что наш поэт приблизился к этой области и, как не трудно заметить, пребывал в ней не без удовольствия. Ведь в самых различных отношениях эта страна Востока может быть названа родиной поэтического искусства... <...> Восток велик и обширен, и немало сложилось там разнородного, что, невзирая на общие черты, нельзя сваливать в одну кучу. Так, наш автор касается древних условий жизни, круга представлений и евреев, и парсов, но затем по преимуществу остается на мусульманском Востоке, а в нем самом отдает предпочтение новоперсидской культуре...» (перевод А. Михайлова) [Козегартен, 1988: 493, 500].

Совершенно справедливо среди древних народов, которыми интересовался Гёте и в культуре которых видел важнейшие истоки общечеловеческой культуры, первыми Козегартен называет евреев. Лирические стихотворения «Дивана» поэт сопроводил научно-критическими статьями и заметками, которые, по его словам, должны были послужить «лучшему уразумению» сборника. Эти «Статьи и примечания к лучшему уразумению “Западно-восточного дивана”» недвусмысленно свидетельствуют о том, что Гёте был одним из крупнейших востоковедов и библеистов своего времени. Сборник, таким образом, представляет собой органическое единство поэзии и науки, своего рода поэтической культурологии, но и культурологии, религиоведения, литературоведения в самом настоящем научном смысле. Начиная «Введение» к «Статьям и примечаниям...» с речения Экклесиаста — «Всему свое время!..» (*Еккл 3:1*), Гёте подчеркивает, что теперь для него настало время отправиться на Восток: «Да будет же принято направление, к какому призваны мы на сей раз! Сеем надеяться: в эпоху, когда столь многие создания Востока бережно усваиваются нашему языку, быть может, покажется достойным, чтобы и мы привлекли внимание к той стороне, откуда, на протяжении тысячелетий, доставлялось к нам так много великого, прекрасного и доброго, откуда каждодневно можно ожидать еще больше» (*здесь и далее перевод А. Михайлова*) [Гёте, 1988: 141]. И первая же заметка после «Введения» — «Евреи», ибо именно с еврейской культурой, подчеркивает Гёте, связана великая древняя Книга, без которой невозможно представить ни последующее развитие духа, ни развитие поэзии. Это и есть та «наивная», первозданная поэзия, которая лежит не только в основе еврейской культуры, но и в основе всего иудейско-христианско-мусульманского мира.

Гёте счел необходимым включить в состав «Статей и примечаний к лучшему уразумению “Западно-восточного дивана”» довольно обширный экскурс «Израиль в пустыне», посвященный историко-

культурному и литературному анализу Книги Исхода и последующих трех книг Пятикнижия — повествованию о пребывании еврейского народа в Египетском рабстве, Исходе и сорокалетнем блуждании через пустыню под водительством Моисея. Гёте считает необходимым в своем духовном путешествии на Восток вспомнить эти древние времена и те библейские штудии, которым он предавался в молодости (многие страницы «Поэзии и правды» запечатали его интерес не только к Книге Бытия, но и ко всему грандиозному эпическому полотну Торы). В заметке «Ветхозаветное», предшествующей очерку «Израиль в пустыне», поэт пишет: «Сначала я льстил себя сладкой надеждою, что с течением времени сумею еще исполнить некоторое и для “Дивана” и для пояснений, к нему прилагаемых, но теперь перебираю приготовительные материалы, неиспользованные, неразработанные, лежащие предо мною кипами листов, — и среди них нахожу статью, написанную двадцать пять лет тому назад и восходящую к еще более старым бумагам и занятиям. Друзья, читавшие мои биографические опыты, вспомнят, вероятно, что я уделил немало времени и внимания Первой книге Моисеевой и не один день юности провел, разгуливая по райским кушам Востока. Но и последние книги Моисеевы побуждали к скрупулезным изысканиям, и нижеследующая статья содержит любопытные итоги таковых» [Гёте, 1988: 258].

Еще Гердер утверждал: «У евреев сама история есть, собственно говоря, поэзия, т.е. преемственность повествования, которое рисуется как наличное» (цит. по: [Михайлов, 1988: 870]). Эта глубокая мысль, вполне разделяемая Гёте, и обуславливает его размышления о пути народа Израиля через пустыню в корпусе «Западно-восточного дивана». А главное — он рассматривает этот путь как абсолютную историческую реальность, пытаясь реконструировать последнюю чуть ли не документально в эпическом тексте, где историческое сплетается с легендарным, и подчеркивая действенность как основу характера Моисея. А.В. Михайлов справедливо замечает: «Цель, которая в представлении Гёте объединила всю мировую культуру, — подлинное единство культуры в будущем — эта цель придала особую принципиальность всякому обращению к прошлому. В перспективе единства и гётевская статья “Израиль в пустыне”, которую нередко рассматривают как случайную, выглядит не как приложение некоторых приемов рационалистической критики к Пятикнижию, но, напротив, как утверждение культурной традиции в ее субстанциальности — как традиции, в известном отношении отнюдь не подлежащей критике. Пользуясь критическими методами, Гёте сводит библейское повествование к непреложности и

“буквальности” человеческой истории, в которой выразился — не “здоровый смысл”, но практический ум, в которой, несмотря на все заблуждения и недоразумения, торжествует гётевская философия дела» [Михайлов, 1988: 669–670].

Единственное, что можно возразить А.В. Михайлову: дело не просто в принципиальности всякого обращения к прошлому. Сам Гёте свидетельствует, что для него и его концепции единства мировой культуры важно было на протяжении всей жизни обращение к той древности, которая стала истоком культуры современного Запада и Востока, которая выразилась в поэзии Библии, бесконечно питавшей вдохновение поэта: «Ибо как всем странствованиям нашим по Востоку был подан повод Священными Писаниями, так мы всё возвращаемся и возвращаемся к ним как к источникам живительнейшей, лишь иногда чуть замутненной, в земле сокрытой, из нее излитой чистой и прозрачной родниковой воды» [Гёте, 1988: 258].

Среди всех библейских книг Гёте выделяет по силе воздействия на него и мировую поэзию Песнь Песней и посвящает ей наиболее обширный пассаж в статье «Евреи». Мотивы Песни Песней чрезвычайно важны для «Западно-восточного дивана», ибо это, помимо прочего, великая книга любви, о чем и заявляет автор уже в первой книге сборника — «Моганни-Наме. Книга Певца» (“Moganni Nameh. Buch des Sängers”), в стихотворении «Стихии» (“Elemente”):

Чем должна питаться песня, / В чем стихов должна быть сила, / Чтоб
внимали им поэты / И толпа их затвердила? // Призовем любовь сначала, /
Чтоб любовью песнь дышала, / Чтобы сладостно звучала, / Слух и сердце
восхищала [Гёте, 1988: 10].

Обращает на себя внимание, как тщательно во второй строфе Гёте сохраняет такую яркую приметку поэзии на арабском и на фарси, как монорим, тем самым выделяя эту строфу из всего текста. В оригинале сказано:

Liebe sei vor allen Dingen / Unser Thema, wenn wir singen; / Kann sie gar
das Lied durchdringen, / Wird's um desto besser klingen [Goethe, 1980: 198].

(Любовь из всех предметов да будет / Нашей темой, когда мы поем; /
Чем более она сможет пронизать песню, / Тем лучше будет она звучать⁴.)

Таким образом, от Библии — Книги книг — поэт идет к Песни Песней — Книге любви, через нее — к самой любви, которая и есть для него чудеснейшая книга книг и главная книга для чтения (стихотворение “Lesebuch” — «Книга для чтения»):

⁴ Подстрочный перевод наш. — Г.С.

Wunderlichstes Buch der Bücher / Ist das Buch der Liebe; / Aufmerksam habich'sgelesen: / Wenig Blätter Freuden, / Ganze Hefte Leiden; / Einen Abschnitt macht die Trennung. / Wiederseh'n! ein klein' Kapitel, / Fragmentarisch. Bände Kummers / Mit Erklärungen verlängert, / Endlos, ohne Maß. / O Nisami! — doch am Ende / Hast den rechten Weg gefunden; / Unauflösliches, wer löst es? / Liebende, sich wieder findend [Goethe, 1980: 214].

(Чудеснейшая Книга книг — / Книга любви; / Внимательно я читал ее: / Несколько страниц радостей, / Целая тетрадь страданий; / Раздел образует разлука. / Свидание! маленькая глава, / Фрагментарная. Тома печали, / Пролонгированные комментариями, / Бесконечно, без меры. / О Низами! все же в конце / Ты нашел верный путь; / Неразрешимое, кто разрешит это? / Любящие, вновь обретшие себя⁵.)

Книга книг — любовь, и в мире / Книги нет чудесней. / Я читал ее усердно. / Радости — две, три странички, / Много глав — разлука. / Снова встреча — лишь отрывок, / Маленькая главка. / Целые тома печали / С приложением объяснений / Долгих, скучных, бесполезных. / Низами! — Ты в заключение / Все же верный ход нашел. / Кто решит неразрешимое? Любящие — если снова / Вместе и навеки [Гёте, 1988: 30].

При всей точности и органичности перевода В. Левика отметим, что переводчику по объективным причинам не удалось вполне передать чудесную звукопись гётевского стихотворения, эффективное использование аллитераций и ассонансов (например, в строке *Mit Erklärungen verlängert* и т.д.). Не сохранен и эффектный анжанбеман, вносящий особую иронически-доверительную и печально-умешливую интонацию, позволяющую выразить грусть от того, что свидания (встречи) так коротки («... маленькая глава, / Фрагментарная»), а разлук и печали так много (в этом плане точнее перевод С. Шервинского [Гёте, 1988: 553].

Хотя Гёте апеллирует в первую очередь к Низами (причем ошибочно, путая его с турецким поэтом Нижани⁶), выражения «Книга Книг» и «Книга Любви» вносят библейские коннотации, отсылают к Песни Песней. Кроме того, в ней ведь тоже влюбленные страдают в разлуке, встречаются, вновь разлучаются, а в финале вновь и навеки обретают друг друга.

Во многом именно для того, чтобы глубже познать любовь и выразить ее в стихе, поэт отправляется на Восток и при этом отчетливо понимает, что с последним связан особый тип творчества. И в научных материалах, и в стихотворениях «Западно-восточного дивана» Гёте глубоко осмысливает (и впервые в эстетике и литературоведении) специфические особенности библейской поэтики в сравнении с эллинской. Точнее, он размышляет о двух типах творчества: пер-

⁵ Подстрочный перевод наш. — Г.С.

⁶ См.: [Михайлов, 1988: 736].

вый связан с текучестью и динамикой, улавливанием неуловимого духа, превалированием выражения над изображением, второй — с пластической формой, со «скульптурностью» поэзии, с доминированием изображения над выражением. Первый тип ассоциируется у Гёте с восточной культурой, в частности с библейской, второй — с культурой греческой. Так, в программном стихотворении «Песнь и изваянье» (“Lied und Gebilde”) поэт говорит:

Mag der Grieche seinen Ton / Zu Gestalten drücken, / An der eignen Hände
Sohn / Steigern sein Entzücken; // Aber uns ist wonnereich / In den Euphrat
greifen / Und im flüss'gen Element / Hin und wider schweifen. // Löscht ich
so der Seele Brand? / Lied es wird erschallen; / Schöpft des Dichters reine
Hand, / Wasser wird sich ballen [Goethe, 1980: 201].

Пусть из глины грек творит, / Движим озареньем, / И восторгами
горит / Пред своим твореньем, — // Нам глядеть милей в Евфрат, / В во-
добег могучий, / И рукою поводить / В глубине текучей. // Если грудь
огнем полна, / Будет песня спета; / Примет формы и волна / Под рукой
поэта [Гёте, 1988: 15].

Таким образом, по мысли Гёте, греческая поэзия (как и искусство в целом) — всегда форма, всегда *геиштальт* и *изваянье*, библейская же — всегда порыв, динамика духа, *песня*. Под рукой поэта сжимается, укрощается даже волна, сохраняя текучесть, внутреннее движение. Это гениальное указание на текучесть самой библейской художественной формы, на ее внутреннюю динамичность, которая наиболее отчетливо проявляется в Песни Песней.

Архетекстуальная связь с Песнью Песней — на уровне тонких аллюзий, реминисценций, мотивов, но главное — на уровне структуры и динамичности формы, ее «протеистичности», за которой стоит многомерность символики, охватывающей мироздание в целом и человека вообще, — характерна для всего «Западно-восточного дивана», но особенно — для «Книги Зулейки». Долгое время ее объясняли сугубо биографически — как отражение взаимоотношений Гёте и талантливой австрийско-немецкой поэтессы Марианны фон Виллемер, чьи стихотворения он включил в «Диван» от имени Зулейки, как и свои вложил в ее уста, выведя себя под именем мудреца и поэта Хатема. Ныне совершенно очевидно, что эти взаимоотношения нужно рассматривать не как реальный роман, но как роман «виртуальный», как «избирательное сродство» двух близких душ. А.В. Михайлов справедливо замечает, что в «Западно-восточном диване» присутствует биография, но особой природы — «биография <...> которая “колеблется” между правдой и символом (*не* вымыслом!), т.е. “самой” реальностью и ее “со-отражениями” в общем, универсальном. <...> восполняя “фрагментарность” лирических книг, Гёте обратился не к жизни, а к культурной истории...» [Михай-

лов, 1988: 634]. Это очень глубокое замечание. Именно соединение личного, пережитого, и общего, универсального, архетипического предопределяет «отражение» взаимоотношений Гёте и Марианны Виллемер через призму великой древней традиции любовной поэзии, уходящей корнями в Библию и преломляющейся разнообразно в культуре Востока и Запада. «Любовь — это одна из важнейших тем “Западно-восточного дивана”, и ее порыв велик и всемогущ. Но любовь эта сначала безлична, как стихия, потом лична. Любить тут можно, лишь восторженно погружаясь в бытие — и во *все* его проблемы! — и только расходясь во всей колоссальной широте человеческой культурной истории» [Михайлов, 1988: 607].

Пожалуй, главное, что объединяет Песнь Песней и «Книгу Зулейки», — это даже не использование отдельных лейтмотивов и образов-символов библейской книги, но диалогический характер гётевского текста — то, что поэт определил (применительно к Песни Песней) как «перекликающиеся песни». Перед нами перекличка двух сердец, но представляющая не просто излияния чувств, как в Песни Песней, не просто выражение страсти, но соразмышление о путях страсти вообще, о роли ее в человеческой культуре, о различии и вместе с тем единстве душевной, интеллектуальной, духовной жизни Востока и Запада. Именно поэтому гётевский текст вовсе не стремится к той великой непосредственности (впрочем, соединяющейся со сложной метафорикой и символикой), которой отличается Песнь Песней, но играет культурными смыслами. Так, например, лукаво перекликаются Зулейка и Хатем, загадывая друг другу загадки, прося истолковать сны:

Зулейка. Плыл мой челн — и в глубь Евфрата / Соскользнуло с пальца вдруг / То кольцо, что мне когда-то / Подарил мой нежный друг. // Это снилось мне. Багряный / Пронизал листву рассвет. / Истолкуй мне сон туманный / Ты, Провидец, ты, Поэт!

Хатем. Так и быть, я истолкую. / Помнишь, был я рассказал, / Как кольцо в лазурь морскую / Дождь Венеции бросал. / А твое — твой сон чудесен! — / Пусть Евфрат хранит на дне. / Сколько тысяч дивных песен / Эта был навевает мне! // Я ходил путем песчаным / Из Дамаска в Индостан, / Чтобы с новым караваном / Добрести до новых стран. // Ты же дух мой обручила / С духом этих скал и струй, / Чтоб не смерть нас разлучила, / А последний поцелуй [Гёте, 1988: 71].

В оригинале две последние строфы звучат следующим образом:

Mich, der von den Indostanen / Streifte bis Damaskus hin, / Um mit neuen Karawanen / Bis ans Rote Meer zu ziehn, // Mich vermählt du deinem Fluße, / Der Terrasse, diesem Hain, / Hier soll bis zum letzten Kuße / Dir mein Geist gewidmet sein [Goethe, 1980: 251].

(Меня, который от Индостана / Добрел до Дамаска, / Чтобы с новым караваном / Дойти до Красного моря, // Меня обручаешь [соединяешь в брачном союзе] ты с твоей рекой, / С этой террасой, с этой рощей, / Здесь должен до последнего поцелуя / Тебе мой дух быть посвященным⁷.)

Заметим, что главной неточностью в очень хорошем в целом переводе В. Левика является изменение маршрута из Индостана в Дамаск на противоположный и «выпадение» еще одной цели героя — Красного моря.

В игровой форме в этих двух маленьких стихотворениях обнаруживается глубинное родство между Востоком и Западом, уходящее в равной степени в глубь Евфрата и в глубь Венецианского залива, куда бросал свое кольцо дож свободной Венеции, обручаясь символически с Адриатическим морем. Евфрат предстает как символ древних и новых культур Востока, как символ истоков культуры вообще. С рекой Перат, или Прат, она же — Евфрат, связаны чрезвычайно важные коннотации в Библии: согласно Книге Бытия, эта река вытекает из Эдема (*Быт 2:14*), а значит, несет в своих водах память о величайшей Божьей гармонии и благодати; в Уре, стоявшем на берегу Евфрата, прошли детство и юность праотца еврейского народа Авраама; отсюда он ушел со своим отцом Терахом, женой Саррой, племянником Лотом и многочисленными домочадцами, переправившись на другой берег реки (*Быт 11:31*); с Евфратом связаны воспоминания о Вавилонском плене и возвращении из него. С Евфратом и Тигром связаны древнейшие месопотамские цивилизации — шумерская и аккадская; о них во времена Гёте ничего не было известно, но память о них хранила Библия. С Евфратом связана и персидская (древнеиранская) культура, центры которой появились в Месопотамии в связи с миграцией иранцев, отделившихся от индийцев и начавших самостоятельный путь примерно в X в. до н.э. Во многом преемником этих древних цивилизаций, благодаря завоеваниям, арабизации и мусульманизации многих древних народов, в том числе и персов, становится в эпоху Средневековья гигантский мусульманский Халифат. Сама же культура ислама опирается на монотеистическую платформу, черты которой кристаллизовались впервые в еврейской культуре — в Танахе (Ветхом Завете), и стали также основой культуры христианской. В этом смысле крайне важно упоминание Красного моря (в оригинале — *Йам-Суф*, Тростниковое море), с которым связано одно из самых судьбоносных событий библейской истории: Исход из Египта и чудесное спасение народа Израиля (к «Западно-восточному дивану» ведь не случайно приложен поэтом очерк «Израиль в пустыне»). Благодаря этому событию еврейский народ, а через него — все народы получили Десять Заповедей, являющихся основой иудейско-христианской и мусульманской культур.

⁷ Подстрочный перевод наш. — Г.С.

Все эти смыслы так или иначе «просвечивают» в легких, изящных строках Гёте. В связи с этим абсолютно знаковый, неслучайный характер имеют все географические названия и культурные реалии, упоминаемые в тексте: Евфрат, Венеция, Индостан, Дамаск, Красное море, незримо присутствующая Адриатика — часть Средиземного моря, за которым — Эллада и «плавильный котел» культуры Средиземноморья. Все они оказываются глубинно связанны. Через кольцо Зулейки, обрonnenное в воды Евфрата, поэт символически обручается не только с ней, но и с эпохами и пластами мировой культуры, Европа (Запад) обручается с Востоком. В финале нельзя не расслышать тонкой аллюзии на Песнь Песней — одновременно на ее начало и ее финал, сливающиеся в одно целое: поцелуи, о которых грезит героиня в начале, и финальное утверждение великой силы любви, торжествующей над самой смертью: «Положи меня печатью на сердце, / На руку твою печатью! / Ибо любовь — как смерть сильна...» (*Песн 8:6*) [Ветхий Завет, 1998: 81]. Этот подтекст еще более проявлен в переводе: «... Чтоб не смерть нас разлучила, / А последний поцелуй».

В пределах небольшого стихотворного сборника Гёте удалось создать целостную картину мироздания, выразить его универсальные законы, показать многообразие и единство человеческой культуры, своеобразие и общность культур Запада и Востока, представить картину сложнейшей духовной жизни человека, выразить огромную силу любви — и как общемирового закона, и как индивидуального человеческого чувства. Сделать это ему во многом удалось с помощью Библии, вживания в ее смыслы и образы, обращения к ее топике и стилистике. До конца своей жизни он вел диалог с Библией и был уверен, что все ее универсалии связаны с конкретным духовным, историческим, эстетическим опытом создавшего ее народа: «Я убежден, что Библия становится все прекраснее по мере того, как ее все лучше понимают, т.е. все больше уразумевают и видят, что любое слово, какое мы постигаем в общем смысле, а прилагаем к себе в особенном, в прошлом обладало особым, конкретным, непосредственно индивидуальным значением, зависевшим от обстоятельств, от условий времени и места» («Максимы и рефлексии», № 672; *перевод А. Михайлова*; цит. по: [Михайлов, 1988: 768]).

Таким образом, Библия сыграла чрезвычайно важную роль в духовном и эстетическом формировании Гёте. Открыв ее для себя в детстве, читая ее в оригинале (на иврите и древнегреческом), поэт в ранней юности серьезно занялся библейскими штудиями. Одним из первых (наряду с Гердером) Гёте рассматривает Библию как плод духовного и эстетического творчества еврейского народа, свершавшего в конкретной истории, а библейскую поэзию — как образец древнейшей «наивной», т.е. изначальной, природной, искренней, идущей от

сердца, поэзии, столь же важной для европейской культуры, как и греческая. Библейская эстетика и поэтика с ее установкой на передачу динамики духа оказывается чрезвычайно близкой штюрмерской эстетике и поэтике. Увлеченность библейской поэзией особенно наглядно сказалась в парафразе Песни Песней, выполненном Гёте (1775) и отличающемся выдающимися художественными достоинствами. Стремясь максимально точно следовать тексту оригинала лексически, синтаксически, ритмически, стилистически, немецкий поэт вместе с тем элиминирует его отдельные фрагменты и через него выражает свои бурные чувства, собственное упоение любовью, миром прекрасной природы, свое панентеистическое мироощущение, ибо за этим миром, за самой способностью любить для него скрывается Творец. Поэтика переложения Гёте коррелирует с его штюрмерской лирикой (с «Зезенгеймскими песнями» и особенно с «Майской песней»). Библейская поэзия становится для Гёте важным импульсом для новаторских ритмических поисков, для формирования немецких свободных ритмов, или верлибра. Новое открытие библейской поэзии как эталона и корректива к поэзии эллинской, глубокое осмысление принципов библейской поэтики в сравнении с эллинскими происходит на этапе художественного универсализма и особенно наглядно проявляется в итоговом сборнике Гёте «Западно-восточный диван» (1819). Обращаясь ко многим культурам Востока, воспринимая Восток как прародину общечеловеческой культуры и как важнейшего современного собеседника культуры Запада, именно Библия, древнееврейская культура остается для него той общей почвой, куда уходят корни современной культуры и Запада, и Востока, которая является опорой для диалога между иудейской, христианской и мусульманской культурами. Для Гёте также чрезвычайно важно, что Библия несет в себе общечеловеческие, универсальные смыслы, является «вторым миром» (моделью человеческого бытия), утверждает единство самого рода человеческого, а значит — единство мировой культуры, мировой литературы, несмотря на неисчислимое многообразие ее национальных форм (неслучайно именно в процессе работы над «Западно-восточным диваном» поэт создает и обосновывает термин «мировая литература» — *die Weltliteratur*). В программном стихотворении «Песнь и изваянье», как и в целом в сборнике, как и в научных статьях, приложенных к «Дивану», Гёте утверждает пластичность, «скульптурность» образов, изображение («изваяние») как важнейшие принципы эллинской поэтики, а текучесть формы, динамику духа, выражение («песня») — поэтики библейской. На протяжении всего творческого пути Библия является для него важнейшим архетекстом — «текстом-кодом», смысло- и текстопорождающим текстом.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Арфа царя Давида: У истоков древнейшей лирической традиции // Иностранная литература. 1988. № 6. С. 189–195.
2. *Аверинцев С.С.* Древнееврейская литература // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 1. М., 1983. С. 271–302.
3. Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / Пер. и коммент. И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана при участии Л.В. Маневича. М., 1998.
4. *Гёте И.В.* Западно-восточный диван / Изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов; отв. ред. И.С. Брагинский. М., 1988.
5. *Гёте И.В.* Из моей жизни. Поэзия и правда / Пер.Н. Ман // Собр. соч.: В 10 т. Т. 3 / Под общ. ред.А. Аникста и Н. Вильмонта. М., 1976.
6. *Козегартен И.Г.Л.* [Рецензия «Западно-восточного дивана» Гёте] // Гёте И.В. Западно-восточный диван. М., 1988. С. 492–518.
7. *Михайлов А.В.* «Западно-восточный диван» Гёте: смысл и форма; Примечания // Гёте И.В. Западно-восточный диван. М., 1988. С. 667–878.
8. *Синило Г.В.* Библия как «осевой» архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 3. С. 19–29.
9. *Синило Г.В.* Песнь Песней в контексте мировой культуры: В 2 кн. Кн. 1: Поэтика Песни Песней и ее религиозные интерпретации. Минск, 2012.
10. *Фрай Н.* Предисловие к книге «Великий Код. Библия и литература»: пер. с англ. // Вопросы литературы. 1991. № 9/10. С. 176–187.
11. *Goethe J.W.* Gedichte. М., 1980.
12. *Goethe J.W.* Sämtliche Werke 1.2: Der Junge Goethe 1757–1775 / Hrsg. von G. Sauder. München, 2006.
13. *Sauder G.* Anhang: Einführung; Kommentar // Goethe J.W. Sämtliche Werke 1.2: Der Junge Goethe 1757–1775 / Hrsg. von G. Sauder. München, 2006, pp. 673–938.
14. **כְּתוּבִים** = Кетувим: иврит. текст с русс. пер. / Пер. под ред. Д. Йосифона. Иерусалим, 1978.

Galina Sinilo

GOETHE AND A NEW DISCOVERY OF BIBLICAL POETRY

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Belarusian State University, Minsk, Belarus*

This paper explores the role of the Bible in Goethe's spiritual and aesthetical evolution, Goethe's principles of Biblical poetry and their representations in

Goethe's poetical system. It is argued that the Bible was the most instrumental spiritual interlocutor, inexhaustible source of moral reflections, scientific interest and poetical inspiration for Goethe. Along with J.G. Herder, Goethe is a founder of cultural-historical approach to the Bible, it is regarded as the result of creative efforts of the Jewish in ancient times. The Bible is a school of moral improvement for the poet, it is a "second world", a model of the universe, which helps humans understand the world and themselves. The Biblical poetry is perceived by Goethe as "naive", which means inherent, initial, natural, result of ingenuous outburst of spirit manifestations. The principles of the Biblical poetry, based on its tendency to express transcendental realm and on the dynamics of its very form as the omnipresent spirit's incarnation, turn out to be related to sentimentalism, including German *Sturm und Drang*. The most attractive biblical text for Goethe was *The Song of Songs*, free and yet close to the original versification of which he creates at the end of *Sturm und Drang* period, basing it on his scientific study of the text. Goethe expresses his own raging feelings and panentheistic perception of the world through his Biblical paraphrase. At the same time, he studies the texts of Torah as a scientist, considering them to be the most ancient examples of poetry. A new understanding of the Biblical poetry and its principles juxtaposed to the Hellenic ones occurs during the period of artistic universalism, and it is expressed especially clearly in the West-Eastern Divan, which merges poetry and cultural studies, deep research of eastern cultures, particularly Hebrew culture. According to the poet, the Bible is the foundation of the dialogue between West and East, between Jewish-Christian and Islamic worlds. Goethe believes that the principles of the Biblical poetry, stemming from the fluency of its very form, expression of its spiritual dynamics and from the "culture of hearing" (*Lied*), are relevant to lyrical poetry. Overall, he considers these principles to be no less important to the European culture than Hellenic principles, that are based on plasticity, "sculpturality", "culture of vision" (*Gebild*). We prove that the Bible is one of the most significant archetexts — meaning- and text-generating texts — for Goethe's works.

Key words: the works of J.-W. Goethe; The Bible; archetext; *The Song of Songs*; the Biblical poetry; the genre of the Biblical paraphrase; Sentimentalism; the poetry of *Sturm und Drang*; artistic universalism; *The West-Eastern Divan*.

About the authors: Galina Sinilo — PhD (Philology), Professor, Department of Cultural Studies, Faculty of Social and Cultural Communication, Associate Professor at the Department of Foreign Literature, Belarusian State University (Belarus, Minsk), Faculty of Philology (e-mail: sinilo@mail.ru).

References

1. Averintsev S.S. *Arfa tsarya Davida: U istokov drevneyshey liricheskoy traditsii* [The Harp of King David: At the Origin of the Oldest Lyrical Tradition]. In: *Inostrannaya Literatura*, 1988, no. 6, pp. 189–191. (In Russ.)
2. Averintsev S.S. *Drevneevreyskaya literatura* [Hebrew Literature]. In: *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of World Literature]: In 9 vol. Moscow, Nauka Publ., 1983, vol. 1, pp. 271–302. (In Russ.)

3. Diakonov I.M., Kogan L.E., Manevitsh L.V. (eds a. trans.). *Vetkhiy Zaver: Plach Ieremii; Ekklesiast; Pesn' Pesney* [The Old Testament: Lamentations of Jeremiah; Ecclesiastes; Song of Songs]. Moscow, *RGGU Publ.*, 1998. (In Russ.)
4. Goethe J.W. *Zapadno-vostochnyy divan* [West-Eastern Divan]. Ed.: I.S. Braginskii [et. al.]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1988. (In Russ.)
5. Goethe J.W. *Iz moey zhizni. Poeziya i Pravda* [From My Life. Poetry and Truth]. Transl. by N. Man. In: Goethe J.W. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]: In 10 vol. Vol. 3. Ed. A. Anikst and N. Vilmont; notes by N. Vilmont. Moscow, *Khudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1976, vol. 3. (In Russ.)
6. Kozegarten I.G.L. [Retsenziya “Zapadno-vostochnogo divana” Goethe] [Review on “West-Eastern Divan” by Goethe]. In: Goethe J.W. *Zapadno-vostochnyy divan* [West-Eastern Divan]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1988, pp. 492–518. (In Russ.)
7. Mikhailov A.V. “Zapadno-vostochnyy divan” Goethe: smysl i forma; Pri-mechaniya [“West-Eastern Divan” by Goethe: Meaning and Form; Notes]. In: Goethe J.W. *Zapadno-vostochnyy divan* [West-Eastern Divan]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1988, pp. 667–878. (In Russ.)
8. Sinilo G.V. *The Bible as the “axial” archetext of European literature (by the example of German lyric poetry)*. In: *J. Belarus. State Univ. Philol*, 2017, no 3, pp. 19–29. (In Russ.)
9. Sinilo G.V. *Pesn' Pesney v kontekste mirovoy kultury* [The Song of Songs in the Context of World Culture]: In 2 books. Book 1: *Poetika Pesni Pesney i eyo religioznye interpretatsii* [The Poetics of *The Song of Songs* and Its Religious Interpretations]. Minsk, *Econompress Publ.*, 2012. (In Russ.)
10. Frye N. *Predislovie k knige “Velikiy Kod. Bibliya i literatura”* [Preface to the Book “The Great Code. The Bible and Literature”]: transl. from English. In: *Voprosy literatury*, 1991, no 9/10, pp. 176–187. (In Russ.)
11. Goethe J.W. *Gedichte*. Moscow, *Progress Publ.*, 1980. (In Ger.)
12. Goethe J.W. *Sämtliche Werke 1.2: Der Junge Goethe 1757–1775*. Hrsg. von G. Sauder. München, *btb Publ.*, 2006. (In Ger.)
13. Sauder G. *Anhang: Einführung; Kommentar*. In: Goethe J.W. *Sämtliche Werke 1.2: Der Junge Goethe 1757–1775*. München, 2006, S. 673–938. (In Ger.)
14. כְּתוּבִים = *Ketuvim* [Hagiographa] / Ed. of Transl. by D. Yosifon. Jerusalem, *Mossad ha-Rav Kuk Publ.*, 1978. (In Hebr. and Russ.)

Л. Цзоу, М.В. Михайлова

ЛИРИЧЕСКИЕ ГЕРОИНИ ЕВДОКИИ РОСТОПЧИНОЙ И АННЫ АХМАТОВОЙ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье предлагается осмысление обликов лирических героинь Евдокии Ростопчиной и Анны Ахматовой. Ростопчина является выдающейся русской поэтессой XIX столетия, пытавшейся в своей лирике осуществить синтез «пушкинского» и «лермонтовского» начал и обогатившей русский романтизм глубоким постижением женской психологии. Психологизм женской души — нерв поэзии Ахматовой. Анализируя лирические стихотворения обеих поэтесс, авторы статьи отмечают, что, несмотря на нацеленность на воспроизведения женского мироощущения, их лирические героини отличаются друг от друга и по существу, и по способам выражения их душевных переживаний авторами. Сравнение лирических героинь обнаруживает серьезные различия женщин XIX и XX вв. Героиня Ростопчиной сдержанна, верна своему долгу, стремится к идеальным отношениям. Героиня же Ахматовой — откровенная, «земная», непокорная, рвущаяся к свободе. В статье можно выделить три части, каждая из которых соответствует анализу определенного аспекта души лирических героинь двух поэтесс.

Ключевые слова: Евдокия Ростопчина; Анна Ахматова; лирическая героиня; женская душа; сдержанность; откровенность; духовность; страсть; покорность; независимость.

Многие исследователи (В.М. Жирмунский, Л.Я. Гинзбург, Л.А. Колобаева, А.Г. Найман, А.И. Павловский, Н.Г. Полтавцева, Н.Е. Тропкина, и др.) обнаруживают связь поэзии Анны Ахматовой с русской поэтической классикой. По их убеждению, Ахматова развивает в своей лирике традиции таких поэтов XIX столетия, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Фет, Тютчев. Однако в этом ряду не упоминается имя Ростопчиной. Впрочем, нет сведений, что и сама

Лювэй Цзоу — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: luevej.czzou@mail.ru).

Мария Викторовна Михайлова — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, академик РАН (e-mail: mary1701@mail.ru).

Ахматова что-то говорила об этой поэтессе. Однако это не означает, что стихи Ростопчиной были ей неизвестны. Для нас обоснованием сопоставления стала мысль Вл.Ф. Ходасевича, высказанная им в статье «“Женские” стихи». Критик отметил существование двух линий в творчестве поэтесс XIX в.: «ростопчинскую “женскость”» и «“мужественность” в поэзии Павловой». И, на его взгляд, именно Ахматовой удалось создать «синтез между “женской” поэзией и поэзией в точном смысле слова». Иными словами, «сохранив тематику и многие приемы женской поэзии, она коренным образом переработала и то, и другое в духе не женской, а общечеловеческой поэтики» [Ходасевич, 1996: 210]. Мы сейчас оставим в стороне некоторый скепсис автора по отношению к женской поэзии, что выражено у него кавычками, в которые поставлено слово «женская» (он в данном случае имеет в виду крайнюю доверительность и интимность женской поэзии, соединенную с «формальным дилетантизмом» [там же]), а остановимся на наследовании Ахматовой некоторых черт поэзии Ростопчиной. И, скорее, даже своеобразном диалоге с предшественницей и даже опровержении ее наблюдений и выводов.

«Женская» природа и наполнение ахматовской лирики психологизмом изучены недостаточно глубоко. И в этом плане сопоставление обликов лирических героинь Анны Ахматовой и Евдокии Ростопчиной, выдающейся поэтессы XIX столетия, является актуальным и проводится в настоящей статье впервые, для чего использованы принципы сравнительно-исторического литературоведения и гендерный подход к анализу текста. Последнее позволило выявить социально-культурную роль мужчины и женщины в позапрошлом веке и на рубеже XIX и XX вв., что нашло отражение в творчестве обеих поэтесс.

Сходство лирики Ростопчиной и Ахматовой заключается в том, что их произведения можно рассматривать в русле женского литературного творчества, ориентирующегося на передачу переживаний и ощущений женской души. Но конкретные способы выражения этих душевных движений разнятся, как, впрочем, разнятся и сами облики лирических героинь. Ростопчина выступает от лица женщин дворянского круга (за что ее и упрекал В.Г. Белинский), обреченных на молчание, сдержанность, выполнение всех предписанных правил поведения. Такие женщины отличались скрытостью и стремлением к духовному совершенству. Они были обречены на поражение при соприкосновении с мужским миром. Им вменялись в обязанность покорность и подчинение. Ахматова же пишет о конкретных переживаниях конкретной лирической героини, чей социальный статус четко не обозначен, и в этих индивидуализированных героинях проявляется откровенность, страсть и независимость.

Рассмотрение *ранней* лирики Ахматовой в «женском» ракурсе, в параметрах женского литературного творчества вполне допустимо, ибо почти все литературоведы и критики отметили при ее вступлении на литературную арену присущие ей «женственность», «женское начало». Раньше всех об этом написал В.М. Жирмунский: «Есть мир Ахматовой, очень личный и очень женский» [Жирмунский, 2001: 400]. То же самое выразила Б.М. Рунт, указав, что «стихи Анны Ахматовой — это раскрытая душа современной чуткой, культурной городской женщины» [Рунт, 2001: 98]. Подобного мнения придерживается и современный литературовед Г.М. Темненко, считающая, что своеобразие поэзии Ахматовой в основном связано «с представлением о загадочности женской души» [Темненко, 2013: 14], до этого мало проявлявшейся в русской поэзии.

«Мало», но не значит, что совсем. Женскую душу запечатлевала уже поэтесса XVIII в. Анна Бунина. Но ярче всего она отразилась в поэзии Евдокии Ростопчиной, часто избиравшей «женский угол зрения» на события. Ее творчество явилось «связующим звеном между пушкинско-лермонтовской эпохой и поэтической эпохой Тютчева и Некрасова» [Щеблыкина, 1994: 155]. Этот же литературовед замечает, что поэтесса, стремясь к синтезу пушкинского ясновидения, задушевности, местами даже артистического вдохновения с лермонтовским отчаянием, тоской и отрицанием жизни, пыталась осуществить его главным образом в сфере индивидуальных ощущений, притом женских. Переживания женской души оказывались основой лирического сюжета в стихах Ростопчиной. В диссертации Л.И. Щеблыкиной, посвященной поэтике лирики Ростопчиной, констатируется, что углубленный психологизм ее произведений отразился в первую очередь на жанровом аспекте. Исследовательница выделяет пять разновидностей жанра, включающих в себя и «исповедь женского сердца» [Щеблыкина, 1994: 152], и делает вывод, что Ростопчина обогатила традиции русского романтизма психологическими элементами, раскрывающими в первую очередь психологию женской души. В ее лирике «нашли отражение духовные искания русских женщин» [Фанштейн, 1989: 83] дворянского круга 30–40-х годов XIX в. Последнее умозаключение говорит о том, что Ростопчина выступала от лица многих, она, можно сказать, аккумулировала переживания женщин главным образом высшего света. В отличие от нее в лирике Ахматовой важна индивидуализация. Поэтесса изображает современную женщину, но «в конкретности *своего* бытия и *своего* душевного опыта» [Гинзбург, 1974: 233; курсив наш. — *Ц.Л., М.М.*]. На это стоит обратить особое внимание, поскольку именно это качество делает психологический анализ ее стихах более углубленным и изощренным.

Творчество Ростопчиной было позитивно воспринято Пушкиным, Лермонтовым, Жуковским и многими другими литераторами. А вот Белинский обнаружил в лирике Ростопчиной пустоту содержания и «служение богу салонов» [Ранчин, 2001: 209]. Однако такое суждение слишком строго, так как обуревавшие поэтессу чувства не могли полноценно проявиться именно потому, что она была скована условностями и требованиями высшего света. Собственно, этот конфликт и составил основу ее исповедальной поэзии. И этим она интересна. И, думается, мужчине того времени были не совсем понятны эти терзания, поскольку он не чувствовал такого общественного давления. Кстати, современный исследователь А.М. Ранчин согласен с Белинским, считая, что в основу лирики Ростопчиной положено светское содержание, что «поэтесса стремится восхищать свет своей красотой, ее обаяние не литературное, а женское» [Ранчин, 2001: 209]. Как видим, слово «женское» возникает у этого ученого в негативном контексте. И это в то время, как доля кокетства («изысканно безвкусного», по выражению Вл.Ф. Ходасевича [Ходасевич, 1996: 38]) как раз придает лирике поэтессы известное обаяние, позволяет выделить в ее лирической героине именно «женские» качества.

О драматизме подобного положения Ростопчина рассказала в стихотворении «Как должны писать женщины» (1840) [Ростопчина, 1986: 133]. Его можно расценить как свод правил для поэтесс XIX столетия. И такое обращение к своим коллегам по творческому цеху как раз говорит о «коллективном мышлении»: поэтесса выступает от лица своих современниц, но, кроме того, свидетельствует, что творчество как таковое, его значение в жизни занимало автора не менее, чем светские обязанности (и эта погруженность в творчество также указывает на ее «общность» с Ахматовой).

Итак, вот ее советы: женщина, которая решится писать о своих чувствах, должна быть «робкой певицей», она не должна раскрывать свои мечты, рассказывать о снах, делиться фантазиями. Эмоций и чувств, включающих счастье любовных мечтаний («невольные грезы», «сладкие слезы»), надо стыдиться. Если все же возникает необходимость их описать, то следует пользоваться намеками, незаметно указывать на них, но даже это делать «изредка». Читатель должен угадывать эмоциональное состояние героини стихотворения буквально между строк. Можно было бы воспринять это как указание на подтекст, но не о «скрытом психологизме» идет речь. Автор во главу угла ставит сокрытие чувств вообще, потому что женщине XIX в. не пристало их испытывать и в них признаваться. Ростопчина и сама придерживается требований скрытности и сдержанности, а не только расточает советы. Она писала так, чтобы взрыв эмоций, острота переживаний были «скованы» словами. В связи с этим ее лирическая

героиня всегда «стыдлива», она постоянно «таила и скрывала» свои эмоции и чувства. Такая сдержанность нашла свое яркое выражение в стихотворении «Когда б он знал!» (1830) [Ростопчина, 1986: 33].

В этом стихотворении речь идет о любовных мечтаниях лирической героини. По сути, перед нами ее признание в любви: она горячо любит своего избранника, но лишь «тайно сливается пламенной душой с его душой». С помощью эпитета «пламенная» поэтесса подчеркивает остроту любовного чувства. Однако, даже испытывая столь сильные эмоции, она не решается сказать о них вслух. Вл.Ф. Ходасевич точно определил такое «раздвоение»: «дама боялась светского осуждения <...> но поэт умел преобразить его в чувство тайны» [Ходасевич, 1996: 27]. Замечательно это противопоставление «светской дамы» и поэта. Ходасевич проводит между ними черту. Он видит разницу. Ведь героиня говорит о муках, которые она переживает, от нее свет требует притворства. Женщине предписывается быть гордой и непорочной, скрывать свои чувства, не выдавать своих переживаний. Единственное, на что может надеяться героиня, — это ждать «улыбки от него». Но поэт может рассказать об этом...

Однако стихотворение имеет неожиданный сюжет. В третьей строфе меняется «расположение» героев по отношению друг к другу. Героиня начинает предполагать, что все могло бы измениться, если бы они были свободны в своих чувствах. Ее любовь могла бы вдохнуть в героя жизнь, возродить того, кто обрисован как «лишний человек» своего времени. Героиня «то вспыхивала безотчетными надеждами на счастье, то мучилась столь же неясным отчаянием» [Романов, 2017: 139], но она обречена на молчание. В связи с этим счастье только мерещится ей, надежда на взаимопонимание не осуществится никогда. Несмотря на счастье, которое принесет признание и избраннику, и ей самой, героиня никогда не решится это сделать. Таким образом, предписанные в обществе гендерные роли делают несчастными и мужчин, и женщин.

Этот обет «молчания» решается прервать в аналогичной ситуации Ахматова.

Стихотворение «Ты письмо мое, милый, не комкай» (1912) [Ахматова, 1998: 111] Ахматовой по жанру, как и стихотворение Ростопчиной, является любовным посланием, обращенным к адресату-возлюбленному. Героиня пишет возлюбленному письмо, в котором решается поведать о многом, о том, о чем прежде, возможно, умалчивала. Но теперь ей «надоело быть незнакомкой», и она хочет громко заявить о том, какая она на самом деле. Несмотря на то что мужчинам часто не очень нравится, когда женщина претендует на излишнее внимание (вот и герой стихотворения «хмурится

гневно»), героиня смело «классифицирует» себя: она не безыскусная, легкодоступная, «не пастушка» (последнее подразумевало бы пасторальное развитие отношений), не идеальная, недостижимая, «не королева» (а это могло бы предопределить тип отношений по схеме: рыцарь — Прекрасная Дама), в ней бушуют страсти, она «не монашенка» (что предвещало бы вариацию на тему *femme fatale*). Героиня гордо заявляет о своей заурядности. Ее «серое будничное платье», «стоптанные каблуки» разительно отличаются от «вырезного рукава» и «золотого браслета», что украшают героиню стихотворения 1847 г. Ростопчиной «Не для тебя, так для кого же...» [Ростопчина, 1986: 177]. Но, по убеждению Ахматовой, именно эта обыденность и станет для возлюбленного неоценимым сокровищем, поскольку за ординарным нарядом и внешностью таится страсть («жгучее объятие», которое обещано герою). Но все же героиня боится отдалиться этой страсти («страх в огромных глазах») или делает вид, что боится, таким образом, завлекая возлюбленного (напомним, что в упомянутом стихотворении Ростопчиной автор упоминала о следах «нежных ласк» и поцелуев на своих плечах и руках, что может говорить об откровенности обеих героинь!).

С помощью рефрена (просьбы не избавляться от ее письма: «ты письмо мое, милый, не комкай») в последней строфе создается композиционное кольцо, завершающее стихотворение еще одной просьбой к адресату — бережно хранить ее открытое признание, всегда иметь его с собой, никогда не расставаться с письмом... В отличие от героини Ростопчиной, ничего не рассказывающей о себе, а только предполагающей, что избранник полюбит ее, если она раскроет свою душу, героиня Ахматовой обнажает свои интимные мысли и чувства, позволяет узнать себя подлинную, в которой заключены самые разнообразные черты. И в этом видит свое особое достоинство.

Исследовательница Щеблыкина в работе о движении потока ощущений лирической героини Ростопчиной утверждает, что та «стремится преодолеть свою противоречивость, отыскать путь к нравственному совершенствованию» [Щеблыкина, 1994: 13]. Действительно, из правил, выдвинутых в стихотворении «Как должны писать женщины», следует, что рациональность женщины должна помогать ей бороться со страстями, увлечениями и преодолевать их («чтобы приличие боролось с увлечением»). Ум должен властвовать над чувствами («слово каждое чтоб мудрость стерегла»). Стало быть, героиня Ростопчиной стремится к приоритету разума над чувствами, отдает предпочтение рассудку. Ведь известно, что главенство ума, который приписывается мужчине при традиционном гендерном распределении ролей в социуме, и позволяет ему доминировать. Сле-

довательно, героиня Ростопчиной хочет «сравняться» с мужчиной в твердости, во владении эмоциями. Так она сможет более эффективно «вписаться» в литературный канон. Лирическая героиня Ахматовой такой задачи перед собой не ставит. Поэтесса сама задает «норму» статуса своей героини, делая главным не внутреннее стремление к совершенствованию, а полноценную сиюминутную достоверность поведения.

Если поэзия Ростопчиной являет «обыденную драму души страдающей, хоть и простой» [Ходасевич, 1996: 38], то уже ранняя лирика Ахматовой рождена «нашими днями, напряженными, нарочито сложными, духовно живущими не по средствам» [там же]. И героиня Ахматовой в большинстве стихов оказывается «земной женщиной», характеризующейся противоречивостью и непоследовательностью, принимающей себя такой, какая она есть. Это «земное начало» заметили критики сразу после знакомства с первыми двумя сборниками стихов поэтессы. Например, Н.С. Ашукин отметил «земные очарования женской души» [Ашукин, 2001: 71], а О.М. Вороновская — «сплетение лунных мечт с земными образами» [Вороновская, 2001: 88]. И это «земное начало» ярко высвечивается в ситуации расставания с возлюбленным.

Ростопчина также обращалась к этой знаковой ситуации. В ее стихотворении «На прощанье» (1835) [Ростопчина, 1986: 60] речь идет о «роковой разлуке» предназначенных друг другу людей. Их соединяет любовь, но лирическая героиня настаивает на платонической основе их любви («чист был союз наш святой»), подчеркивает «бесплотность» их отношений, то, что между ними было лишь «много созвучий», что они были «душой близнецы». Однако окружающие, представители высшего света, подозревают, что на самом деле их любовь «пылкая». И, возможно, эти пересуды тоже сыграли свою роль в расставании. Лирическая героиня этого стихотворения, любящая и страдающая женщина, вынуждена скрывать горечь предстоящей разлуки — ведь даже последнее объяснение с возлюбленным происходит на глазах у всех. Поэтому она не может «показать», что у нее на сердце. Это типичное состояние лирических героинь стихов Ростопчиной. И при этом она все время видит разыгрывающуюся ситуацию глазами других. Вот эта «сценичность» будет присутствовать и у Ахматовой. Но там происходящее «театрализовано» за счет поведения героини, которая постоянно в движении, жестикулирует и пр.

И в отличие от уверений Ростопчиной в бесплотности отношений, связывающих ее с возлюбленным, Ахматова почти всегда апеллирует к чувственной стороне любви. Ее героине знакома страсть. Такая ведающая голос страсти героиня предстает перед нами в стихотворении «О, жизнь без завтрашнего дня» (1921) [Ахматова, 1998: 360].

Но подчинившая ее страсть не заставляет женщину, несмотря на отсутствие будущего (постоянные измены возлюбленного уготовили ей «жизнь без завтрашнего дня»), смириться. Образ любви как «восходящей звезды», найденный поэтессой, точно передает любовное состояние героини и ее возлюбленного: любовь то загорается, то меркнет, то манит надеждой, то заставляет разувериться во всем. О чувственной основе любви читатель догадывается благодаря сопоставлению дневных и ночных переживаний героев. Днем, когда людьми владеет рассудок, все видится четко и ясно: любовь «убывает», она напоминает светлячка, который «незаметно отлетает». Влюбленным не составляет никакого труда быть холодными друг к другу, «почти не узнавать при встрече». Но ночью все меняется: страсть берет свое, она бросает их в объятия друг к другу, доводит до изнеможения, оборачивается нескончаемой «пыткой», которую невозможно прервать. Появляется «истома влажная», обнаженные плечи, на которых запечатлены поцелуи. Не отсылка ли это к процитированному выше стихотворению Ростопчиной, где есть строки: «на тех плечах, руках, что втайне носят тоже / И нежных ласк твоих, и поцелуев след»? В остром контрасте дневной и ночной любви, по словам Гинзбург, дано «лирическое выражение диалектики души» [Гинзбург, 1974: 233]. Фиксация противоречий душевной жизни — одна из черт психологического анализа Ахматовой, с помощью которого она раскрывает напряженную динамику внутренних изменений своих героинь. В данном случае все нацелено на то, чтобы доказать, что страсть неподвластна доводам рассудка.

Третья строфа обращена к прошлому влюбленных и опровергает все предшествующее. Слова «тебе я милой не была» говорят, вероятнее всего, о том, что возлюбленный был мил ей, но любовной гармонии между ними не было, а была только страсть, делавшая ее «преступницей», не способной разорвать мучительную связь. Последние строки стихотворения — это констатация факта: подлинной любви нет и не было, он относился к ней, «словно брат», но телесное влечение друг к другу настолько велико, что им опасно даже встречаться взглядом. Ахматова, чтобы показать силу сжигающей обоих страсти, прибегает к формулировке: «В огне расплавится гранит». Это произойдет, если они сольются в страстном единении. Даже если не знать, что гранит плавится при температуре более 1000°, то и тогда это выглядит очень емкой метафорой, подтверждающей силу взаимного притяжения. И героиня не боится призывать небеса в свидетели своей всепоглощающей страсти («клянусь небесами!»). Это, несомненно, новое и смелое раскрытие темы.

«В старой русской поэзии, — писал И.Ф. Анненский в 1909 г., — он <имеется в виду мужчина. — Ц.Л., М.М.> завоеватель жизни.

Она <имеется в виду женщина. — *Ц.Л., М.М.*> только принимает жизнь <...> она только тихо плачет и покорно, ласково вспоминает» [Анненский, 2002: 333]. Поэт имел в виду, видимо, русский фольклор, ибо в лирике Ростопчиной 1830–1840-х годов женщина уже не «только принимает жизнь», а пытается с этой жизнью вступить в диалог. Героиня ее баллады «Насильный брак» (1845) [Ростопчина, 1986: 206] уже не «плачет», она не соглашается и бунтует.

Баллада состоит из двух частей, представляющих собой монологи мужа и его жены. Если отвлечься от политической подоплеки этой баллады, которая не открылась даже пронизательной николаевской цензуре, не заподозрившей, что речь идет об отношениях Польши и России, то стихотворение предстанет как рассказ о традиционных семейных ценностях, где жене отведена роль покорной рабыни, а муж выступает как деспот, не допускающий даже мысли, что у женщины могут быть какие-то желания, кроме бесконечной готовности благодарить и считать себя облагодетельствованной (некоторые увидели в стихотворении канву взаимоотношений Ростопчиной с супругом).

Старый барон обрисован как властный человек, ему подчиняются и слуги, и вассалы. Но выясняется, что «у себя дома» он не властен, так как у него «мятежная жена». Герой не понимает, как она может так себя вести, ведь он, «взяв» ее нищей, дал ей покровительство, полностью обеспечил ее, а она не только не считает себя счастливой, но и проклинает его, «компрометирует» и распространяет о нем, как он считает, лживые слухи. Главная ее вина в его глазах состоит в том, что она не «покорна».

Судя по монологу жены, до замужества она жила «вольно и счастливо». А выйдя замуж, оказалась «узницей». Брак для нее — «роковое иго», она не хочет продавать свою любовь за блага, которыми ее одаривает муж. К тому же, он запрещает ей говорить на ее родном языке, «гордиться именами предков», придерживаться той религии, которая была впитана с молоком матери. В связи с этим жизнь в неволе ощущается ею как кошмар. Но она бессильна и может свое недовольство изливать только в исповедях и признаниях близким.

Автор произведения устранилась от «судейства», в конце нет никакого вывода. Судьями должны стать читатели, которые могут поддержать одну из сторон. И думается, что Ахматова была бы на стороне героини, ибо понимание семейной жизни как плена было ей ведомо. Об этом она написала в стихотворении «Я живу, как кукушка в часах» (1911) [Ахматова, 1998: 59]. Мы предлагаем один из вариантов прочтения стихотворения, которое многие литературоведы интерпретируют как разговор о творчестве и поэтической

«кабале». Но можно увидеть и то, что для героини кабалой является семейная жизнь. Так возникает сравнение с механизмом («часы»), в котором находится героиня — «кукушка», «вставленная» в эти часы. Героиня, казалось бы, смирилась с такой мертвенной, неживой жизнью («Заведут — и кукую»). Она даже готова покривить душой, говоря, что не завидует свободным птицам. Но чувствуется, что ей хочется вырваться из этого плена, разорвать путы, обрести свободу. «Долю такую» она готова пожелать лишь врагу. И значит, впереди грядет освобождение. Точность выбранного автором сравнения (с механизмом часов и выскакивающей в определенное время кукушкой) подчеркивает готовность к такому решению. Часы могут ведь и остановиться, и сломаться...

А героиня стихотворения «Муж хлестал меня узорчатым...» (1911) [Ахматова, 1998: 85] уже вырвалась на свободу, пусть только и в любовной сфере: она решилась на измену. Героиня не только изменяет мужу, она поступает вопреки его наказам: ночью сидит у окна, в котором призывно зажжен огонь, и ждет возлюбленного. Однако даже жестокое избиение не может остановить ее: она не перестает ждать возлюбленного, который не спешит к ней, а возможно, и забыл ее уже... Лирический монолог героини, ориентированный на фольклорно-песенное начало, раскрывает ее терзания, которые сопровождают «доля хмурая», «стоны звонкие». Бросается в глаза откровенная «призывность» ее обращения к возлюбленному, в котором муки ревности (подозрения, что ему нравятся другие!) соединены с намеками на жаркие ласки («темный, душный хмель» плотских утех). Здесь можно даже обнаружить переключку с «Насильным браком» Ростопчиной: мужья возмущены тем, что жены им не подчиняются, а жены, в свою очередь, чувствуют себя пленницами в супружестве (героиня Ахматовой прямо называет себя «печальной узницей»). А разница этих героинь заключается в том, что у Ростопчиной муж укоряет жену за ее строптивость, а она, жалуясь и ропща, остается ему верной, а у Ахматовой жена уже делает следующий шаг, уже решается на измену и не останавливается ни перед чем, даже избитая мужем. Важно при этом заметить, что у Ахматовой даже присутствует эстетизация наказания, производимого «узорчатым ремнем».

Если в стихотворении «Муж хлестал меня узорчатым...» героиня изменяет скорее всего потому, что муж играет в семье роль деспота, то в балладе «Сероглазый король» (1910) [Ахматова, 1998: 41] героиней руководит желание быть внутренне свободной. Здесь муж описан как спокойный, честно занимающийся своим делом человек. Он как ни о чем не подозревающий вестник приносит страшную для героини новость: на охоте погиб король. При этом он жалеет

молодую, поседевшую за ночь королеву, ставшую вдовой. Но он и не подозревает, какая трагедия разворачивается рядом, продолжая нанизывать подробности происшедшего. Страдание героини столь велико, что она использует гиперболу: «нет на земле твоего короля». Иными словами, земля для нее опустела. Но одновременно она и «славит» поселившуюся в ней навеки «безысходную боль», так как, вероятнее всего, мучилась, находясь в возникшем, по-видимому, давно любовном треугольнике. Ей осталось единственное утешение: плод любви ее и сероглазого короля — дочка. В балладе нет деспота-мужа, но женщина все равно не чувствует себя внутренне свободной. И хотя здесь она не «лакомый кусок» и не «изысканный предмет бахвальства» [Анненский, 2002: 334], какой хочет женщину видеть, например, старый барон в «Насильном браке», все равно внутренняя зависимость для нее неимоверно тяжела.

Об этой желанной независимости Ахматова четко и ясно заявляет в стихотворении «Тебе покорной?» (1921) [Ахматова, 1998: 365], в котором смоделирована ситуация, когда жене, возможно, долго смиряющейся и подчиняющейся, надоело ее положение, и она решила провозгласить свою самостоятельность, заявить о своей независимости. И в связи с этим напрямую с вызовом задает вопрос: «Тебе покорной?», как бы подхватывая упреки и увещания мужа, которые, скорее всего, и звучали призывом быть покорной. Героиня сразу же дает решительный отпор: «Ты сошел с ума!» Она заявляет о безграничной свободе, завещанной от сотворения мира человеку, провозглашает, что покорна исключительно Богу («Господней воле»), что она не хочет «ни трепета, ни боли», какие, по-видимому, преследуют ее в браке, где муж играет роль «палача», а его дом напоминает ей «тюрьму». Называя мужа «палачом», а его дом — «тюрьмой», поэтесса опять-таки подчеркивает страдания, которые выпадают на долю женщины в замужестве. И только вырвавшись из подчинения, героиня способна почувствовать «спокойствие и счастье». Но стоит подчеркнуть, что, несмотря на горечь супружества и испытанные страдания, она не держит зла на мужа («ты мне вечно мил»), а кроме того, выказывает благодарность ему за данный ей приют и за то, что именно жизнь с ним позволила ей понять, что она предпочитает покорности свою духовную независимость.

Подводя итог, можно принять вывод, сделанный Н.В. Шумиловой: у Ростопчиной хотя и бывает «полемика с мужским миром» [Шумилина, 2014: 63], но все же констатируется зависимость от мужчины, невозможность и бесперспективность сопротивления. А лирическая героиня Ахматовой демонстрирует независимость женской души и своеволие женщины начала XX в.

Итак, в стихотворениях Ростопчиной и Ахматовой даны слепки переживаний женской души в XIX и XX столетиях. У Ростопчиной преобладают скрытость, сдержанность, помогающие героине бороться со страстями, преодолевать внутренние противоречия, добиваться нравственного совершенства и констатируется зависимость женщины от мужчины, невозможность и бесперспективность женского сопротивления. Героиня же Ахматовой отличается откровенностью, противоречивостью; ей присуща независимость, позволяющая ей принимать себя такой, какая она есть. Она даже кичится тем, что она «земная», что ей не чужды страстные томления, что она выбирает себе мужчину, руководствуясь не столько его духовными качествами, сколько его эротической привлекательностью.

Список литературы

1. *Анненский И.Ф.* Оне // Критика русского символизма: В 2 т. Т. 2 / Сост. Н.А. Богомолов. М., 2002. С. 333–359.
2. *Ахматова А.А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1998. 968 с.
3. *Ашукин Н.* Четки (Стихи Анны Ахматовой) // Анна Ахматова: pro et contra. Т. 1 / Сост. С.А. Коваленко. СПб, 2001. С. 71–74.
4. *Вороновская О.М.* Четки. Анна Ахматова // Анна Ахматова: pro et contra. Т. 1 / Сост. С.А. Коваленко. СПб, 2001. С. 88.
5. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л., 1974. 320 с.
6. *Жирмунский В.М.* Поэтика русской поэзии. СПб, 2001. 496 с.
7. *Ранчин А.М.* Ростопчина Евдокия Петровна // Русский биографический словарь. В 20 т., Т. 13: Рааб-Сиверс / Сост. П. Калинин, И. Корнеева. М., 2001. С. 208–209.
8. *Романов Б.Н.* Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной. СПб, 2017. 800 с.
9. *Ростопчина Е.П.* Стихотворения; Проза; Письма / Сост. Б. Романов. М., 1986. 448 с.
10. *Рунт Б.М.* Скорбная улыбка (О стихах Анны Ахматовой) // Анна Ахматова: pro et contra. Т. 1 / Сост. С.А. Коваленко. СПб, 2001. С. 98–102.
11. *Темненко Г.М.* Анна Ахматова: опыты интертекстуальных и имманентных прочтений. Симферополь, 2013. 476 с.
12. *Файнштейн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры. Историко-литературные очерки. Л., 1989. 175 с.
13. *Ходасевич Вл.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. 576 с.
14. *Шумилина Н.В.* Особенности полифонического лиризма в раннем творчестве Е.П. Ростопчиной // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 62–67.
15. *Щеблыкина Л.И.* Лирика Е.П. Ростопчиной (проблемы поэтики): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994. 165 с.

Luwei Zou, Maria Mikhaylova

**LYRICAL HEROINES OF EVDOKIA ROSTOPCHINA
AND ANNA AKHMATOVA**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses lyrical heroines in the poetry of Evdokiya Rostopchina and Anna Akhmatova. Rostopchina, an outstanding Russian poetess of the 19Xth century, sought to synthesize the Pushkin and Lermontov principles of versification and enriched Russian Romanticism with her deep comprehension of female psychology. Anna Akhmatova, a prolific poetess of the 20th century, is another connoisseur of women's psychology, it was the nerve of her poetry. Research into the lyric poems shows the lyrical heroines differ from each other in essence as Rostopchina and Akhmatova expressed their emotional experiences differently, hence a contrast between women in the 19th and 20th century. Rostopchina's heroine is restrained, faithful to her duty, strives for an ideal relationship, while Akhmatova's heroine is frank, earthbound, rebellious, and liberty-driven. Three parts are distinguished in the article, each analyzing a certain aspect of the inner world of the heroines.

Key words: Evdokiya Rostopchina; Anna Akhmatova; lyrical heroine; the female soul; restraint; frankness; spirituality; passion; obedience; independence.

About the authors: *Luwei Zou* — PhD student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: luvej.czzou@mail.ru); *Maria Mikhailova* — Prof. Dr., Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Member of the Russian Academy of Natural Sciences (e-mail: mary1701@mail.ru).

References

1. Annensky I.F. One [They]. *In: Kritika russkogo simvolizma*. V 2 t. T. 2. Sost. N.A. Bogomolov [Criticism of Russian symbolism]. Moscow, *Olimp Publ*, 2001. (In Russ.)
2. Akhmatova A.A. *Sobr. soch.:* V 6 t. T. 1. [Anna Akhmatova. Collected Works: In 6 volumes]. Moscow, *Ellis Lak Publ*, 1998. 968 p. (In Russ.)
3. Ashukin N. *Chetki* (Stikhi Ann' Akhmatovoi) [Rosary (Poems of Anna Akhmatova)]. *In: Anna Akhmatova: pro et contra*. T. 1. Ed. S.A. Kovalenko [Anna Akhmatova: pro et contra]. St. Petersburg, *Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta*, 2001. (In Russ.)
4. Voronvskaya O. *Chetki. Anna Akhmatova* [Rosary. Anna Akhmatov]. *In: Anna Akhmatova: pro et contra*. T. 1. Ed. S.A. Kovalenko [Anna Akhma-

- tova: pro et contra]. St. Petersburg, *Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta*, 2001. (In Russ.)
5. Ginzburg L.Ya. *O lirike* [About the lyrics]. Leningrad, *Sovetsky pisatel' Publ*, 1974. 320 p. (In Russ.)
 6. Zhirmunsky V.M. *Poetika russkoi poezii* [Poetics of Russian poetry]. St. Petersburg, *Azbuka-klassika Publ*, 2001. 496 p. (In Russ.)
 7. Ranchin A.M. *Rostopchina Evdokia Petrovna* [Rostopchina Evdokia Petrovna]. In: *Russky biografichesky slovar'*. V 20 t., T. 13: Raab-Sivers. Ed. P. Kalinnikov, I. Korneeva [Russian Biographical Dictionary]. Moscow, *Terra-Knizhny klub Publ*, 2001. (In Russ.)
 8. Romanov B.N. *Poetessa, ili Sug'ba Evdokii Rostopchinoi* [Poetess, or Fate of Evdokia Rostopchina]. St. Petersburg, *Russky Mir Publ*, 2017. 800 p. (In Russ.)
 9. Rostopchina E.P. *Stikhotvoreniya; Proza; Pis'ma* [Poems; Prose; Letters]. Ed. B. Romanov. Moscow, *Sovetskaya Rossiya Publ*, 1986. 448 p. (In Russ.)
 10. Runt B. *Skorbnaya ul'bka* (O stikhakh Ann' Akhmatovoi) [Sorrowful smile (About the poems of Anna Akhmatova)]. In: *Anna Akhmatova: pro et contra*. T. 1. Ed. S.A. Kovalenko [Anna Akhmatova: pro et contra]. St. Petersburg, *Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta*, 2001. (In Russ.)
 11. Temnenko G.M. *Anna Akhmatova: op't' intertekstual'n'kh i immanentn'kh prochteny* [Anna Akhmatova: experiences of intertextual and immanent readings]. Simferopol, *IT «ARIAL» Publ*, 2013. 476 p. (In Russ.)
 12. Fainshtein M.Sh. *Pisatel'nits' pushkinkoi por'*. *Istoriko-literaturn' ocherki* [Writers of Pushkin's time. Historical and literary essays]. Leningrad, *Nauka Publ*, 1989. 175 p. (In Russ.)
 13. Khodasevich V.I. *Sobr. soch.:* V 4 tt. T. 2. [Khodasevich Vladislav. Collected Works: In 4 vol.]. Moscow, *Soglasie Publ*, 1996. 576 p. (In Russ.)
 14. Shumilina N.V. *Osobennosti polifonicheskogo lirizma v rannem tvorchestve E.P. Rostopchinoi* [Features of polyphonic lyricism in the early works of E.P. Rostopchina]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*, 2014, № 381, pp. 62–67. (In Russ.)
 15. Shebl'kina L.I. *Lirika E.P. Rostopchinoi (problem' poetiki)* [Lyrics by E.P. Rostopchina (problems of poetics)]: dissertatsiya kand. filol. nauk. Moscow, 1994. 165 p. (In Russ.)

А.И. Васкиневич

КЕНИГСБЕРГСКИЕ ПРЕДКИ ВЛАДИМИРА НАБОВОКА

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул.А. Невского, 14*

В статье дается комментарий к воспоминаниям Владимира Набокова о немецких предках из Кёнигсберга, позволяющий воссоздать реальную картину событий и культурную атмосферу, в которой формировалась история одной из ветвей рода Набоковых. На основе немецкой мемуарной литературы, писем, научных исследований устанавливаются факты биографии лиц, упоминаемых Набоковым в книге «Память, говори», от издателя Иоганна Генриха Гартунга до Антуанетты Граун. Выявляются неточности, существующие в воспоминаниях Набокова, и лакуны в биографической литературе, касающейся его кенигсбергских предков. Указывается на вовлеченность семейства Гартунгов в культурную жизнь города, знакомства с выдающимися его гражданами — философами И. Кантом и И.Г. Гаманом, бургомистром и писателем Т.Г. фон Гиппелем и другими. Особое внимание уделяется личности Элизабет, урожденной Фишер, в первом браке — Граун, во втором браке — Штегеман, художницы, писательницы и хозяйки литературно-музыкальных салонов в Кенигсберге и Берлине, ее творчеству и литературным связям, в том числе с кенигсбергскими авторами и представителями романтического движения. Рассматриваются ее произведения, созданные в период с 1799 по 1804 г. и посвященные дочери Антуанетте: «Фрагменты» и «Фантазии», опубликованные в журнале «Флора», и роман «Воспоминания для благородных дам», вышедший посмертно, приводятся фрагменты из них, анализируется их тематика, проблематика и актуальность поставленных вопросов о роли женщины в мире и обществе. Подтверждается и раскрывается тезис Набокова об обилии и разнообразии взаимодействия его предков с миром литературы.

Ключевые слова: Набоков; автобиография; воспоминания; Штегеман; Кенигсберг.

О своих кенигсбергских предках Владимир Набоков упоминает в автобиографии «Память, говори». Вот что он пишет: «Немецкий мой прадед, барон Фердинанд фон Корф <...> родился в 1805 году в Кенигсберге <...>. Он был <...> сыном Никласа фон Корф (ум. 1812), майора прусской армии, и Антуанетты-Теодоры Граун (ум. 1859), приходившейся внучкой Карлу-Генриху Грауну, композитору. Мать

Васкиневич Анжелика Игоревна — кандидат филологических наук, доцент Балтийского федерального университета им.И. Канта (e-mail: AVaskinevich@kantiana.ru).

Антуанетты, Элизабет, рожденная Фишер (р. 1760) была дочерью Регины, рожденной Гартунг (1732–1805), дочери Иоганна-Генриха Гартунга (1699–1765), возглавлявшего в Кенигсберге известный издательский дом. Элизабет славилась своей красотой. Разведясь в 1795-м с первым мужем, Justizrat Грауном, сыном композитора, она вышла за второстепенного поэта Христиана-Августа фон Стагемана и была “по-матерински дружна”, как называет это мой немецкий источник, с Генрихом фон Клейстом (1777–1811), автором куда более известным, который в тридцать три года страстно влюбился в ее двенадцатилетнюю дочь Гедвиг-Марию (впоследствии фон Олферс). Говорят, что он заглядывал в дом их, чтобы попрощаться перед отъездом на Ванзее — ради задуманного восторженного самоубийства на пару с одной больной дамой, — однако принят не был, поскольку в хозяйстве Стагеманов шла в тот день большая стирка. Воистину замечательны обилие и разнообразие соприкосаний пращуров моих с миром литературы» [Набоков, 1999: 356].

Набоков называет все значимые имена, относящиеся к кенигсбергской ветви его генеалогии, однако текст изобилует неточностями. Комментарии С. Ильина и А. Люксембург кратко затрагивают лишь фигуру композитора Карла Генриха Грауна, остальные сведения поданы вне их критического осмысления и сопоставления с биографиями упоминаемых лиц в немецких источниках. Неточности касаются в первую очередь дат. Биографически корректными являются следующие годы жизни и смерти: издатель Иоганн-Генрих Гартунг (1699–1756), его внучка Элизабет Фишер (1761–1835), ее дочь Антуанетта-Теодора Граун (1785–1859). В русском переводе С. Ильина искажению подвергается написание фамилии Штегеман (традиционное немецкое написание — Staegemann, в англоязычном тексте Набокова осовремененная форма — Stägemann), превращающейся почему-то в Стагеман. Имя второго мужа Элизабет — не Христиан (или Кристиан), а Фридрих Август Штегеман (1763–1840). Немецкие биографические источники не упоминают о «страстной влюбленности» Клейста в Гедвиг, а отказ Элизабет принять поэта объясняют мучившими ее сильными невралгическими болями¹. Что еще могут прояснить для нас немецкие источники?

Первым в кенигсбергской ветви предков Набокова был издатель Иоганн Генрих Гартунг (1699–1756). Он родился в Эрфурте 17 августа 1699 г. и переехал в Кенигсберг из Саксонии. С 1727 г. он стал работать в издательстве Иоганна Штельтера, в 1731 г. женился на его дочери Кристине, после смерти своего тестя в 1734 г. унаследовал издательство. Вскоре его имя стало известно как в Пруссии, так и за ее пределами. Из Лифляндии и Курляндии ему поступили заказы

¹ О роли Элизабет в судьбе Г. фон Клейста см. [Васкиневич, 2011].

на издание латышской Библии и курляндского сборника проповедей. На издание Библии и Псалмов на польском языке он получил особую привилегию. После кончины в 1745 г. первой жены Иоганн Генрих Гартунг вступил в 1746 г. во второй брак с Иоганной Цобель. В 1740-е годы он получает издательскую привилегию, приобретает основанный в 1722 г. книжный магазин Кристофа Готтфрида Эккарта, в 1751 г. к нему перешло и издательство Ройснера, где выходила газета «Королевская прусская Фама», переименованная затем в «Новое и интересное в делах политических и ученых». Гартунг занял главенствующее место в кенигсбергском издательском деле. В его издательстве выходили книги на немецком, латинском, латышском, литовском и польском языках, многочисленные труды по теологии, учебники для гимназии им. Фридриха (Collegium Fridericianum) [Kelchner, 1879; Schmidt, 1903]. Так, например, в 1756 г. вышла работа Иммануила Канта (1724–1804) «История и описание природы необычайных случаев землетрясения, потрясшего в конце 1755-го года большую часть Земли», стихотворения Иоганна Георга Бока (1698–1762), профессора, а затем и ректора Кенигсбергского университета; несколько трудов теолога, профессора Кёнигсбергского университета Теодора Кристофа Лилиенталя (1717–1781); сборник проповедей пастора Кристиана Давида Ленца (1720–1798), отца будущего писателя «Бури и натиска» Якоба Михаэля Рейнхольда Ленца; учебник по географии для гимназии им. Фридриха и др. Иоганн Генрих Гартунг скоропостижно скончался во время книжной ярмарки в Лейпциге 5 мая 1756 г.

В мемуарной литературе, в частности, в книге Маргареты фон Ольферс (эта фамилия тоже упоминается Набоковым в его воспоминаниях), Гартунг представлен набожным пие­тистом, как и его первая супруга Кристина [Olfers, 1937: 14]. От их брака произошла дочь Регина (1732–1805), вышедшая 6 февраля 1760 г. замуж за Иоганна Якоба Фишера. Иоганна Элизабет, родившаяся 11 апреля 1761 г., была первым ребенком в семье. Позднее на свет появилась ее сестра Шарлотта и два брата. Родители заботились о том, чтобы дать своим детям хорошее образование. Согласно мемуарной литературе, для девочек нанимали лучших учителей, какие были в Кенигсберге. Особое внимание уделялось изучению иностранных языков: французского, английского и итальянского. Поощрялись и занятия искусством, талант к которому у Элизабет проявился с раннего детства. Пение, танцы, живопись составляли неотъемлемую часть домашнего образования [Olfers, 1937: 27–30]. Эти занятия во многом сформировали личность Элизабет, ее художественную натуру. У нее был прекрасный альт, она участвовала в любительских театральных постановках, выполненные ею портреты впоследствии

вызывали похвалы знаменитых современников, включая Канта [Olfers, 1937: 5].

26 июля 1780 г., в возрасте 19 лет, Элизабет вступила в брак с советником юстиции Карлом Фердинандом Грауном (1753—1819). Мемуары М. фон Ольферс свидетельствуют о том, что выйти за него замуж Элизабет убедили родители. Девушка, жившая в мире грез и искусства, увлекавшаяся чтением Ричардсона и Руссо (ситуация была типичной задолго до пушкинского «Евгения Онегина»), не испытывала к нему никаких чувств, «только робость и беспокойство» [Olfers, 1937: 35]. Граун консультировал Фишера по юридическим вопросам, отец Элизабет надеялся поправить с его помощью пошатнувшееся финансовое положение. На решение Элизабет, увлекавшейся музыкой, повлияло и то, что он был сыном композитора Карла Генриха Грауна (1704—1759). О последнем Набоков упоминает в двух своих произведениях: «Память, говори» и «Другие берега», снова указывая некорректную дату рождения — 1701 г. Карл Генрих Граун, как и Гартунг, был родом из Саксонии, умер в Берлине, к Кенигсбергу отношения не имел, поэтому дальнейший разговор о нем, который тоже мог бы быть весьма интересен, выходит за рамки статьи.

Элизабет надеялась, что сын такого великого композитора сможет разделить ее увлечение искусством, однако ее предположения не оправдались. По свидетельству самой Элизабет, ее современников и биографов, брак был крайне несчастливим. Граун оказался педантом, на которого искусство навевало скуку, ожидавшим от супруги исполнения традиционных женских обязанностей, а не творческих занятий [Olfers, 1937: 38—43].

У Граунов появилось на свет двое детей: сын Фердинанд и дочь Антуанетта. Антуанетта родилась в 1785 г., а в 1787 г. Граун уехал по долгу службы в Берлин, оставив жену с детьми в Кенигсберге, где она стала вести совместное хозяйство со своей матерью Региной, в 1786 г. потерявшей мужа.

Согласно немецким источникам, именно в конце 1780-х годов в Кенигсберге возникает литературно-музыкальный салон Элизабет Граун, в котором бывали философы Кант и И.Г. Гаман (1730—1788), бургомистр и писатель Т.Г. фон Гиппель (1741—1796), друживший с его племянником Э.Т.А. Гофман (1776—1822), композитор И.Ф. Рейхардт (1752—1814) и другие известные жители Кенигсберга и его гости [Olfers, 1937: 135]. Вскоре после развода с первым мужем, 14 сентября 1796 г. Элизабет вступает в брак с Фридрихом Августом Штегеманом (1763—1840). Салон Элизабет и после ее нового замужества продолжил свое существование, сначала в Кенигсберге, а потом в Берлине. Из писателей его посетителями в Кенигсберге в начале XIX в. были упомянутый Набоковым Клейст, Ахим фон

Арним, Макс фон Шенкендорф; в Берлине, кроме того, Клеменс Брентано и Беттина фон Арним, Адам Мюллер, Людвиг Тик, Йозеф фон Эйхендорф, Адельберт фон Шамиссо и др. [Petersdorf, 1893: 77–91; Vogel, 2001: 135–136], из русских авторов — Жуковский, не относившийся к постоянным гостям салона, но посетивший его в 1827 г., будучи в Берлине проездом [Wilhelmy-Dollinger, 1989: 856]. Так что про «обилие и разнообразие соприкасаний» его предков с миром литературы Набоков заметил весьма точно.

Элизабет и сама была писательницей, правда, не получившей серьезного признания. Весьма интересно, что все ее произведения были посвящены именно дочери от первого брака Антуанетте.

Уже будучи во втором, счастливом браке со Штегеманом, Элизабет пишет роман «Воспоминания для благородных дам» (*Erinnerungen für edle Frauen*), автобиографическую основу которого составили ее отношения с первым супругом Грауном. Первая часть романа была написана в 1799 г., закончен он был в 1804 г. С рукописью были знакомы некоторые современники Элизабет, например, композитор Рейхардт [Staegemann, 1846: 233], знавший Элизабет с 1782 г. и бывавший в Кенигсберге наездами, после того как в 1775 г. стал придворным капельмейстером в Берлине, заняв место, некогда принадлежавшее Карлу Генриху Грауну, отцу первого мужа Элизабет.

Именно Рейхардт посоветовал Элизабет заняться литературным творчеством [Olfers, 1937: 156]. Он вообще принимал живое участие в судьбах писателей-современников. В Кенигсберге у него были дружеские отношения с писателями Т.Г. фон Гиппелем, И.Г. Шефнером, Я.М.Р. Ленцем. Гофман брал у него уроки музыки в Берлине [Kremer, 2009: 4, 31]. Рейхардт писал музыку к песням Гердера и ряду произведений Гёте и хотел, чтоб Элизабет пела в любительской постановке его «Эрвина и Эльмиры» по мотивам произведения знаменитого автора [Olfers, 1937: 157–158]. С 1791 г., в имении в Гибихенштейне, получившем позднее название «романтического рая поэтов», у него завязываются дружеские отношения со многими писателями и поэтами романтического круга: В. Вакенродером и Л. Тиком (с последним он находился в родственных отношениях), Новалисом, Жан Полем, братьями В. и Я. Гримм, А. фон Арнимом и К. Брентано и другими авторами [Neuß, 2007: 29]. В 1795 г. Рейхардт звал Элизабет провести лето в Гибихенштейне, где она «нашла бы кружок, соответствующий ее вкусу» [Neuß, 2007: 70]. В 1796 г. Рейхардт издает журнал «Германия», в седьмом номере которого была анонимно опубликована «Хвала нашему достопочтенному предку Альбрехту Дюреру, вознесенная отшельником — любителем искусств». В шестом и девятом номерах того же журнала Рейхардт анонимно публикует сонеты Штегемана, посвященные его супруге

Элизабет [Deutschland, 2003]. Сама Элизабет должна была написать для этого журнала портрет Канта, правда, по каким-то причинам он там не появился. Но тесное соседство с романтическими авторами отразилось в романе «Воспоминания для благородных дам», где главная героиня читает матери перед смертью «Фантазии об искусстве, для друзей искусства» Вакенродера и Тика (1799).

Роман был опубликован лишь в 1846 г. после смерти Элизабет и ее второго мужа Фридриха Августа Штегемана (1763—1840) историком Вильгельмом Доровом, приходившимся Рейхардту родственником. Таково было желание самой Элизабет.

«Воспоминания для благородных дам» — эпистолярный роман. В предисловии обрисовывается ситуация передачи писем, выполненная в сентименталистски-романтической эстетике. Написанные «без цели и плана», так что «правда и поэзия смешиваются странным образом» [Staegemann, 1846: 4, 5], передаваемые перед смертью, эти письма призваны хранить память и создавать образ, предстоящий перед душой читающего. Это образ женщины, погруженной в мир фантазии и искусства, вдохновенный полет которой парализует действительность. Ей приходится считаться с законами разума и необходимости, она следует своему долгу, но признается: «Я была супругой и матерью, но деятельность в идеальной сфере творчества всегда оставалась потребностью моего духа» [Staegemann, 1846: 8]. Именно такой запечатлевают Элизабет и воспоминания ее современников, и позднейшие мемуары ее потомков.

Основные персонажи романа — Элизабет и ее воображаемая подруга Мета, которой она сообщает свои мысли, переживания, чувства, сердечные порывы. Выбор этих имен подчеркивает автобиографическую направленность романа, представляющего, по сути, разговор с самим собой. Мета как фигура вводится для обозначения уровня рефлексии, для анализа самой себя, понимания собственной сущности, конструирования знания и памяти о себе самой.

В уста главной героини, которую также зовут Элизабет, писательница вкладывает следующие слова: «Я сама стала для себя загадкой. Иногда я думаю, что все прекрасно так, как есть, но когда М. вдруг неожиданно, как сегодня, отменит свой визит, и я бегу в хорошем настроении за свое фортепиано, пою одну из своих любимых песен, или сижу за своими рисунками и бумагами, я вдруг ловлю себя на том, что чувствую, как счастлива, как счастлива я могла бы быть *одна*» [Staegemann, 1846: 81].

Самопознание женщины, неожиданные открытия, которые она делает о самой себе, приводят ее к тому уровню рефлексии, на котором возникают уже не только личные, но и общественные вопросы. В «Воспоминаниях для благородных дам» ставится под сомнение

традиционное понимание брака. В уста своей героини Элизабет вкладывает вопрос: «Является ли единственной целью брака материальное обеспечение и занятие определенного места в обществе?» [Staegemann, 1846: 81].

В романе есть и диалог матери и дочери. Детство Элизабет, персонаж романа, провела в Грюнтале с матерью. Грюнталь — говорящее название («Зеленый дол»). Впоследствии ей пришлось переехать к отцу в Берлин, а после замужества — в Кенигсберг. Элизабет скучает по дому и не может разобраться в сложных отношениях отца и матери, долго живущих в разлуке. Фигура матери здесь тоже носит автобиографические черты, отражая ситуацию самой Элизабет, длительное время проведенной с матерью Региной и детьми в Кенигсберге, в то время как ее супруг Граун находился в Берлине. В романе в уста матери вкладываются слова, утверждающие обреченность на трагический стоицизм женщины, стремящейся сохранить собственную независимость: «Душе, подобной твоей, дочь моя, требуется много любви, чтобы быть счастливой; готовься к тому, что тебе, возможно, никогда не удастся ее найти. Любая опора обманчива, кроме той, которая внутри нас. Привыкни быть одной, чтобы стремление, столь свойственное женщине, примкнуть к познанию другого, к воле другого, ах, и к сердцу другого, не отдало тебя в руки существа, которое сможет украсть спокойствие твоего сознания, похитить тебя у тебя самой и отравить тебе все радости жизни. Будь скромна в своих притязаниях на счастье, в своих требованиях к людям, и никогда не ожидай для своего сердца внимания, которое смогло бы тебя удовлетворить, от людей, оглушенных суетой деловой жизни» [Staegemann, 1846: 43].

Несколько произведений Элизабет вышло в свет еще при ее жизни, примерно в то же время, когда писался роман, в жанрах, распространенных и в романтической литературе. Ее «Фрагменты» и «Фантазии», написанные в 1800 г., были анонимно опубликованы в 1801 г. в третьем и четвертом номерах журнала «Флора», вышедшего не в Кенигсберге, а в издательстве Иоганна Фридриха Котты (1764—1832). В третьем номере были опубликованы «Фрагменты, собранные в часы муз. Подарок одной немецкой матери на память своей дочери в день ее 17-летия» [Flora, 1801a: 101—170], в четвертом номере — «Фантазии, от автора фрагментов в предыдущей тетради» [Flora 1801b: 55—70]. Дочь Элизабет, которой были посвящены эти произведения, — снова Антуанетта Граун, упомянутая Владимиром Набоковым среди своих предков. Тематика «Фрагментов» достаточно традиционна для XVIII в. — это отношения мужчины и женщины, рассуждения об искусстве и моде, о долге и благородстве, о воспитании вкуса. Но Элизабет ставит в своих «Фрагментах» и достаточно

острые вопросы — об угнетенном положении женщины в семье и обществе, о том, что если мужчина не вызывает в женщине уважения, ей лучше отказать ему и самой зарабатывать себе на жизнь, чем ради мелкой выгоды стать от него зависимой и несчастной. Пишет она и о необходимости изучения наук для женщин, видя в таком изучении и действенное средство против опасной мечтательности и необдуманных, поспешных решений. Есть во «Фрагментах» и перекички с идеями Гердера, представление о том, что иностранные языки нужно изучать не просто ради моды, а для того, чтобы лучше понять дух той или иной нации.

Об Антуанетте Граун, старшей дочери Элизабет, известно немного. Как и ее мать, она обладала прекрасным голосом, выступала в любительских спектаклях как певица, ей тоже аккомпанировал Рейхардт [Petersdorf, 1893: 76]. В 1804 г. она вышла замуж за барона Николая (Никласа) фон Шмизинга / Корфа (1772–1813), в их браке в 1805 г. был рожден Фердинанд фон Корф, последний уроженец Кенигсберга в роду Набокова. У Антуанетты, как и у ее матери, это будет не единственный брак, после смерти супруга она во второй раз выйдет замуж в 1815 г. за офицера Фридриха фон Хорна [Wilhelmy-Dollinger, 1989: 848]. Однако изучение рода фон Корфов — дело уже не литературоведа, а историка.

Список литературы

1. *Васкиневич А.* Кёнигсбергский контекст творчества Г. фон Клейста: Элизабет Штегеман и ее круг общения // Балтийский филологический курьер. 2011. № 8. С. 54–78.
2. *Набоков В.В.* Память, говори / Пер. с англ. С. Ильина // Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 5. СПб, 1999. С. 314–594.
3. *Deutschland.* Ein Journal / hrsg. Von J.Fr. Reichardt. 1.1796–4.1796. Berlin: Unger. Nachdruck, 2003.
4. *Flora.* Teutschlands Töchtern geweiht von Freunden und Freundinnen des schönen Geschlechts. Drittes Vierteljahr. Tübingen, 1801a.
5. *Flora.* Teutschlands Töchtern geweiht von Freunden und Freundinnen des schönen Geschlechts. Viertes Vierteljahr. Tübingen, 1801b.
6. *Kelchner E.* Hartung, Johann Heinrich // Allgemeine Deutsche Biographie. In 56 Bdn. Bd. 10. Leipzig, 1879. S. 713–715.
7. *Kremer D.E.* T.A. Hoffmann. Leben. Werk. Wirkung. Berlin, 2009.
8. *Neuß E.* Das Giebichensteiner Dichterparadies. Halle, 2007.
9. *Ofers M.v.* Elisabeth von Staegemann. Lebensbild einer deutschen Frau 1761–1835. Leipzig, 1937.
10. *Petersdorf H.v.* Elisabeth von Staegemann und ihr Kreis. Berlin, 1893.
11. *Schmidt R.* Deutsche Buchhändler. Deutsche Buchdrucker. In 6 Bdn. Bd. 2. Berlin / Eberswalde, 1903. S. 382–386.

12. *Staegemann E.* Erinnerungen für edle Frauen. Nebst Lebensnachrichten über die Verfasserin und einem Anhang von Briefen. Leipzig, 1846.
13. *Vogel C.* Geschlechterdiskurs und Lebensrealität um 1800: Elisabeth von Staegemann — ihr literarisches Werk und ihr Salon. Regensburg, 2001.
14. *Wilhelmy-Dollinger P.* Der Berliner Salon im 19. Jahrhundert. Berlin, New York, 1989.

Anzhelika Vaskinevitch

VLADIMIR NABOKOV'S KÖNIGSBERG ANCESTORS

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14A, Nevskogo Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

This article discusses Vladimir Nabokov's memoirs about his German Königsberg ancestors as they help to get the picture of events and atmosphere which shaped the history of a line of Nabokov's family. Drawing on German literary memoirs, letters, scientific research, the article establishes biographical facts about the people mentioned in Nabokov's *Speak, Memory*, from Johann Heinrich Hartung to Antoinette Graun. Research finds inaccuracies and fills some lacunas about Nabokov's Königsberg ancestors. The article shows that the Hartung family were actively engaged in the cultural life of the city, they were acquainted with its prominent residents, including philosophers I. Kant and I.G. Hamann, and the burgomaster and writer T.G. von Hippel. Special emphasis is laid on the personality of Elisabeth, neé Fischer, in first marriage Graun, in second marriage Staegemann, a painter, writer, hostess of literary and musical salons in Königsberg and Berlin; her social life and literary ties with Königsberg authors and representatives of the Romantic Movement. The article examines her works written between 1799 and 1804 and dedicated to her daughter Antoinette: *Fragments* and *Fantasies* published in the magazine *Flora*, and the novel *Memoirs for Noble Ladies* published posthumously. The focus is on a woman's role in society and in the world. The article corroborates Nabokov's idea that a lot of his ancestors were closely connected with the literary world.

Key words: Nabokov; autobiography; memoirs; Staegemann; Königsberg.

About the author: *Anzhelika Vaskinevitch* — PhD (Philology), Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (e-mail: AVaskinevich@kantiana.ru).

References

1. Vaskinevitch A. Königsbergskij kontekst tvorčestva H. von Kleista: Elisabeth Staegemann i ee krug obshenija [The Königsberg Context of H. von Kleist Works: Elisabeth Staegemann and her Social Circle]. In: *Baltijskij filologičeskij kurjer* [The Baltic Philological Courier], 2011, 8, pp. 54–78. (In Russ.)

2. Nabokov V. *Pamjat, govori* [Speak, Memory]. In: *Nabokov V. Sobranije sochinenij amerikanskogo perioda* [Collected American Works]. Saint Petersburg, *Symposium Publ.*, 1999, 5, pp. 314–594. (In Russ.)
3. *Deutschland*. Ein Journal. Hrsg. Von J.Fr. Reichardt. 1.1796–4.1796. Berlin, *Unger. Nachdruck*, 2003.
4. *Flora*. Teutschlands Töchtern geweiht von Freunden und Freundinnen des schönen Geschlechts. Drittes Vierteljahr. Tübingen, *Cotta*, 1801a, 176 p.
5. *Flora*. Teutschlands Töchtern geweiht von Freunden und Freundinnen des schönen Geschlechts. Viertes Vierteljahr. Tübingen, *Cotta*, 1801b, 192 p.
6. Kelchner E. Hartung, Johann Heinrich. *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig, *Duncker & Humblot*, 1879, vol. 10, pp. 713–715.
7. Kremer D.E.T.A. *Hoffmann. Leben. Werk. Wirkung*. Berlin, *Walter de Gruyter Verlag*, 2009, 666 p.
8. Neuß E. *Das Giebichensteiner Dichterparadies*. Halle, *Fliegenkopf-Verlag*, 2007, 207 p.
9. Olfers M.v. *Elisabeth von Staegemann. Lebensbild einer deutschen Frau 1761–1835*. Leipzig, *Koehler & Amelang*, 1937, 246 p.
10. Petersdorf H v. *Elisabeth von Staegemann und ihr Kreis. Schriften des Vereins für die Geschichte Berlins*. Berlin, 1893, vol. 30, 4, pp. 67–95.
11. Schmidt R. *Deutsche Buchhändler. Deutsche Buchdrucker*. Berlin / Eberswalde, *Verlag der Buchdruckerei Franz Weber*, 1903, vol. 2, pp. 382–386.
12. Staegemann E. *Erinnerungen für edle Frauen. Nebst Lebensnachrichten über die Verfasserin und einem Anhang von Briefen*. Leipzig, *Hinrichs*, 1846, 240 p.
13. Vogel C. *Geschlechterdiskurs und Lebensrealität um 1800: Elisabeth von Staegemann — ihr literarisches Werk und ihr Salon*. Regensburg, Univ., 2001, 213 p.
14. Wilhelmy-Dollinger P. *Der Berliner Salon im 19. Jahrhundert*. Berlin, N.Y., *De Gruyter*, 1989, 1030 p.

ШКОЛА ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Т.А. Трипольская, И.П. Матханова

НАУЧНАЯ ШКОЛА «ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГОВОРЯЩЕГО» В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»,
630126, Новосибирск, Вилойская, 28*

Исследования, объединенные общей темой, направлены на изучение соотношения интерпретационных возможностей языковой системы и творческой активности говорящих, что подразумевает переключение внимания с отрагательной природы языка на способы языкового представления смысла. В центре внимания оказывается либо человек, интерпретирующий получаемые сообщения, а также рефлектирующий над своим и чужим речевым произведением, либо интерпретационный потенциал языка, либо событие объективного мира, которое может быть представлено тем или иным образом. Основой интерпретационных исследований являются результаты структурно-системных описаний: система варьирования языковой единицы разных уровней, связанных разными видами отношений, характеризующихся однозначностью / многозначностью, маркированностью / немаркированностью, узальностью / окказиональностью. Данная модель языковой системы и считается инструментом интерпретационной деятельности и носителя языка, и исследователя. На этом же фундаменте базируются и типологические исследования, предполагающие как выявление языковых универсалий, так и специфики сопоставляемых языков. Интерпретационная парадигма дает возможность органично объединить изучение лексических и грамматических возможностей языка в их взаимодействии.

Ключевые слова: научная школа; интерпретация; интерпретационный потенциал языковой системы; коммуникативная деятельность говорящего; объекты интерпретации; типы и режимы интерпретации.

Трипольская Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (e-mail: tr_tatiana@mail.ru).

Матханова Ирина Петровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (e-mail: matkhanova@mail.ru).

Исследования по теме «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего» ведутся преподавателями Новосибирского государственного педагогического университета с 1990-х годов. В 1994 г. вышел сборник «Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака в тексте» [Языковая личность..., 1994], в котором были сформулированы основные направления и принципы исследования. Отдельные проблемы, связанные с заявленной темой, рассматривались на конференциях и в статьях членов кафедры. С 1998 г. в Институте филологии, массовой информации и психологии НГПУ проводятся ежегодные Филологические чтения, посвященные проблемам интерпретации в лингвистике и литературоведении (в самом начале конференции имели статус всероссийских, а последние восемь лет — международных). Данная проблематика заинтересовала многих лингвистов, являющихся сторонниками разных лингвистических концепций, — из общей мозаики мнений и представлений постепенно прорисовываются некоторые общие черты и необходимые условия исследования интерпретационной составляющей языка и речевых произведений. В конференциях принимали участие специалисты из Новосибирска, Томска, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска, Челябинска, Иркутска, Самары, а также Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Швеции, Финляндии, Монголии, Китая, Италии и Германии.

По материалам «Филологических чтений» выпущена серия межвузовских сборников научных трудов, последовательно рассматривающих аспекты заявленной проблематики, фокусирующих внимание на взаимодействии лексики и грамматики в интерпретации языковой системы и речевых произведениях: «Языковая компетенция: грамматика и словарь» (1998); «Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике» (1999); «Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и творческой активности говорящего» (2002); «Проблемы интерпретационной лингвистики: Интерпретаторы и типы интерпретации» (2004); «Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим» (2007); «Комментарий и интерпретация текста» (2008); «Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте» (2009); «Проблемы интерпретационной лингвистики: поле как объект и инструмент исследования» (2011); «Дискурс лжи и ложь как дискурс» (2012); «Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение» (2013). В 2014–2016 гг. материалы конференций публиковались в «Вестнике НГПУ» (ВАК, Scopus). Помимо этого сотрудники кафедры современного русского языка и кафедры теории языка и межкультурной коммуникации

публикуют исследования в других изданиях, выступают на конференциях в России и за рубежом. По разным аспектам данной проблематики был защищен ряд диссертационных работ.

В 2012 г. научная школа получила официальное утверждение Новосибирского государственного педагогического университета, вошла в научные планы университета.

В 2015 г. был получен грант РГНФ-РФФИ для создания Базы данных прагматически маркированной лексики. Участники проекта сосредоточились на описании семантико-прагматического потенциала единиц разных тематических групп и способах ее лексикографического представления.

В текстах современных исследований стали весьма популярными термины *интерпретация*, *интерпретационизм*, *интерпретационное (интерпретативное) направление (аспект, подход, лингвистика)*, применяемые к разным объектам и используемые в разных филологических дисциплинах. Как считает Ю.Н. Чумаков, это объясняется кризисом позитивистских иллюзий, согласно которым сумма «объективного» знания непрерывно возрастает, оставаясь надежной и независимой от исследователя» [Чумаков, 2001: 3]. Это положение, в целом справедливое для всей филологической науки, имеет особое преломление в лингвистике, которая, накопив значительную эмпирическую базу, ставит задачи объяснить природу языковых явлений не только как отражательных, но и интерпретирующих. На новом витке развития науки лингвистика вновь обращается к идеям, высказанным еще в XIX в. Так, в трактовке В. Гумбольдта, язык не представляет собой прямого отражения мира, в нем отражаются акты интерпретации мира человеком, ср.: «Человек преимущественно — и даже исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, — живет с предметами так, как их преподносит ему язык... Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт, 1984: 82]. Как видим, идея интерпретационного подхода в изучении языковой системы и речевой деятельности человека не нова, к ней в разное время обращались представители разных лингвистических школ.

На нынешнем этапе развития лингвистических исследований важно сосредоточить внимание именно на соотношении интерпретационных возможностей системы и творческой активности человека. Речь не идет о принципиально новом объекте исследования, а об изменении угла зрения, о переключении внимания с отражательной природы языка на способы языкового представления смысла.

В рамках этого подхода выявляются и описываются внутренние связи между существующими направлениями современных семантических описаний. Интерпретационные исследования в настоящее время носят поисковый характер, лингвистами скорее ставятся проблемы, чем предлагаются готовые решения.

Под интерпретацией в парадигме лингвистического знания понимается способ представления смысла, разное видение объекта или описываемых ситуаций говорящим(и) на данном языке. Таким образом, в центре внимания лингвистов оказывается и интерпретационный потенциал языковой системы и языковая личность, продуцирующая и воспринимающая речь. В поле зрения попадает и исследователь-интерпретатор в первую очередь, когда речь идет о разных типах лексикографической интерпретации языкового материала.

В современной русистике определились следующие направления интерпретационных исследований: в центре внимания оказывается либо человек, интерпретирующий получаемые высказывания и текст, включая интерпретационную деятельность переводчика [Караулов, 1987; Демьянков, 1989; Леонтьева, 2017; Sonesson, 2014 и др.], а также рефлектирующий над своим / чужим речевым произведением [Вежбицкая, 1978; Винокур, 1993; Япон, 1989 и др.], либо интерпретационный потенциал языка [Бондарко, 2002; Болдырев, 2011 и др.], либо событие объективного мира, которое может быть представлено тем или иным образом [Чейф, 1983; Lyon, 1999]. Исследования в рамках этих направлений, как правило, абсолютно автономны и содержательно не пересекаются друг с другом, хотя каждый из этих подходов развивает неоднократно декларированное положение о взаимодействии языковой категоризации и творческой деятельности индивида [Матханова, Трипольская, 1994].

Интерпретационный подход органично встраивается в современную антропоцентрическую парадигму. В настоящее время назрела необходимость наметить моменты живого взаимодействия между различными направлениями современной лингвистики, которые так или иначе обращаются к проблематике интерпретации. Это помогло бы отчетливее выявить «общий знаменатель» интерпретационных исследований.

Очевидно, что основой интерпретационных исследований являются результаты структурно-системных описаний: система варьирования языковых единиц разных уровней, связанных парадигматическими, синтагматическими и деривационными отношениями и характеризующихся однозначностью / неоднозначностью, маркированностью / немаркированностью, узуальностью /okka-

циональностью и т.д. Данная модель языковой системы считается инструментом интерпретационной деятельности и носителя языка, и исследователя [Матханова, Трипольская, 2004; 2005]. На этом же фундаменте базируются и типологические исследования, предполагающие как выявление языковых универсалий, так и специфики сопоставляемых языков.

Отметим пересечение исследовательских векторов интерпретационной лингвистики и современной прагматики. Ведущим параметром в классификациях речевых актов (жанров) является типовая интенция говорящего. Пути ее считывания занимают и то и другое направления. В центре внимания этих исследований становится языковая личность и ее дискурс, за которым стоит языковая система [Караулов, 1987] и который интерпретируется говорящим как соответствующий или не соответствующий его коммуникативному замыслу.

Когнитивное описание языка также может быть рассмотрено в парадигме интерпретирующего подхода [Демьянков, 1994]. Н.Н. Болдырев и его последователи, напротив, рассматривают интерпретативный подход как составную часть когнитивистики (см., например: [Когнитивные исследования, 2014]). Теория интерпретации небезразлична к исследованию вопросов о ментальных структурах: концептах; фреймах; сценариях, которые моделируют, интерпретируют, отражают внеязыковую действительность. Разное семантическое членение действительности, отражаемое языками, обеспечивает существование разных национальных картин мира — именно в области интерпретационных семантических компонентов целесообразно искать национально-специфические черты. Так, рассматривая логические и мифологические основания метафоры в разных языках, мы актуализируем интерпретационный потенциал метафорической системы языка, за которым стоят специфика языкового освоения внеязыковой действительности, когнитивные особенности говорящих и их избирательный подход к выбору оснований для сопоставления иногда трудно сопоставимых объектов.

В рамках интерпретационного подхода рассматриваются главные параметры описания интерпретационной деятельности: объекты интерпретационного анализа; система ограничений в интерпретации; цели, типы и режимы интерпретации, а также субъекты-интерпретаторы. Так, в пределах интерпретационного подхода выделены первичная и вторичная, моносубъектная и полисубъектная, последовательная и параллельная интерпретации событий и фактов окружающего мира. Подобный подход позволяет объединить проблематику, связанную с первичным и вторичным

(а также оригинальным и переводным) текстами, ввести постоянные и переменные параметры интерпретационного процесса. Исследуя этот процесс, можно говорить и о разных типах интерпретаторов: так, чужая оценка, рассмотренная в качестве вторичного последовательного и полисубъектного текста, воспроизводится либо говорящим-регистратором, либо говорящим-интерпретатором, практически соавтором «хозяина» первичной эмоциональной / рациональной оценки.

Интерпретационный подход, включающий обе сформировавшиеся ветви, позволяет снять междисциплинарные рамки, которые, несмотря на усилия лингвистов последнего двадцатилетия, тем не менее доминируют, сводя, например, когнитивные (лингвокультурологические) исследования по моделированию языковой картины мира к ее лексическому воплощению по преимуществу, а изучение идиоэтнического интерпретационного компонента — по большей части к области грамматики.

Изучение интерпретационного потенциала языковой системы для представления того или иного фрагмента внеязыковой действительности путем встречного движения «от лексики» и «от грамматики» дает значимые результаты, что позволяет выявить: зоны языкового выбора и зоны безальтернативной номинации / выражения смысла; вариативные возможности лексической и грамматической подсистем языка; множественность интерпретации; отражательные и интерпретирующие (по преимуществу) языковые категории. Кроме того, можно увидеть компенсаторные механизмы языка: имеющиеся грамматические ограничения восполняются возможностями лексической системы, и наоборот (см., например: [Матханова, Трипольская, 2009]).

Нам представляется, что такой взгляд на потенциал языковой системы и коммуникативную деятельность человека позволяет получить новое знание о языке и новое знание о говорящем субъекте.

Список литературы

1. *Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11–16.
2. *Болдырев Н.Н.* Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. М.; Тамбов, 2014. С. 20–28.
3. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М., 2002.
4. *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 402–421.

5. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1973.
6. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
7. *Демьянков В.З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты моделирования на ЭВМ. М., 1989.
8. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
9. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010.
10. Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. М.; Тамбов, 2014.
11. *Леонтьева К.И.* Антропоцентрическое моделирование (художественного) перевода: взгляд с позиции когнитивной семиотики // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVIII. Антропоцентрический характер языка. М.; Тамбов, 2017. С. 377–409.
12. *Ляпон М.В.* Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24–34.
13. *Матханова И.П., Трипольская Т.А.* Интерпретационный компонент в языке и творческая активность говорящего // Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака в тексте. Новосибирск, 1994. С. 115–123.
14. *Матханова И.П., Трипольская Т.А.* Интерпретационные аспекты лингвистики: проблемы и пути исследования // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации. Новосибирск, 2004. С. 6–19.
15. *Матханова И.П., Трипольская Т.А.* Проблемы интерпретационных исследований: типы и режимы интерпретации // Вестн. Моск. унта. Сер. 9. Филология. 2005. № 5. С. 88–105.
16. *Матханова И.П., Трипольская Т.А.* Лакунарность в системе эмотивных средств языка (языковая ситуация эмоции удивления) // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск, 2009. С. 6–16.
17. *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М., 1983. С. 35–73.
18. *Чумаков Ю.Н.* Предисловие // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы Первых Филологических чтений, посвященных 65-летию НГПУ. Новосибирск, 2001. С. 3–7.
19. Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака в тексте. Новосибирск, 1994.
20. *Lyons G.* Language and perceptual experience // Philosophy. Cambridge; N.Y., 1999. Vol. 74. № 290. P. 515–534.
21. *Sonesson G.* Translation and Other Acts of Meaning: In Between Cognitive Semiotics and Semiotics of Culture, Cognitive Semiotics. 2014. Vol. 7 (2). P. 249–280.

Tatiana Tripolskaya, Irina Matkhanova

**THE SCIENTIFIC SCHOOL “THE INTERPRETATION
POTENTIAL OF THE LANGUAGE SYSTEM AND THE CREATIVE
ACTIVITY OF THE SPEAKER” AT THE NOVOSIBIRSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

*Novosibirsk State Pedagogical University
630126, Novosibirsk, Vilyuskaya 28, building 3, office 306*

The studies are aimed at examining the correlation of the interpretative possibilities of the language system and the creative activity of the speaker, which means switching attention from the reflective nature of the language to the ways of linguistic representation of meaning. The focus is the interpretative potential of the language, or an event of an objective world that can be represented in one way or another by a person that interprets received messages and reflects on his / her own speech and the speech of others. The basis for interpretative studies is the results of structural and systemic descriptions: linguistic units varying from level to level and connected by different types of relations. This model of a language system is a tool enabling to interpret the native speaker and the researcher. Typological studies are based on the identification of language universals and specifics of the languages to be compared. The interpretative paradigm makes it possible to naturally combine the study of lexical and grammatical possibilities of the language.

Key words: scientific school; interpretation; interpretation potential of the language system; communicative activity of the speaker; objects of interpretation; types and modes of interpretation.

About the authors: *Tatiana Tripolskaya* — Prof. Dr., Head of the Department of Modern Russian Language, Novosibirsk State Pedagogical University (e-mail: tr_tatiana@mail.ru); *Irina Matkhanova* — Prof. Dr., Professor of the Chair of Modern Russian Language Novosibirsk State Pedagogical University (e-mail: matkhanova@mail.ru).

References

1. Boldyrev N.N. Interpretiruyushchaya funkciya yazyka [An interpretative Function of Language], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2011. № 33 (248). *Philologiya. Iskusstvovedenie* [Philology. Arts]; issue 60, pp. 11–16. (In Russ.)
2. Boldyrev N.N. Interpretaciya mira i znanij o mire v yazyke [Interpretation of the world and world knowledge in language], *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. [Cognitive studies of language], vol. XIX. Kognitivnoe var'irovanie v yazykovoj interpretacii mira [Cognitive variation in linguistic interpretation of the world], Moscow, Tambov, 2014, pp. 20–28. (In Russ.)

3. Bondarko A.V. Teorija znachenija v sisteme funkcional'noj grammatiki (na materiale ruskogo jazyka) [Theory of meaning in the system of functional grammar (on the material of the Russian language)], Moscow: *Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ.*, 2002. (In Russ.)
4. Vezhbitskaya A. Metatekst v tekste [Metatext in the text], *Novoe v zarubeznoj lingvistike* [New in foreign linguistics], Moscow: *Progress Publ.*, 1978; issue. 8. Lingvistika teksta [Linguistics of the text], pp. 402–421. (In Russ.)
5. Vinokur T.G. Govorjashhij i slushajushhij: varianty rechevogo povedenija [Speaker and listener: variants of speech behavior], Moscow: *Nauka Publ.*, 1973. (In Russ.)
6. Gumboldt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected works on linguistics], Moscow: *Progress Publ.*, 1984. (In Russ.)
7. Demyankov V.Z. Interpretacija, ponimanie i lingvisticheskie aspekty modelirovanija na EVM [Interpretation, understanding and linguistic aspects of computer modeling], Moscow, *Publ. of the Moscow State University*, 1989. (In Russ.)
8. Demyankov V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podhoda [Cognitive linguistics as a kind of the interpreting approach] *Voprosy. jazykoznanija*, 1994, № 4, pp. 17–33. (In Russ.)
9. Karaulov Yu.N. Russkij jazyk i jazykovaya lichnost' [The Russian language and Linguistic Personality], Moscow, *LKI, URSS Editorial Publ.*, 2010. (In Russ.)
10. Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive studies of language], vol. XIX. Kognitivnoe var'irovanie v jazykovej interpretacii mira [Cognitive variation in linguistic interpretation of the world]. Moscow, Tambov: *Tambovskij gosudarstvennyj univ*, 2014. (In Russ.)
11. Leontyeva K.I. Antropocentricheskoe modelirovanie (hudozhestvennogo) perevoda: vzglyad s pozicii kognitivnoj semiotiki [Anthropocentric (subject-oriented) modeling of (literary) translating: a Cognitive Semiotics perspective], *Kognitivnye issledovaniya jazyka*. [Cognitive studies of language], vol. XVIII. *Antropocentricheskij harakter jazyka* [Anthropocentric nature of language]. 2017, pp. 377–409. (In Russ.)
12. Lyapon M.V. Očnochnaja situacija i slovesnoe modelirovanie [Evaluation situation and verbal modeling]. *Jazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1989, pp. 24–34. (In Russ.)
13. Matkhanova I.P., Tripolskaya T.A. Interpretacionnyj komponent v jazyke i tvorčeskaya aktivnost' govoryashchego [The Interpretational Component in Language and Creative Activity of Speaker], *Jazykovaya lichnost': problemy vybora i interpretacii znaka v tekste* [The Linguistic Personality: problem of choice and interpretation of linguistic sign in the text], Novosibirsk, *Publ. of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 1994, pp. 115–123. (In Russ.)
14. Matkhanova I.P., Tripolskaya T.A. Interpretacionnye aspekty lingvistik: problemy i puti issledovanija [Interpretational aspects of linguistics: problems and ways of research]

- problems and ways of research]. Problemy interpretacionnoj lingvistiki: interpretatory i tipy interpretacii [Problems of interpretational linguistics: interpreters and types of interpretation]. Novosibirsk, *Publ. of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2004, pp. 6–19. (In Russ.)
15. Matkhanova I.P., Tripolskaya T.A. Problemy interpretacionnyh issledovanij: tipy i rezhimy interpretacii [Problems of interpretation studies: types and modes of interpretation]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologija* [Moscow University Bulletin. Philology Series]. 2005. Issue 5, pp. 88–105. (In Russ.)
 16. Matkhanova I.P., Tripolskaya T.A. Lakunarnost' v sisteme emotivnyh sredstv jazyka (jazykovaja situacija emocii udivlenija) [Lacunarity in the system of emotive means of language (language situation of emotion of surprise)]. Lakunarnost' v jazyke, kartine mira, slovare i tekste [Lacunarity in language, world picture, dictionary and text]. Novosibirsk, *Publ. of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2009, pp. 6–16. (In Russ.)
 17. Chafe W. Pamjat' i verbalizacija proshlogo opyta [The recall and verbalization of past experience]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [The New in foreign linguistics]. Moscow, *Raduga Publ.*, 1983, issue 12. *Prikladnaja lingvistika* [Applied Linguistics], pp. 35–73. (In Russ.)
 18. Chumakov Ju.N. Predislovie [Foreword]. Problemy interpretacii v lingvistike i literaturovedenii. Materialy Pervyh Filologicheskikh chtenij, posvjashhennyh 65-letiju NGPU. [Problems of interpretation in linguistics and literary criticism. Materials of the First Philological Conference dedicated to the 65th anniversary of the Novosibirsk State Pedagogical University]. Novosibirsk, *Publ. of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2001, pp. 3–7. (In Russ.)
 19. Yazykovaya lichnost': problemy vybora i interpretacii znaka v tekste [The Linguistic Personality: problem of choice and interpretation of linguistic sign in the text], Novosibirsk, *Publ. of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 1994, pp. 115–123. (In Russ.)
 20. Lyon G. Language and perceptual experience. *Philosophy*. Cambridge; N.Y., 1999, vol. 74, № 290, pp. 515–534. (In Eng.)
 21. Sonesson G. Translation and Other Acts of Meaning: In Between Cognitive Semiotics and Semiotics of Culture. *Cognitive Semiotics*. 2014, vol. 7 (2), pp. 249–280. (In Eng.)

Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская

ЛОГИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕТАФОРЫ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ В СЛОВАРЕ АКТИВНОГО ТИПА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»,
630126, Новосибирск, Вилюйская, 28*

Настоящее исследование посвящено метафорической интерпретации внеязыковой действительности и способам лексикографического отражения метафорического потенциала языка и особенностей механизмов регулярной многозначности в источниках нового поколения — активных / универсальных словарях русского языка.

Применительно к метафорическому значению проблема лексикографирования максимально полной информации о языковом знаке включает необходимость / возможность экспликации механизма метафоризации, представляющего особенности метафорического (логического и мифологического) освоения мира. Прежде всего это касается отражения в словаре оснований для переноса наименования, осмысления релевантных для говорящих признаков, которые увязывают в картине мира социума объекты, относящие к разным тематическим областям.

Активная лексикография ставит задачу максимально полного представления информации о слове, а применительно к метафоре — это в первую очередь ее представление как познавательного процесса, связанного с культурой, историей, мифологией, психологией поведения социума.

Предпринятый анализ лексикографического описания метафорической семантики в Активном словаре русского языка свидетельствует о плодотворности попытки эксплицировать механизм метафоризации как когнитивный процесс познания и интерпретации внеязыковой действительности. Независимо от понимания места коннотативного содержания — в составе периферийной зоны лексического значения или вне его — информация об основании переноса наименования или о его затемненности / отсутствии в современном языке актуальна для исследователей, носителей и изучающих русский язык как иностранный.

Булыгина Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (e-mail: bulyginalena2010@mail.ru).

Трипольская Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (e-mail: tr_tatiana@mail.ru).

Исследование лексикографирования метафоры во всей многоплановости и сложности ее семантики, включая когнитивные аспекты, позволяет наметить актуальный круг проблем семантического и прагматического изучения языкового знака. Активный словарь входит в современный исследовательский контекст, с одной стороны, генерируя новые векторы научного поиска, с другой — осмысляя в лексикографическом ключе результаты этого поиска.

Ключевые слова: интерпретационная лингвистика; метафорический потенциал языковой системы; активный словарь; способы лексикографирования метафоры.

Проблематика интерпретационной лингвистики (далее — ИЛ) органично соединяет системно-структурное и коммуникативно-прагматическое исследование языка, однако задает и особый угол зрения: предполагает описание интерпретационного потенциала языковой системы и изучение творческой активности говорящих. Под интерпретацией понимается способ представления смысла, разное видение объекта или описываемых ситуаций коммуникантами. Объектами интерпретационных исследований становятся внеязыковая действительность, событие, которое человек воспринимает через призму своего языка, и язык как интерпретирующая система. Интерпретационные возможности лексической и грамматических систем в парадигме ИЛ рассматриваются не изолированно, напротив, учитывается потенциал разноуровневых единиц как семантически и прагматически дополняющих друг друга в представлении внеязыковой ситуации.

В поле зрения исследователей попадают вопросы языковой интерпретации событий мира реального, виртуального и внутреннего, а также понятие интерпретационных фильтров разных уровней, оказывающих влияние на выбор говорящим языковых средств.

Настоящее исследование посвящено метафорической интерпретации внеязыковой действительности и лексикографическим способам отражения метафорического потенциала языка и особенностей механизмов регулярной многозначности в источниках нового поколения — активных / универсальных словарях русского языка.

Идея словаря активного типа в общем виде сформулирована А. Реем и С. Делесаль, по мнению которых, словарь «не работает» до тех пор, пока в нем не содержится основных правил употребления слова, его существенных коммуникативных характеристик, которые помогли бы пользователю следовать принятым нормам коммуникации. «Словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их действию» [Рей, Делесаль, 1983:263]. Концепция активного / универсального словаря получила дальнейшее развитие в современной науке. Подобные лексикографические

проекты примерно в это же время обсуждались и в русистике: создание универсального словаря, включающего энциклопедическую, культурно-историческую и этнолингвистическую информацию о слове [Гак, 1988], проблема соотношения антропоцентрического и лингвоцентрического подходов в лексикографировании [Морковкин, 1988], а также концепция словарей активного типа под руководством Ю.Д. Апресяна [Апресян, 2004; Апресян, 2014]. Концепция универсального словаря формируется в рамках антропоцентрической лексикографии, включающей такие словари, как Русский семантический словарь под редакцией Н.Ю. Шведовой¹, Русский ассоциативный словарь под редакцией Ю.Н. Караулова² и некоторые др.

При ближайшем рассмотрении термины «активный» и «универсальный» понимаются зачастую как синонимы: так называемая активная информация о слове А. Рея и С. Делесаль, которые делали упор на прагматической составляющей в словарной статье, позволяющей увидеть коммуникативные «правила» употребления слова, в русской лексикографии, видимо, включается в универсальную информацию о языковой единице. Так, Ю.Д. Апресян, по сути, не разграничивает эти термины, акцентируя противопоставление активного и пассивного словарей. С его точки зрения, можно выделить два основных отличия «пассивного» и «активного» словарей: активные словари «предназначены для того, чтобы обеспечить нужды говорения или, более широко, нужды производства текстов. <...> Основная формула канонического активного словаря — существенно меньше слов <...>, но по возможности полная, в идеале исчерпывающая информация о каждом слове, необходимая для его правильного употребления в собственной речи говорящих» [Апресян, 2014: 6–7].

В силу этого понятна и закономерна попытка обращения / возвращения к принципу энциклопедизма в словаре: обсуждается круг вопросов о назначении словаря, адресате, объеме лексикографической информации, способах подачи материала, источниках и метаязыке; кроме того осмысляются понятия активности, интегральности (описание лексики максимально согласуется с описанием его «грамматики» в широком смысле слова, то есть со сводом всех достаточно общих правил данного языка), ориентации на отражение «наивной», или языковой, картины мира и некоторые другие [Апресян, 2013: 447].

¹ Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь: В 2 т. М., 2000.

² Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002 (РАС).

Вопрос о том, что именно должен включать активный словарь по сравнению с традиционными толковыми словарями, до сих пор остается открытым: нужна ли в словаре нового типа коммуникативно значимая информация (в каком объеме и каким способом представленная), включающая национально-культурную, идеологическую, гендерную, эмоционально-оценочную, а также коммуникативно-ситуативную составляющие.

Применительно к метафорическому значению проблема лексикографирования максимально полной информации о языковом знаке включает необходимость / возможность экспликации механизма метафоризации, представляющего особенности метафорического (логического и мифологического) освоения мира. В первую очередь это касается отражения в словаре оснований для переноса наименования, осмысления релевантных для говорящих признаков, которые увязывают в картине мира социума объекты, относящие к разным тематическим областям. Известно, что в разных языках в процессах метафоризации могут быть востребованы различные признаки одного и того же предмета, поэтому экспликация оснований метафорического переноса актуальна для исследователей и для пользователей языка.

Изучение когнитивных метафорических моделей представления действительности успешно решается когнитивной лингвистикой, заявившей о себе в начале 1980-х годов (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, Ж. Фоконье, Д. Герартс, А. Ортони, Ч. Филлмор, У. Чейф, А. Вежбицкая, Р.М. Фрумкина, Е.М. Кубрякова, Е.В. Рахилина, В.З. Демьянков и др.). Так, метафора как способ осмысления мира рассматривается в работе Э. МакКормака «Когнитивная теория метафоры», в которой он дает определение метафоре как некоему познавательному процессу: причиной возникновения метафоры является сопоставление семантических концептов, в значительной степени несопоставимых человеческим разумом, путем определенных организованных операций. С одной стороны, метафора предполагает наличие сходства между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понята, а с другой — несходства между ними, так как метафора призвана создать некий новый смысл. Она основана скорее на соответствиях в нашем опыте, чем на логическом сходстве [МакКормака, 1990]. Напомним, Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что «область-источник» и «область-цель» не связаны по своему существу [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 2008].

Сведения о метафоре как способе интерпретации действительности, накопленные в рамках когнитивного подхода, ждут своего лексикографического осмысления, в частности это касается экспликации механизма метафорообразования.

Вопрос о необходимости / возможности лексикографической экспликации смысловой связи прямого и переносного значений не раз обсуждался в традиционной лексикографии.

Г.Н. Скляревская, рассматривая сущность семантических преобразований при метафоризации, отмечает, что «для определения сущности языковой метафоры необходимо прежде всего выделить и определить семантический элемент, участвующий в преобразовании смысловой структуры слова, то есть тот элемент, который связывает исходное и метафорическое значения и даёт импульс к развитию метафоры» [Скляревская, 1988: 19]. Этот смысловой элемент рассматривают как имеющий разный статус в структуре прямого значения (денотативная или коннотативная сема) [Журавлёв, 1982: 60; Черкасова, 1968: 10] или как признак, служащий основой для метафорического переноса, часто вообще не являющийся элементом этой структуры. Ср.: «такой признак, являясь устойчивой ассоциацией, связанной с представлением о явлении, которое обозначает слово, не может считаться ни дифференциальной семой, ни вообще конструктивным элементом значения» [Шмелёв 1973: 193, 231]. Представление о лексическом значении как открытой структуре, включающей семантическую периферию (коммуникативная или интегральная модель лексического значения) [Никитин, 1983; Стернин, 1985] примиряет две эти исследовательские позиции и позволяет говорить о двух механизмах образования денотативной и ассоциативной метафоры, лексикографирование которых имеет свою специфику.

Анализ словарных материалов показывает, что связь прямого и переносного значений последовательно отображается в семантизации денотативной метафоры. Ср.: **кремень**. 1. Очень **твёрдый** минерал <...>. // Перен. О человеке **твёрдо** непреклонного нрава <...>; **калейдоскоп**. 1. Оптический прибор-игрушка в виде трубки <...>, в котором можно наблюдать **быстро сменяющиеся** разнообразные узоры. 2. Перен. **Быстрая смена мелькающих** образов, лиц, явлений, событий (БАС)³.

В ассоциативной метафоре обычно такая связь не отображается словарем, поскольку в исходном значении фиксируется минимальный набор дифференциальных признаков. Именно о таких случаях писала Е.Э. Биржакова, подчеркивая необходимость подобной информации для пользователя толкового словаря: например, зооним *тюлень* должен в толковании содержать элементы ‘толстый’, ‘неповоротливый’, ‘ленивый’, которые «провоцируют» метафорическое значение [Биржакова, 1957]. Автор предлагает в толкование ‘морское

³ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.Т. 5. М.; Л., 1950–1965 (БАС).

ластоное млекопитающее' добавить характеристики «неуклюжий», «неповоротливый» и пр. Эта идея не получила поддержки лексикографов: минимизация информации в российской лексикографической традиции неразрывно связана с доминированием системного изучения языка, когда одной из задач являлось выделение дифференциальных признаков лексического значения, отличающих одно слово от другого и соответственно одну реалию от другой; отсутствие энциклопедической информации, которая эксплицирует связь языка и мышления; преобладание в языке ассоциативных метафор, требующих специальных пояснений, в корне бы меняло принятую лексикографическую схему и увеличивало бы объем словарной статьи; толковые словари в основном ориентировались на носителя русского языка, который владеет соответствующими фоновыми знаниями. Для традиционной лексикографии приведенные аргументы представляются вполне основательными.

Г.Н. Складаревская отмечает еще одну лексикографическую проблему: словарь иногда отражает не только вектор смыслового развития семантической структуры слова, но и в ряде случаев фиксирует обратное влияние переносного значения на исходное. «Биологические признаки» попугая (словарь дает комплекс научных и бытовых представлений о животном) не включают способность подражать звукам речи и др., однако производящее значение под влиянием метафоры толкуется как «птица, <...> **способная выучиться путем подражания произносить слова**» [Складаревская, 1988: 21].

Активная лексикография ставит другие задачи, а применительно к метафоре это в первую очередь ее представление как познавательного процесса, связанного с культурой, историей, мифологией, психологией поведения социума. Авторы «Активного словаря русского языка» (далее — АС) [Активный словарь русского языка, 2014] предлагают лексикографическую интерпретацию метафоры, которая вписывается в общую концепцию словаря: толкование; условия реализации лексем; внеязыковая информация; коннотации; системные связи и особенности управления слова.

Нас интересует прежде всего представление в словарной статье мотивации метафорического значения: его связь с производящим значением, круг коннотаций и образных ассоциаций, связанных с исходным значением. Ср.: **алмаз 1.2.**

ЗНАЧЕНИЕ. 'Прозрачный кристалл алмаза с отшлифованными до блеска гранями, используемый как **ювелирное украшение**'

1. Образные употребления: алмазы росы, небо в алмазах; Над нами небосвод из черного бархата, усеян миллиардами мерцающих алмазов («Театральная жизнь», 2003. 08.25).

2. **Коннотации: прекрасное; чистота, твердость [чистый и твердый, как алмаз]; большая ценность.** <...> (Выделено нами — Б.Е., Т.Т.).

алмаз 1.3, часто ПРЕДИК; перен. уходящ.

Англичане называют эвкалипт алмазом лесов.

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Что-л. прекрасное или исключительно ценное’ [по коннотациям большой ценности или прекрасного].

— **Алмаз** вы наш небесный, **драгоценнейший** господин директор, — дребезжающим голосом ответил помощник мага, — наша аппаратура всегда при нас (М. Булгаков). <...> [АС, 2014: 72].

В этом случае зафиксированные коннотации («чистый, прозрачный» и «дорогой, бесценный»), связанные с указанным значением 1.2, адекватно отражают направление, логику и основание метафорического переноса. Выявление коннотаций в этом случае не представляет трудностей: денотативная метафора развивает семантические признаки, заложенные в исходных значениях.

Однако само понятие коннотации, способы ее выделения и принципы лексикографирования для разных типов метафор остаются дискуссионными.

Понятие коннотации обсуждается в работах Ю.Д. Апресяна, Н.А. Лукьяновой, Г.Н. Скляревской, И.А. Стернина, В.Н. Телии и др. Спорными вопросами в трактовке коннотации являются: содержание коннотативного компонента и его место в структуре лексического значения или за его пределами.

В современной лингвистике существуют широкий и узкий подходы к пониманию коннотации⁴: узкое понимание коннотации исчерпывается компонентами оценочность, эмотивность, образность, интенсивность (чрезмерность признака), которые тесно связаны с денотативным содержанием лексического значения слова. При широком подходе, представленном в работах В.Н. Телии, коннотация — это «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное <...> содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому, <...> с социальными отношениями участников речи и т.п.» [Телия, 1990: 236]. Такое определение коннотации вполне соотносимо с пониманием прагматического макрокомпонента значения.

⁴ См.: Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 3–22; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. 1985; Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 157–178.

Иная позиция отражена в работах Ю.Д. Апресяна, который развивает идеи Д.Н. Шмелева [Шмелев, 1973]: «Коннотациями называются те закреплённые в языке образные представления, которые ассоциируются в сознании носителей языка с объектом или явлением, обозначенным данной лексемой, но не входят непосредственно в ее значение» [АС, 2014: 23]. Именно это понимание коннотации нашло отражение в Активном словаре русского языка, оно вполне соотносимо с ассоциативными смыслами, которые вслед за А.Ж. Греймасом, В.Г. Гаком, М.В. Никитиным и И.А. Стерниным рассматриваются как периферийные элементы (часто диспозиционные) интегральной (коммуникативной) модели лексического значения слова.

Лексикографическая фиксация коннотаций предполагает предварительное семантико-прагматическое исследование разных групп метафорической лексики в первую очередь ассоциативных метафор, связь которых с производящим значением часто не очевидна, порой затемнена и противоречива. Мотивация метафорического значения в этих случаях обусловлена представлениями / заблуждениями / мифами языкового коллектива: так, миф об особой хитрости лисы, трусости зайца, лености тюленя опровергается специалистами-этологами.

Иллюстративный материал толковых словарей, например, ТСУ⁵, демонстрирует вариативный потенциал метафорического значения, развивающего диспозиционные (мифологические) признаки периферийной зоны семантики леммы: *Андрюшка! Ах, тюлень ленивый* (М. Лермонтов); — *Какой вы, однако, тюлень, Володя! Вы всё сидите, молчите* (А. Чехов).

Динамические процессы в метафорическом значении подтверждают материалы Национального корпуса русского языка⁶: *Муж Ларисы Николаевны бы тюлень. Семья для него давно стала мягкой подушкой, а он для жены — принадлежностью квартиры. Придя с работы, он долго, с наслаждением обедал, потом спал. Потом, прочухиваясь, читал газеты и крутил приёмник* (А. Солженицын. В круге первом); *Севастопольский ополченец Павел, сероглазый и пухлый, как добрый тюлень, в очередной раз едет в Симферополь* (Ю. Гугова. Родина и родина // «Русский репортер», 2014); *Врачи больших городов рисовались маме сытыми, гладкими, как тюлени, и все как один — богатыми* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»); *Замелькали спины, ноги, руки. Тёткин отфыркивался, как тюлень* (И. Грекова. На

⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4 (ТСУ).

⁶ Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 17.04.2018).

испытаниях); *По лужам полз одинокий автобус, фыркая, как тюлень* (Д. Колодан, К. Шаинян. Над бездной вод).

Представляется, что в соответствующей словарной статье активного словаря могла бы появиться информация об ассоциативных (коннотативных — в терминологии авторского коллектива) метафорообразующих элементах: внешние признаки ('толстый', 'гладкий', 'неповоротливый'), поведение ('малоподвижный', 'ленивый', 'громко фыркающий').

Прекрасно понимая, что невозможно осуществить специальное семантико-прагматическое исследование каждой ассоциативной метафоры, все же отметим случаи, когда лексикографирование смысловой связи производящего и производного значений в АС требует уточнений, дополнений или корректировки.

Сосредоточим внимание на двух зонах словарной статьи АС: зона модификации значения, а именно образные употребления, и зона коннотации. По мнению авторского коллектива, эти два типа информации взаимообусловлены (см. толкование слова *ангел*, с. 85) и, как нам кажется, должны быть актуальными для лексикографирования метафоры.

Словарные материалы первого и второго томов АС представляют разные решения этой лексикографической проблемы. Пример последовательной реализации замысла авторов словаря рассмотрен нами выше (см. лексему *алмаз*).

В словах *артист, актер, адвокат, агрессивный, волшебник, вулкан* и др. не фиксируются образные употребления и коннотации, связывающие исходное и метафорическое значения, хотя последнее отражено в словаре и проиллюстрировано: **артист 1** ЗНАЧЕНИЕ. 'Человек, профессией которого является исполнение произведений искусства в области А2' <...>. **артист 2.1**

Это лучшая парикмахерская города, там все мастера — артисты. ЗНАЧЕНИЕ 'Очень хороший профессионал, творчески выполняющий свою работу А2, причем А2 обычно выполняется руками' <...>. **артист 2.2** *До чего естественно разыграл оскорбленную невинность! Ну и артист!* ЗНАЧЕНИЕ. 'Человек очень хорошо умеющий притворяться не тем, кем он является на самом деле, — как бы играть какую-то роль, что обычно отрицательно оценивается говорящим'. <...> [АС, 2014: 109–110].

Связь производящего и производного значений не актуализируется и при описании слова *актер*: между первым и вторым значением, маркированным пометой перен. (переносное), отсутствуют комментарии о коннотациях и образном употреблении. Адресат ожидал бы увидеть ряд ассоциативных смыслов, связанных или входящих в прямое значение, 'притворщик', 'изображать', 'шут', 'маска'

(РАС). Ассоциация с притворством находит свое отражение только в зоне синонимов [АС, 2014: 65]. Ср. также семантизацию метафоры *адвокат* — пометы перен. (неодобр.), — в которой отсутствует информация об образном употреблении и коннотации.

Вопрос о последовательности расстановки пометы ‘переносное’ требует отдельного обсуждения: далеко не всегда интерпретация метафоры как живой или стёртой толковыми словарями является бесспорной и актуальной. Отметим, что в АС наличие / отсутствие зоны образных употреблений не коррелирует с пометой переносное.

Чаще представлена зона коннотаций, связывающая прямое и переносное (с пометой перен.) значения, при отсутствии указания на образное употребление. Ср.: **ворона 1** <...>. Коннотации: рассеянность, невнимательность. <...>. **ворона 2**, в функции сказуемого; перен., разг. *Вот ворона! Забыла дома проездной.* ЗНАЧЕНИЕ. ‘Рассеянный, невнимательный человек, который часто что-то теряет или роняет’ [по коннотации рассеянности, невнимательности] [АС, 2014: 257–258]. Подобный комментарий в скобках появляется от случая к случаю. Содержание значения, никак не соотносится с исходной семантикой (*дикая птица размером немного меньше курицы, с мощным клювом* <...>). Ассоциативное поле слова *ворона* включает следующие реакции: чёрная 19; белая 15; птица 8; каркает 7; каркнула, сыр 3; ворон, глупая, и лисица, каркала <...> 2; <...> лиса, на дереве <...>, растяпа, соловей <...> 1 (РАС), которые слабо мотивируют метафору о человеке рассеянном и невнимательном (исключение — единичная реакция *растяпа*), но актуализирует образные представления о глупом и тщеславном басенном персонаже. Предположим, что значение ‘растяпа, ротозей’ о человеке, упустившем что-то важное, является выводным из басенной ситуации: *проворонил* из-за собственной глупости и тщеславия. Со временем метафорическая интерпретация этого фрагмента внеязыковой действительности очевидным образом отдалается от предложенной басенной характеристики, развивает семантику ‘зевака, ротозей’ (разг. неодобр.) и способствует возникновению мифологической связи между областью-источником и областью-целью. Это толкование в классических толковых словарях, включающее эмотивную оценку, в большей степени соответствует речевой практике, чем ‘рассеянный, невнимательный’ в АС. Иное развитие метафорической семантики наблюдается во французском языке: *corbeau* (ворона). 3. *Homme avide et sans scrupule* — Жадный и недобросовестный человек⁷. В итальянском метафора *ворона* (*corvo*) развивает семантику «приносящий несчастье» (ср. в русском: *кар-*

⁷ Le nouveau petit Robert. Nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert. Paris, 2002.

кать/накаркать); значение, связанное с басней, появляется только в устойчивом выражении *fare come il corvo con cacio* — поступать, как ворона с сыром, т.е. терять важную позицию или имущество из-за наивности, простодушия или тщеславия.

Рассмотренный пример свидетельствует о необходимости предварительного анализа коннотаций, способствующих развитию семантической структуры слова.

Не менее актуальным является исследование ассоциативных полей для единиц типа *бульвар*, не развивающих метафорические значения. Словарная статья в АС слова *бульвар* включает информацию об устройстве (*Улица в городе, в середине которой по всей длине растут два ряда деревьев, между которыми устроено пространство, предназначенное для гулянья, или само это пространство*), о соотношении имени нарицательного с именем собственным, о возможном местоположении (*на набережной*). Обычно у топонимов *улица, площадь* и пр. «пассивные» словари не комментируют «урбанистическое» значение (в отличие от, например, итальянских толковых словарей, в которых используется комментирующая помета: *in urbanistica e toponomastica*). Трудно согласиться, однако, с разработчиками АС, что у слова *бульвар* единственная коннотация «невзыскательный вкус массового читателя или зрителя». Эта коннотация ассоциативно связана с прилагательным *бульварный*, у которого отмечается второе значение «соответствующий неразвитому вкусу массового читателя или зрителя». По данным РАС, слово *бульвар* вызывает совсем иные ассоциации: *Капуцинов, улица, Гагарина, прогулка, Цветной, широкий, авеню, аллея, большой, город, гулять, дорога, <...>, в Париже, <...>, для двоих, зеленый, зелень, идти, каменный, Монпарнас, <...>, погулять, полон народа, проспект, проституция, <...> скамейка, темный, теней, Юности*. Отметим, что коннотация «невзыскательный вкус массового читателя или зрителя» оказывается не только спорной, но и избыточной: лексема *бульвар* не развивает метафорического значения, мотивировку которого призвана эксплицировать зона коннотации.

Как видим, поиск ассоциативных смыслов, формирующих зону коннотаций, может с большой степенью надежности опираться на материалы РАС.

Предпринятый анализ лексикографического описания метафорической семантики в АС свидетельствует о плодотворности предпринятой попытки эксплицировать механизм метафоризации как когнитивный процесс познания и интерпретации внеязыковой действительности. Независимо от понимания места коннотативного содержания — в составе периферийной зоны лексического значения или вне его — информация об основании переноса наименования

или о его затемненности / отсутствии в современном языке актуальна для исследователей, носителей и изучающих русский язык как иностранный. Кроме того, исследование лексикографирования метафоры во всей многоплановости и сложности ее семантики, включая когнитивные аспекты, позволяет наметить актуальный круг проблем семантического и прагматического изучения языкового знака. Активный словарь включается в современный исследовательский контекст, с одной стороны, генерируя новые векторы научного поиска, с другой — осмысляет в лексикографическом ключе результаты этого поиска.

Список литературы

1. Активный словарь русского языка / Отв. ред. академик РАН Ю.Д. Апресян. М., 2014.
2. *Апресян Ю.Д.* Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., Вена, 2004. С. 8–11.
3. *Апресян Ю.Д.* «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка»: Предисловие ко второму изданию // Славянская лексикография. М., 2013. С. 445–470.
4. *Апресян Ю.Д.* Об Активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка. Т. 1. М., 2014. С. 5–32.
5. *Биржакова Е.Э.* Об определении в толковом словаре слов, обозначающих животных // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 74–80.
6. *Гак В.Г.* Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в словаре / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1988. С. 119–125.
7. *Журавлёв А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–109.
8. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2008. 256 с.
9. *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория Метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990. С. 358–386.
10. *Морковкин В.В.* Антропоцентрический версус лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в словаре / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1988. С. 131–136.
11. *Никитин М.В.* Лексическое значение слова: структура и комбинаторика. М., 1983. 127 с.

12. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии / Пер. с фр. И.Ю. Доброхотовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 261–301.
13. Скляревская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики (на материале русского языка). М., 1988. 54 с.
14. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 138 с.
15. Черкасова Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора) // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 28–38.
16. Телия В.Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 236.
17. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 278 с.

Elena Bulygina, Tatiana Tripolskaya

**LOGICAL AND MYTHOLOGICAL FOUNDATIONS
OF METAPHOR AS THE OBJECT OF DESCRIPTION
IN THE ACTIVE TYPE DICTIONARY**

*Novosibirsk State Pedagogical University
630126, Novosibirsk, Vilyuskaya, 28*

This article discusses a metaphorical interpretation of extralinguistic reality, methods of lexicographic reflection of a metaphorical potential of the language, and mechanisms of regular polysemy in active / universal dictionaries of the Russian language, new generation sources. With respect to the metaphorical meaning, the problem of linguistic sign in comprehensive lexicography is whether it is necessity and / or possible to explain a metaphorization mechanism that shows particularities of metaphorical (logical and mythological) development of the world. Active lexicography poses the task of fully presenting information about the word and applying to the metaphor as it is, representing the word as a cognitive process associated with culture, history, mythology, and psychology of social behavior. The analysis of a lexicographic description of metaphorical semantics in the Active Dictionary of the Russian language justifies the attempt of explicating the mechanism of metaphorization as a cognitive process of cognition and interpretation of extralinguistic reality. No matter how the place of connotative content may be understood, in the peripheral zone of lexical meaning or outside of it, it is instrumental for native speakers and learners of Russian as a foreign language to get information about how the name is transferred or why it is absent in the modern language. Studying the lexicography of metaphor in the entirety and complexity of its semantics enables us to outline the problems of a semantic and pragmatic analysis of the linguistic sign.

Key words: interpretational linguistics; the metaphorical potential of the language system; active dictionary; ways of lexicography of metaphor.

About the authors: *Elena Bulygina* — PhD, Professor, Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching It, Institute of Philology, Mass Information, and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (e-mail: bulyginalena2010@mail.ru); *Tatiana Tripolskaya* — Prof. Dr., Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching It, Institute of Philology, Mass Information, and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (e-mail: tr_tatiana@mail.ru).

References

1. Aktivnyj slovar' russkogo jazyka [Active Dictionary of Russian Language]. Otv. red. Yu.D. Apresyan. Vol. 1, 2. Moscow, *Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ.*, 2014. (In Russ.)
2. Apresyan Yu.D. Predislovie [Preface]. *Novyj ob"yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms Russian language]. Otv. red. Yu.D. Apresyan. Moscow, Vienna: *Yazyki russkoj kul'tury Publ.*, Viennese Slavonic Almanac, 2004, pp. 8–11. (In Russ.)
3. Apresyan Yu.D. Novyj ob"yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka: Predislovie ko vtoromu izdaniyu [New explanatory dictionary of synonyms Russian language: the preface to the second edition]. *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavic lexicography]. Moskva, *Izd. Centr «Azbukovnik»*, 2013, pp. 445–470. (In Russ.)
4. Apresyan Yu.D. Ob Aktivnom slovare russkogo yazyka [About active dictionary of the Russian language]. *Aktivnyj slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of Russian Language]. Vol. 1. Moskva, *Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ.*, 2014, pp. 5–32. (In Russ.)
5. Birzhakova E.E. Ob opredelenii v tolkovom slovare slov, oboznachayushchih zhivotnyh [On the definition in the explanatory dictionary of words denoting animals]. *Leksikograficheskij sbornik* [Lexicographic collection]. Moskva, *Izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej*, 1957. Vyp. 2, pp. 74–80. (In Russ.)
6. Gak V.G. Problema sozdaniya universal'nogo slovarya (entsiklopedicheskiy, kul'turno-istoricheskiy i etnolingvisticheskiy aspekty) [The problem of creating a universal dictionary (encyclopedic, cultural-historical and ethno-linguistic aspects)]. *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v slovare* [National features of language and its reflection in the dictionary]. Otv. red. Yu.N. Karaulov. Moskva, *Nauka Publ.*, 1988, pp. 119–125. (In Russ.)
7. Zhuravlyov A.F. Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo yazyka v oblasti predmetnoj nominacii [Technical capabilities of the Russian language in the field of subject nomination]. *Sposoby nominacii v sovremennom russkom yazyke* [Nomination methods in modern Russian]. Moskva, *Nauka Publ.*, 1982, pp. 45–109. (In Russ.)
8. Lakoff D., Johnson M. *Metaphors We Live By*. *University of Chicago Press*, 2003, p. 256.

9. Makkormak E. Kognitivnaya teoriya metafory [Cognitive theory of metaphor]. *Teoriya Metafory* [Theory of metaphor]. Pod red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj. Moskva, *Progress Publ.*, 1990, pp. 358–386. (In Russ.)
10. Morkovkin V.V. Antropocentricheskij versus lingvocentricheskij podhod k leksikografirovaniyu [The anthropocentric versus lingvocentric approach to lexicographical description]. *Nacional'naya specifika yazyka i ee otrazhenie v slovare* [National features of language and its reflection in the dictionary]. Otv. red. Yu.N. Karaulov. Moskva, *Nauka Publ.*, 1988, pp. 131–136. (In Russ.)
11. Nikitin M.V. *Leksicheskoe znachenie slova: struktura i kombinatorika* [Lexical meaning of the word: structure and combinatorics]. Moskva, *Vysshaya shkola Publ.*, 1983, p. 127. (In Russ.)
12. Rej A., Delesal' S. Problemy i antinomii leksikografii [Lexicographic problems and conflicts] *Perevod s francuzskogo I.YU. Dobrohotovoj. Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vyp. 14. Problemy i metody leksikografii. Moskva, *Progress Publ.*, 1983, pp. 261–301. (In Russ.)
13. Sklyarevskaya G.N. *Yazykovaya metafora v tolkovom slovare: Problemy semantiki (na material russkogo yazyka)* [Metaphor in the explanatory dictionary: Problems of semantics (on the material of the Russian language)]. Vyp. 1. Moskva, *Institut russkogo yazyka Publ.*, 1988, p. 54. (In Russ.)
14. Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of the word in speech]. Voronezh, *Izdatel'stvo voronezhskogo universiteta*, 1985, p. 138. (In Russ.)
15. Cherkasova E.T. Opyt lingvisticheskoj interpretacii tropov (metafora) [Experience of linguistic interpretation of tropes (metaphor)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1968, № 2, pp. 28–38. (In Russ.)
16. Teliya V.N. Konnotaciya [Connotation]. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. V.N. Yarcева. Moskva, *Sovetskaya ehnciklopediya Publ.*, 1990, p. 236. (In Russ.)
17. Shmelyov D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moskva, *Nauka Publ.*, 1973, p. 278. (In Russ.)

Е.Г. Басалаева, М.В. Шпильман

«СОВЕТСКИЙ ЯЗЫК» КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет», 630126, Новосибирск, Виллойская ул., 30

Исследование выполнено в рамках актуального направления современного языкознания — интерпретационной лингвистики. В статье рассматривается авторская рефлексия над таким феноменом, как «советский язык», в интернет-коммуникации.

Целью настоящей статьи является краткая характеристика важнейших с точки зрения современных носителей русского языка признаков «советского языка». Материалом исследования послужили контексты, извлеченные из современных интернет-чатов, форумов, тематических сайтов. Путем интерпретации контекстов, содержащих рефлексии относительно «советского языка», определяется его специфика, т.е. отличительные черты указанного явления сквозь призму обыденного языкового сознания. Методами исследования являются компонентный и контекстуальный анализ.

Рассуждения о так называемом советском языке усредненной языковой личности свидетельствуют об особенностях культурной памяти, носящей творческий характер. В круг внимания авторов статьи попали различные типы метаязыковых комментариев, касающихся рассуждений интернет-пользователей относительно самого термина, его периодизации, а также анализа его внутрисистемных особенностей (фонетических, лексических, словообразовательных и др.). Изучение комментариев относительно «советского языка» позволяет сделать вывод, что немаловажными для пишущих оказываются следующие факторы. В наивном сознании «советский язык» противопоставляется русскому как язык ложный, шаблонный (советчина, москальский и под.), отличающийся функциональным, социальным и хронологическим расслоением (крестьянский / буржуазный; партийный / разговорный; древнесоветский / досоветский и под.). В связи с этим пишущими отмечается его лексико-семантическое своеобразие: описываются слова, характерные для «советского языка», анализируются

Басалаева Елена Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (e-mail: lena.bas@mail.ru).

Шпильман Марина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (e-mail: s.m.v@mail.ru).

семантические особенности и изменения лексического значения единиц языка (культурно-значимые смыслы, коннотации, агнонимичный характер лексем в настоящее время и др.). Реже в центр внимания наивных исследователей попадают словообразовательные модели и продуктивные аффиксы, словообразовательные дериваты, а также фонетико-интонационные особенности «советского языка». В заключение делается вывод о том, что языковая рефлексия относительно особенностей «советского языка» позволяет обозначить позицию коммуникантов о реалиях прошлого и настоящего, продемонстрировать систему ценностей в разные периоды жизни страны, тем самым проявляется интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящих.

Ключевые слова: языковая рефлексия; интернет-коммуникация; «советский язык»; семантика; стилистика; интерпретационная лингвистика.

Введение

Антропоцентрический характер современного языкознания обуславливает усиление внимания к говорящему человеку, который с помощью языка интерпретирует события, факты и речевые произведения.

Языковая личность как возможный автор и адресат высказывания, а также как интерпретатор своего и чужого речевого произведения стала одним из ключевых объектов актуальной в последние десятилетия интерпретационной лингвистики.

В статьях Т.А. Трипольской, Е.Ю. Бульгиной, Н.П. Перфильевой, И.П. Матхановой, Е.Г. Басалаевой, М.В. Шпильман, М.А. Лаппо и других представителей новосибирской научной школы «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего» исследуется «активная роль говорящего в интерпретации высказывания, рефлектирующего над выбором того или иного слова и отдающего предпочтение определенной коммуникативной стратегии, субъект может менять оценку окружающей действительности, самооценку, отношение к чужим оценкам» [Проблемы интерпретационной лингвистики. Интерпретаторы и типы интерпретации, 2004: 4].

В языковой рефлексии проявляется метаязыковая функция языка, т.е., как отмечает Б.М. Гаспаров, это «различного рода рассуждения о языке — от простейших суждений о том, какое употребление является “правильным” и “неправильным” <...>, до сколь угодно сложных концептуальных построений, касающихся природы и строения языка и различных его компонентов» [Гаспаров, 1996: 17].

Кроме того, по мнению лингвистов, анализ рассуждений носителей языка над языковым знаком представляет собой и суждение о мире, так как для русского человека слово часто воспринимается как

реальность, и наоборот. В связи с этим языковая рефлексия — это, с одной стороны, источник информации о семантико-прагматическом потенциале лексических единиц и участии слова в процессе текстообразования, с другой же стороны, — и способ характеристики говорящими субъектами стоящей за номинацией реалии.

2. Постановка проблемы

«Социокультурное разноречие» современного российского общества, его духовно-нравственная атмосфера, по словам О.П. Сологуб, обуславливает особый интерес говорящих к осмыслению настоящих и прошлых политических событий, процессов, реалий и пр. [Сологуб, 2017: 225].

В связи с этим в проблемное поле многих исследовательских проектов включается изучение текстовых, семиотических свидетельств переключения разнополюсных оценочных регистров при конструировании образов политической действительности в современных коммуникативных (социальных) практиках (см., например: [Кутенева, 2016; Вепрева, Мальцева, 2017]).

Ученые отмечают, что культурно-историческая память непосредственно включена в систему современного политического сознания и содержит систему координат в оценке настоящего и будущего, в установлении соотношения прошедшего и настоящего [Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол»), 2002: 78]. Особое место в указанной системе занимает образ советского, становящийся объектом разносторонней рефлексии носителей языка.

Особенности советского языка, отражавшего социальные изменения, оказались в центре внимания исследователей уже в начале 1920-х годов (см., например, работы С.О. Карцевского [Карцевский, 1923], Г.О. Винокура [Винокур, 1925], А.М. Селищева [Селищев, 1928]). В современной лингвистической литературе представлены различные аспекты изучения феномена «советского»: содержание и формы, причины активизации процессов ностальгирования по советскому в постсоветскую эпоху, новые культурные смыслы, возникшие в новую историческую эпоху, и т.д., обобщенные, к примеру, в коллективной монографии [Ностальгия по советскому, 2011], а также в статьях [Касамара, Сорокина, 2014; Смолина, 2014].

Иными словами, лексема *советский*, обладавшая максимальной активностью, так как служила атрибутивным характеристикатором всех объектов действительности, относящихся к Стране Советов [Вепрева, 2008], используемая по отношению ко времени, месту, событию и пр., становится объектом пристального внимания филологов, историков и пр.

Т.И. Вепрева указывает, что при употреблении слова в речи формируется новое качественно-оценочное (негативное) значение относительного прилагательного — «присущий, свойственный советскому времени; такой, как в советское время». Отрицательная коннотация лексемы длительное время накапливалась в недрах общественного сознания советской эпохи [Вепрева, 2008]. В новейших общественно-политических условиях современной России наблюдается тенденция амбивалентного употребления данной единицы.

3. Определение понятия «советский язык»

В последнее время в разных сферах коммуникации употребляется и такое выражение, как «советский язык», под которым подразумевается, по сути, не русский язык, а язык СССР и советского народа.

Содержание данного своеобразного терминологического сочетания несколько варьируется. Например, ряд ученых отмечает, что советский язык, или деревянный язык (калька с фр. — *langue de bois*; ср. с деревянным рублем), или канцелярит (К. Чуковский), или «новояз» (Дж. Оруэлл) появился рядом с обыденным русским языком и был неуклюж, бюрократичен и малопонятен, т.е. это своеобразная диглоссия [Кронгауз, 2002: 136].

Вместе с тем, как пишут К.А. Гаврилов, Е.В. Козиевская, Е.Б. Яценко, после распада СССР «советский язык» в пределах новых самостоятельных государств взял на себя — в том или ином объеме — роль языка межнационального общения. Кроме того, он может выступать не только временным средством коммуникации, но и приобретать символический смысл, который может быть использован и используется в политических и идеологических целях [Гаврилов, Козиевская, Яценко, 2008].

К определению «советского языка» прибегают не только ученые, но и обычные носители языка, представляющие свои позиции в различных интернет-чатах, форумах и пр. Примеры языковой рефлексии над понятием «советский язык» свидетельствуют об особенностях культурной памяти, носящей творческий характер.

Следует отметить, что оценочный вектор высказываний относительно «советского языка» варьируется от резко негативных до положительных. Характер коннотации обусловлен отношением пишущих к реалиям советского периода: неприятие происшедших социальных, политических и других процессов или ностальгия по прошлому, связанному с кажущейся идеальностью жизни в то время и под.

4. Направления языковой рефлексии над «советским языком»

Наблюдения над материалом позволяют выделить несколько направлений языковой рефлексии:

1) рассуждения о термине «советский язык», праве на его существование, смысловом объеме, отличии от смежных явлений (советский vs несоветский);

2) оценка «советского языка» с позиции хронологической отнесенности и временной дискретности (досоветский / советский / постсоветский);

3) анализ внутрисистемных особенностей «советского языка» (фонетики, лексики, словообразования и др.).

Рассмотрим данные направления более подробно.

4.1. Рефлексия относительно термина «советский язык»

Первую группу метаязыковых комментариев составляют примеры, касающиеся рассуждений относительно самого термина «советский язык». Помимо него, можно встретить еще такие номинации, как *lingua Sovietica*, *советчина*, *советизм* и пр.

В данном случае мы имеем дело с двумя процессами. С одной стороны, пишущие не отрицают факта существования «советского языка», наоборот, подчеркивают его особенности, отличительные черты (например, в сравнении с русским). Прослеживается мощная идеологическая составляющая: это язык ложный, оккупационный, шаблонный, некрасивый и т.д.; это другой язык, нередко требующий перевода, что, по мнению субъектов высказывания, не всегда возможно осуществить. В интернет-дискурсе выстраивается своеобразная система противопоставлений: русский-советский, москальский-советский, буржуйский — советский, прекрасный русский — советский оккупационный язык, советчина, советизм и пр.

Приведем примеры¹.

(1) *[в Украине] люди москальского, а я бы сказал что это язык советский, не знали*²; (2) *Прожив всю сознательную жизнь в СССР, автор не научился писать на советском языке. Книга написана прекрасным русским языком, в ней нет советчины и советизмов — этих постоянных атрибутов книг советских биографов*³; (3) *Да и язык у советских отнюдь не русский. Русский язык советские запретили. И вся эта ложь советских на захваченную ими Россию, которую мы пытаемся*

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация сохранены.

² URL: <http://armycarus.do.am/forum/8-105-2#3194> (дата обращения: 15.01.2018).

³ URL: <http://lebed.com/2003/art3424.htm> (дата обращения: 18.01.2018).

разобрать, написана советскими оккупантами на советском оккупационном языке⁴; (4) Переводить с советского языка на какой хотите, потому что словарей по переводу с советского языка на буржуйский, советские так и не соизволили нам предъявить⁵.

Безусловно, на такое смысловое наполнение сочетания «советский язык» влияет система идеологических взглядов носителя, но тем не менее нельзя отрицать факт поиска термина и попытки его обобщенного дефинирования (пусть и через систему отрицания чего-либо) языковой личностью.

В то же время встречаются примеры, когда факт существования советского языка отрицается, не признается. Сравните:

(5) А: *вообщето танк советский, просто чтото убрали чтото добавили, поэтому будет на советском языке.*

Б: *На советском языке? Вы о чем, о Русском языке? Мозг в отключке?*

В: *мдя богата россия чудаками с советским языком.*

Г: *совецкого языка не существует балда! есть Русский!*⁶

Возможно, что в этом примере советский язык оценивается уже не столько с идеологических позиций, сколько с содержательных, лингвистических.

В подобных случаях интернет-пользователи пытаются на уровне своеобразного структурного анализа выявить лексические, грамматические и прочие особенности советского языка, чтобы отграничить его от всех прочих языков или их форм, как, например, в следующем контексте:

(6) А: *Хмм, а ПОСЛЕ реформенный русский язык, это какой?*

Б: *Это советский.*

В: *Он говорит советский русский язык, как я понял. Только что в нём советского, если, во-первых, язык каким был, таким и остался. Хотя новые слова, вроде наркома, в нём появились <...>*⁷.

Видим, что с одной стороны, не признается факт существования особого языка. С другой стороны, если бы такой язык был (показатели допущения есть), то пишущими практически моделируется эта потенциальная система, как в примере:

⁴ URL: http://armycarus.do.am/publ/gosudarstvo/armija_angelov_karusov/russkie_armejskie_i_sovetskie_greyskie_chast_1/18-1-0-1003 (дата обращения: 16.01.2018).

⁵ URL: http://armycarus.do.am/publ/khronologija/otechestvennaja_vojna_1853_1903_1913_1956_gg/grazhdanskaja_vojna_v_ssha_belye_i_krasnye/22-1-0-968 (дата обращения: 15.01.2018).

⁶ URL: http://forum.worldoftanks.ru/index.php?/topic/498344-%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B8-%D0%B2-080/page__st__20 (дата обращения: 15.01.2018).

⁷ URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=73054.0> (дата обращения: 15.02.2018).

(7) *А: Если бы я умел, можно бы было создать советский язык — грамматика русская с белорусскими, украинскими домешками, произношение русское с ними же, лексика богато насыщена заимствованиями из языков многонационального советского народа.*

Б: Зачем создавать? Он и так существует. Во множестве книг, песен, кинофильмов, в своем влиянии на языки региона. Можно его конечно кодифицировать и описать, сохранив для потомков <...>⁸.

Таким образом, встречаются примеры своеобразного типологического описания «советского языка», особенностей его лексики, грамматики и пр.

4.2. Рефлексия относительно периодизации «советского языка»

В данной группе примеров встречаются такие маркеры языка или слова, как *досоветский, советский, древнесоветский, слово из советских времен, наследие советского времени*. К примеру: (8) *А вообще древнесоветские слова — это КПСС, ВЛКСМ, комсомол, партячейка;* (9) *воистину древнее слово — майовка! Досоветское⁹.*

Носителями языка осмысляется время существования той или иной языковой единицы, закреплённость за определенным периодом.

С этим же, на наш взгляд, связаны высказывания о социально-классовой дифференциации в связи с языком советского времени (*крестьянский, рабоче-крестьянский / буржуазный, буржуйский*):

(10) *Кстати, есть какое-нибудь нормальное, рабоче-крестьянское слово для замены буржуазному «ресторан»? А то не знаешь как выражаться. Ресторан звучит как что-то такое гламурно дорогое. Столовая — как что-то пошло советское, место с официантом так не назовешь¹⁰.*

В подобных примерах содержится отсылка к социальной структуре общества досоветского и советского периодов, тем самым маркируются стереотипы в функциональном расслоении «советского языка».

4.3. Рефлексия относительно особенностей «советского языка»

Еще одна большая группа рассуждений интернет-пользователей связана уже непосредственно с анализом различных аспектов «со-

⁸ URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=73054.0> (дата обращения: 18.01.2018).

⁹ URL: <http://lingvoforum.net/index.php/topic,19751.50.html> (дата обращения: 15.04.2018).

¹⁰ URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=25877.0> (дата обращения: 25.01.2018).

ветского языка», таких, как особенности фонетики, лексики, словообразования и т.д.

Больше всего комментариев связано с описанием лексического состава «советского языка». Интернет-пользователи часто занимаются лексикографированием лексем, являющихся неотъемлемой частью «советского языка»; составлением словариков по алфавиту или тематических и др.

Довольно часто участниками интернет-дискуссий предлагается составить список слов советского времени, определить их семантику, выявить ассоциативный фон и пр. Например, (11) *Дополним Словарь Даля! Предлагаю тему, где будут собраны слова (а то и наиболее характерные выражения), типичные именно для эпохи СССР и теперь оставшиеся в нашей памяти. Помещенные слова и выражения можно дополнять пояснениями, ведь новым поколениям иногда трудно понять о чем идет речь. ДОСААФ. ОСАВИАХИМ. Рабфак. Вечерняя школа. ОБЛПОТРЕБСОЮЗ. СОЦВОС. Заготконтора. Сельпо. Сельмаг. Сельсовет, поссовет, горсовет. Товарищеский суд. Туняедец*¹¹.

В числе слов «советского языка» оказываются многие жаргонизмы, просторечные единицы. Но все они маркированы как слова того времени, вызывающие определенные ассоциации с реалиями прошлой жизни. Современные же носители языка используют их с легкой степенью иронии, как бы стилизуя свой дискурс под советский. Кроме того, прагматические установки проявляются с помощью невербальной системы знаков (смайлов, пунктуационных и иных графических средств выделения и пр.), которые помогают выразить оценку, актуализировать образный компонент в семантике. Особенно часто это наблюдается в рефлексиях относительно вышедших из употребления слов. Ср.: (12) *А еще полусапожки были (они и сейчас кое-где продают), назывались «Прощай молодость» 😊. А еще водка в маленьких бутылочках — мерзавчиках 🍷*¹².

Встречаются примеры, в которых пишущие называют существующие в настоящее время реалии «советскими» номинациями: (13) *Видеомагнитофон назывался «видеокассетный аппарат». Компьютер — ЭВМ. Электродрель в 1969-м году называлась «Электросверлилка»*¹³.

Иногда рефлексия строится на актуализации смыслов, связанных с функционированием слова в советский период (так называемая

¹¹ URL: <http://vsssr.ru/viewtopic.php?f=8&t=91&hilit=%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA> (дата обращения: 15.01.2018).

¹² URL: <http://vsssr.ru/viewtopic.php?f=8&t=91&hilit=%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA> (дата обращения: 21.03.2018).

¹³ URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=19751.25> (дата обращения: 15.01.2018).

память прошлого): (14) *Мне кажется, что раньше, возможно, еще в советское время батончиками называли вот такие конфеты (и потому так названы и данные, на фото, что-то вроде «эффекта ностальгии»)*¹⁴.

Именно актуализации «памяти прошлого» посвящены целые микроисследования интернет-пользователей относительно фрагмента словарного фонда, ограниченного тематически. Другими словами, осуществляется коллективное восстановление и наполнение той или иной тематической группы. Приведем пример.

(15) *А. В советские времена существовали рюмочные, сосисочные, пельменные, блинные, бутербродные, пончиковые. Позже появились пиццерии. На Тверской, например.*

Б. ... чебуречные, беляшны...

*В. Прекрасные были названия... когда-то. <...> Мне нравились **простые советские столовые**, как и само название «столовая». Жаль, что в России в моде воротить нос от своего родного и вводить в родную почву заморские слова, понятия и реалии. «Ресторан», действительно, звучит несколько по-буржуйски.:- /¹⁵.*

(16) *Наследие советских времен. В поселке бабушки был специальный «хлебный», «хозяйственный», «книжный», «промтовары», «продукты»*¹⁶.

Как видим, коннотативная окраска слова мотивируется оценкой (как правило, позитивной) стоящей за ним реалии, что обусловлено ностальгией по советским временам и артефактам.

Большое количество примеров связано не только с лексикографированием слов «советского языка», но и с анализом семантических особенностей и изменений лексического значения единиц языка. Пишущими отмечаются особенности лексической семантики того периода: культурно-значимые смыслы, коннотации; агнонимичный характер лексем в настоящее время и др. Например:

(17) *А. Березка, боны, сертификаты, инвалютный рубль — советские значения этих слов помните? Стиляга, трудовень. Из древних вспомнился уклонист.*

*Б. [о магазине «Березка»] Формально, да, эргоним. Но для советского человека это был всё же тип магазина*¹⁷.

¹⁴ URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=79736.0> (дата обращения: 19.02.2018).

¹⁵ URL: <http://lingvoforum.net/index.php/topic,25877.0.html> (дата обращения: 15.02.2018).

¹⁶ URL: <http://lingvoforum.net/index.php/topic,25877.0.html> (дата обращения: 05.04.2018).

¹⁷ URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=19751.50> (дата обращения: 18.02.2018).

(18) Так получилось благодаря массовому виноделию, что в советском языке слова «сухое» и «кислое» стали означать почти одно и то же, хотя это абсолютно неверно¹⁸.

Многие слова и выражения, требующие уточнения значения, семантизируются либо, наоборот, маркируются как агнонимы:

(19) Название прически, это когда волосы сильно начёсаны «Я упала с самосвала, тормозила головой»¹⁹; (20) От папы я слышала слово «арифмометр». Но вот что это, я не знаю. Может, счетная машинка советская какая-нибудь?²⁰

Иногда в фокусе внимания оказываются словообразовательные модели и продуктивные аффиксы, словообразовательные дериваты (в том числе жаргонные), характерные для слов «советского языка»:

(21) А. И в чём буржуизм? В том, что в Москве пельменных было больше? Так и город большой, и народу много.

Б. В том, что были куча разных «-нных». Почитайте выше²¹.

(22) Слово «тэшка» прижилось, а «маршрутка» употребляется крайне редко. Возможно, появление слова связано еще и с тем, что маршрутка у советского человека ассоциировалась с микроавтобусами рижского производства, а в начале 90-х маршрутным такси уже мог быть любой вид автобуса²².

В зоне внимания современных интернет-пользователей оказываются также вопросы о стилистической, функциональной привязке лексем.

(21) А. Шедевр от Эха Москвы. Подписанты («подписавшиеся»). Оправдано ли употребление такой формы? <...>

Б. Слово старое. Канцеляризм страшный.

А. Это слово из советских времен.

Б. Эта жуть из той же оперы, что и брачующиеся, обеспыливать итп? Канцеляризм махровый?

А. Да. Русский корень и иностранный суффикс²³.

(22) А. <...> вычислительными машинами

¹⁸ URL: <https://iz.ru/news/270677> (дата обращения: 15.01.2018).

¹⁹ URL: <http://vsssr.su/viewtopic.php?f=8&t=91&hilit=%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA&start=30> (дата обращения: 15.05.2018).

²⁰ URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=19751.75> (дата обращения: 17.03.2018).

²¹ URL: <http://lingvoforum.net/index.php/topic,25877.0.html> (дата обращения: 15.03.2018).

²² URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=57845.0> (дата обращения: 15.01.2018).

²³ URL: <http://lingvo.zone/threads/podpisanty.50043/> (дата обращения: 14.04.2018).

*Б. Фиш, гадкий советизм-бюрократизм многоэтажный типичный*²⁴.

Многими отмечаются элементы «советского языка» как языка бюрократического, «неживого», поэтому оценка дается исключительно негативная.

Кроме того, современными коммуникантами четко осознается и описывается дискурсивная дифференциация (партийный язык vs разговорный язык). Использование особых слов, по мнению пишущих, позволяло ранее маркировать социальную, партийную принадлежность говорящего:

(23) *Я думаю, что «Советский народ» жил двойной жизнью. На страницах газет в радио и в телевидении и на партийных собраниях был один язык. <...> В общем слова понятны а смысл нет. А в то же время в пивных и в банях, в подворотнях и в поле можно было увидеть настоящее лицо советского человека*²⁵.

(24) *На лекциях по «научным коммунизмам» я обратил внимание что все без исключения преподаватели используют термин «тиритический». Я специально спрашивал их и убедился что это вполне осмысленное искажение языка. Так они подчеркивали свою кастовость*²⁶.

Пожалуй, самыми редкими объектами языковой рефлексии являются орфоэпические, акцентологические и прочие произносительные особенности слов советского языка:

(25) *Кто-нибудь помнит / знает, как в советское время чаще всего на практике произносили слово прогресс — с мягким [PE] или твердым [PЭ]? Лично я заметил, что это слово последнее время очень часто произносят твердо, хотя словари требуют говорить «через Е». Мне казалось, что в советское время это слово произносили преимущественно мягко*²⁷.

5. Выводы

Таким образом, «советский язык» достаточно часто выступает объектом языковой рефлексии. Современными носителями языка определяется терминологический статус данного выражения, его временная отнесенность и периодизация, а также обсуждаются системные особенности «советского языка». Оценка единиц, которые

²⁴ URL: <http://lingvoforum.net/index.php?topic=28169.50> (дата обращения: 15.05.2018).

²⁵ URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/talking_point/newsid_4291000/4291692.stm (дата обращения: 15.01.2018).

²⁶ URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/talking_point/newsid_4291000/4291692.stm (дата обращения: 18.01.2018).

²⁷ URL: <http://lingvo.zone/threads/progress.80920/> (дата обращения: 15.01.2018).

говорящие относят к языку советского времени, анализ лексического фонда позволяют обозначить позицию коммуникантов относительно реалий прошлого и настоящего, продемонстрировать систему ценностей в разные периоды жизни страны, тем самым проявляется интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящих.

Список литературы

1. *Вепрева И.Т.* О судьбе лексемы советский в постсоветский период: к вопросу об исторической памяти // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. Екатеринбург, 2008. URL: <http://hdl.handle.net/10995/1846> (дата обращения: 16.05.2018).
2. *Вепрева И.Т., Мальцева Т.В.* Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии // Политическая лингвистика. № 1 (61), 2017. С. 113–120.
3. *Винокур Г.О.* Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., 1925. 216 с.
4. *Гаврилов К.А., Козиевская Е.В., Яценко Е.Б.* Русский язык — советский язык? // Демоскоп Weekly. 2008. № 329–330. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema01.php> (дата обращения: 11.05.2018).
5. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
6. Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») // Социологические исследования. 2002. № 8 (220). С. 76–85.
7. *Карцевский С.И.* Язык, война и революция. Берлин, 1923. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10085678> (дата обращения: 29.04.2018).
8. *Касамара В.А., Сорокина А.А.* Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 107–118.
9. *Кронгауз М.А.* Язык мой — враг мой? // Новый Мир. № 10, 2002. С. 135–141. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/10/kronga.html (дата обращения: 17.02.2018).
10. *Кутенева Т.А.* Изменения в языковой картине мира постсоветского человека (на примере рефлексивного осмысления лексемы идеология) // Общественные науки. 2016. № 2–1. С. 331–339.
11. Ностальгия по советскому / Отв. ред. З.И. Резанова. Томск, 2011.
12. Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации: межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. И.П. Матханова. Новосибирск, 2004.
13. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928. URL:

<http://books.e-heritage.ru/book/10075962> (дата обращения: 13.03.2018).

14. *Сологуб О.П.* Рецензия на книгу: Ностальгия по советскому // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 224–228.
15. *Смолина Н.С.* Трансформации ностальгического дискурса о «советском» в постсоветском пространстве // Вестник гуманитарного университета. 2014. № 3 (6). С. 142–148.

Elena Basalaeva, Marina Shpilman

SOVIET LANGUAGE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC REFLECTION IN THE INTERNET COMMUNICATION

*Novosibirsk State Pedagogical University
630126, Novosibirsk, Vilyuskaya, 30*

The research focuses on the phenomenon of Soviet language in the Internet communication and is carried out within the framework of interpretational linguistics. In discussing Soviet language of the average native speaker of Russian, special emphasis is laid on creative cultural memory. Analyzing intrasystem features (phonetic, lexical, word-building, etc.) of the communication in chats, forums, and thematic sites, the article provides metalanguage commentaries about the cognitive processes of Internet users within several time periods. The methods of research are component and contextual analysis. It is concluded that in naive consciousness, the so-called Soviet language is contrasted to Russian as a false, patterned language (Soviet, Moskal and the like) with a different functional, social and chronological stratification (peasant / bourgeois, party / colloquial, Old Soviet / Pre-Soviet and suchlike). The article studies lexical and semantic originality of Soviet language words; changes to the lexical meaning, with a focus on connotations, culturally significant meanings, and the agnomic status of lexemes at present. The research enables to see what communicants used to think in the Soviet past and what they think of the same things now, which demonstrates a reappraisal of values and thereby opens up an interpretative potential of the language.

Key words: language reflation; Internet communication; Soviet language; semantics; stylistics; interpretational linguistics.

About the authors: *Elena Basalaeva* — PhD, Associate Professor, Department of Theory of Language and Cross-cultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University (e-mail: lena.bas@mail.ru); *Marina Shpilman* — PhD, Associate Professor, Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching It, Novosibirsk State Pedagogical University (e-mail: s.m.v@mail.ru).

References

1. Vepreva I.T. O sud'be leksemy sovetskii v postsovetskii period: k voprosu ob istoricheskoi pamyati [On the fate of the lexeme Soviet in the post-Soviet period: the issue of historical memory]. *Sovetskaya kul'tura v sovremennom sotsioprostranstve Rossii: transformatsii i perspektivy* [Soviet culture in the modern Russian social space: transformations and perspectives]. Ekaterinburg, 2008. URL: <http://hdl.handle.net/10995/1846> (accessed: 16.05.2018). (In Russ.)
2. Vepreva I.T., Maltseva T.V. Bazovye cennosti rossiyan v otrazhenii yazykovej refleksii [Basic values of russians in reflection of language self-consciousness]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2017, № 1 (61), pp. 113–120. (In Russ.)
3. Vinokur G.O. Kul'tura yazyka. Ocherki lingvisticheskoi tekhnologii [Culture of language. Essays on linguistic technology]. Moscow, *Rabotnik prosveshcheniya Publ.*, 1925. 216 p. (In Russ.)
4. Gavrilov K.A., Koziyevskaya E.V., Yatsenko E.B. Russkii yazyk — sovetskii yazyk? [Russian is the Soviet language?]. *Demoskop Weekly* [Demoskop Weekly], 2008, № 229–230. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema01.php> (accessed: 11.05.2018). (In Russ.)
5. Gasparov B.M. Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow, *New Literary Observer Publ.*, 1996. 352 p. (In Russ.)
6. Istoricheskaya pamyat': preemstvennost' i transformatsii («kruglyj stol») [Historical memory: continuity and transformation (“round table”)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2002, № 8 (220), pp. 76–85. (In Russ.)
7. Karcevskij S.I. Yazyk, vojna i revolyuciya [Language, War and Revolution]. Berlin, *Rus. univer. izd-vo*, 1923. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10085678> (accessed: 29.04.2018). (In Russ.)
8. Kasamara V., Sorokina A. Obraz SSSR i sovremennoj Rossii v predstavleniyah studencheskoj molodezhi [The Images of the USSR and Present-day Russia in the Reflections of the Student Youth]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and Modernity], 2014, № 1, pp. 107–118. (In Russ.)
9. Krongauz M.A. Yazyk moj — vrag moj? [My language is my enemy] // *Novyj Mir* [New world], 2002, № 10, pp. 135–141. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/10/kronga.html (accessed: 17.02.2018). (In Russ.)
10. Kuteneva T.A. Izmeneniya v yazykovej kartine mira postsovetskogo cheloveka (na primere refleksivnogo osmysleniya leksemy ideologiya) [Changes in the language picture of the world of post-soviet man (according to example of reflexive thinking of lexical item ideology)]. *Obshchestvennye nauki* [Social sciences], 2016, № 2–1, pp. 331–339. (In Russ.)

11. Nostal'giya po sovetскому [Nostalgia for the Soviet]. Ed. Z.I. Rezanova. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2011. 514 p. (In Russ.)
12. Problemy interpretacionnoj lingvistiki: interpretatory i tipy interpretacii [Problems of interpretational linguistics: interpreters and forms of interpretation]. Ed. I.P. Mathanova. Novosibirsk: NGPU Publ., 2004. 295 p. (In Russ.)
13. *Selishchev A.M. Yazyk revolyucionnoj ehpoi: Iz nablyudenij nad russkim yazykom poslednih let (1917–1926)* [The language of the revolutionary era: when observing the Russian language in recent years (1917–1926)]. Moscow, *Rabotnik prosveshcheniya Publ.*, 1928. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10075962> (accessed: 13.03.2018) (In Russ.)
14. Sologub O.P. Recenziya na knigu [Book review: Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Nostalgiya po sovetскому* [Nostalgia for the soviet]. Tomsk: Publishing house of tomsk state university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2017, № 47, pp. 224–228. doi: 10.17223 / 19986645 / 47 / 17. (In Russ.)
15. Smolina N.S. Transformacii nostal'gicheskogo diskursa o “sovetskom” v postsovetskom prostranstve [Transforming nostalgic discourse of “the soviet” in post-soviet environment]. *Vestnik gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanities University], 2014, № 3 (6), pp. 142–148. (In Russ.)

Н.П. Перфильева

О СИНКРЕТИЗМЕ ВВОДНЫХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ «Я ДУМАЮ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»,
630126, Новосибирск, Вилюйская, 28*

Освещены результаты системного и антропоцентрического исследования, выполненного на материале «Воспоминаний» А.Д. Сахарова и НКРЯ по проблеме взаимодействия модусных категорий «авторизация» и «ментальный модус». Автор, разграничивая широкий и узкий подходы в интерпретации современными лингвистами этих категорий и связывая ее с теорией вводных единиц, анализирует микрогруппу показателей ментального модуса и авторизации (*по-моему, на мой взгляд, по моему мнению, по мне, думаю*) в аспекте полисемии и синонимических отношений. Семантическую интерпретацию данных синкретичных вводных единиц автор связывает с отражением взаимодействующих коммуникативной и когнитивной функций языка («думаю и говорю»), с внутренней формой единиц и с разной степенью кристаллизации тесной спаянности обоих видов деятельности говорящего.

Ключевые слова: ментальный модус; авторизация; восприятие; достоверность; синкретичность; вводные единицы.

I. Вводные замечания

В статье изложены результаты исследования, выполненного в рамках кафедральной темы «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего» и, следовательно, объединяющего два направления — изучение, с одной стороны, показателей интерпретации, которыми располагает языковая система, а с другой — элитарной языковой личности как интерпретатора своего речевого поведения, чьи психологические установки и фоновые знания влияют на особенности интерпретации. В связи с этим эмпирической базой исследования являются материалы НКРЯ и «Воспоминания» А.Д. Сахарова.

Перфильева Наталья Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (e-mail: perfisha@rambler.ru).

Вводные единицы до сих пор привлекают внимание исследователей [Корнилов, 2003; Девятова, 2009; Кораблина, 2014 и др.], но лакуны в этой области обусловлены недостаточной связью с теорией модуса и антропоцентрической лингвистикой. В связи с этим актуально «пословное» исследование вводных единиц в рамках функционально-семантической группы и с учетом достижений семантического синтаксиса. Такой подход обеспечивает коррекцию функционально-семантической классификации вводных слов, поскольку до сих пор самой дробной и богатой по количеству вводных единиц остается классификация В.В. Виноградова [Грамматика русского языка, 1954] и обычно в классификациях любая вводная единица занимает только одно место, что выглядит непротиворечиво, но упрощает ситуацию.

Объектом нашего анализа являются вводное слово *думаю* и микрогруппа вводных единиц *по-моему, на мой взгляд, по моему мнению, по мне*, которые встречаются в мемуарном тексте А.Д. Сахарова. Элементы микрогруппы чаще всего квалифицируют как показатели авторизации, как часть множества единиц со значением «источник информации» [Грамматика русского языка, 1954; Шведова, 1970; Ляпон, 1986; Шмелева, 1988; Петропавловский, 1989; и др.]. Иначе интерпретирует эти единицы А.А. Корнилов, выделяя две группы вводных элементов: а) с базовым компонентом, обозначающим «зрительное восприятие» (*на мой взгляд, как мне кажется*); б) с базовым компонентом, имеющим значение «мысль» (*по-моему, по моему мнению, (как) я думаю (считаю, полагаю) / думается*). Однако оба ряда, независимо от различного семантико-функционального статуса, имеют одинаковую семантическую интерпретацию: они выражают «личное мнение говорящего без указания на достоверность сообщаемого (так думаю только я, и мое мнение не всегда отражает истинное положение вещей)» [Корнилов, 2003: 36; 40]. Как видим, ключевым в дефиниции является слово *мнение*.

Цель данной статьи — показать, что вводные единицы *по-моему, на мой взгляд, по моему мнению, думаю* и др. являются синкретичными, а семантическое наполнение обусловлено как потенциалом языковой системы, так и интенциями языковой личности. Основными в исследовании являются приемы компонентного и трансформационного анализа.

II. Микрогруппа вводных единиц со значением «авторизации» как система

На первом этапе исследования вводных единиц *по-моему, на мой взгляд, по моему мнению, по мне* как показателей авторизации, выполненного на материале НКРЯ в рамках темы «Интерпретационный

потенциал языковой системы и творческая активность говорящего», были получены следующие результаты.

1. Чаще всего употребляется вводное слово **по-моему**, а реже всего — **по мне**.

2. Микрогруппа данных вводных единиц — открытая и динамичная. С одной стороны, в настоящее время возникли аббревиатуры **ПМСМ** («по моему скромному мнению»), **ИМХО** / **ИМНО** (“in my humble opinion”). Они, по наблюдениям О.В. Самарцевой, употребляются для обозначения того, что некоторое высказывание является только **личным мнением** автора, которое он никому не навязывает, а облакает в некатегоричную форму. Ср.: **ИМХО**, *Интернет лучше телевидения* и **По-моему**, *интернет лучше телевидения* [Самарцева, 2009]. На мой взгляд, семантизация этих неологизмов свидетельствует о тенденции образования синкретичных вводных единиц.

С другой стороны, в специальных словарях вводный элемент **по мне** имеет помету *разг.* [Остроумова, Фрамполь, 2009], например: *Хотя, по мне, понятия «диетический» и «торт» — вещи абсолютно несопоставимые* (Т. Тронина). На наш взгляд, его стилистическая ограниченность обусловлена тенденцией к архаизации: две трети контекстов в НКРЯ принадлежат авторам XIX в. (М.Н. Загоскин, А.А. Бестужев-Марлинский, Н.И. Греч, А.Ф. Писемский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь и др.).

3. Вводные единицы с интегральными семемами ‘источник сообщения’ и ‘сам говорящий’ можно представить как оппозицию по параметру «многозначность / однозначность». Однозначные вводные элементы **по мне** и **по моему мнению**, будучи показателями авторизации, имеют значение «я думаю и говорю», например: **По мне, в стихах все быть должно некстати, не так, как у людей** (А. Ахматова); **Достоевский, по моему мнению, создатель полифонического многоголосого романа, организованного как напряженный и страстный диалог по последним вопросам** (М. Бахтин). Кроме а) этого же значения («я думаю и говорю»), вводные единицы **по-моему** и **на мой взгляд** имеют б) лексико-семантический вариант «воспринимаю, наблюдаю», обычно «вижу» (семантика восприятия). Ср: а) — *Чем мифология отличается от фантастики? — По-моему, это вопрос терминологический. На мой взгляд, древняя мифология — это предок фантастики. А современная мифология — ее, фантастики, разновидность. Как фэнтези. Или антиутопия* (Известия. 2002); б) *У него, как только он заговорил о ребятах, глаза сделались какие-то большие-пребольшие и, по-моему, даже мокрые-премокрые* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком). При элиминации вводного слова **по-моему** в контекстах б) значение авторизации не меняется, но исчезает акцентирование внимания говорящего на своем восприятии, во втором контексте — на зрительном («я увидел»).

III. О взаимодействии авторизации и ментального модуса

Далее проанализируем полученные выше результаты в аспекте синкретизма.

1. В целом все рассмотренные вводные единицы эксплицируют **интерпретацию** факта / ситуации. Семантические различия между нами в названных парах определяются внутренней формой единиц. Так, у единиц **по-моему**, **по мне**, в отличие от семы 'говорящий' (*мне* — грамматическая форма личного местоимения *я*; *по-моему* мотивировано притяжательным местоимением *мой*), выявлены имплицитные семы: 'думаю', 'говорю', 'воспринимаю'. Вводная единица **по моему мнению** имеет прозрачную внутреннюю форму и акцентирует внимание не только на семе 'я', но и 'думаю / считаю', поскольку существительное *мнение* образовано от глагола *мнить* («думать, считать, полагать» [Черных, 1994]). Отсюда закономерна интерпретация слова *мнение* авторов синхронного словаря («предполагает сознательный **выбор** субъектом своей точки зрения» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1997: 176]). Внутренняя форма вводной единицы **на мой взгляд** хотя и связана с визуальными восприятием («воспринимать через зрительный канал»), однако семантика вводной единицы шире («наблюдаю, воспринимаю»). Так, в контексте *В "диванной" царил обычный полумрак, и было, на мой взгляд, ужасно душно* (В. Белоусова. Второй выстрел) говорящий акцентирует внимание на восприятии через другой сенсорный канал.

2. Лексико-семантические варианты рассматриваемых полисемантических вводных единиц связаны между собой. Мысль о связи восприятия и ментальной деятельности не нова. См., например, работы Рябцевой [Рябцева, 2005]. Е.В. Урысон также со словом **взгляд** связывает «представление о разных способах использования того луча, который субъект как бы испускает из глаз. Этот способ зависит от склада субъекта, его отношения к собеседнику и т.п.» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1997: 552]. Итак, вводная единица **на мой взгляд** выражает то, как человек воспринимает мир и как его **осмысляет**.

Совмещение имплицитных сем 'воспринимаю' и 'думаю' встречается в контекстах с вводным словом **по-моему**, например:

Есть у каждого слова своя музыкальная форма.
Я не знаю войны, но, **по-моему**, слово «война» —
это как у Бетховена —
 помните? —
 минное форте
и глухая
 на восемь октав
 тишина (Т. Калинина).

3. Интерпретация исследователями вводных единиц *по-моему, на мой взгляд, по моему мнению, по мне* как маркеров авторизации, выражающих значение «я думаю и говорю», отражает широкий подход к понятию «авторизация», в рамках которого объем понятия «авторизация» интерпретируется по-разному. Часть исследователей [Всеволодова, 2000; Петропавловский, 1989; Онипенко, 2004; и др.] следует за Г.А. Золотовой, которая ввела этот термин и понимает под авторизацией «восприятие, констатацию или оценку явлений, а иногда и характер восприятия» [Золотова, 1973: 263]. Авторизацию рассматривают и как категорию, отражающую когнитивно-дискурсивную деятельность говорящего [Гричин, Демешкина, 2016; Латфулина (Боуфал), 2014].

Узкого подхода к понятию «авторизация» придерживается Т.В. Шмелева. По ее мнению, эта категория на содержательном уровне организуется противопоставлением свое / чужое, авторское / цитируемое [Шмелева, 1988]. Мы вслед за Т.В. Шмелевой рассматриваем авторизацию как обязательную модусную категорию, суть которой состоит в квалификации высказывания по параметру «речь Говорящего или чужая речь», а иногда и по способу получения информации [Перфильева, 2006].

Исходя из этой дефиниции, мы квалифицируем вводные единицы *по-моему, на мой взгляд, по моему мнению, по мне* (в значении «я думаю и говорю») как **синкретичные**.

4. Мысль о синкретичности показателей авторизации в целом не является новой, однако обычно рассматривают взаимодействие авторизации и персуазивности [Шмелева, 1988; Петропавловский, 1989; Дмитровская, 2003; Онипенко, 2004; Латфулина (Боуфал), 2014; и др.]. В данной статье обсуждается взаимодействие авторизации и ментального модуса («я думаю и говорю»), поскольку вводные единицы *по-моему, на мой взгляд, по моему мнению, по мне*, так же как и *думаю, думается*, отражают в той или иной мере **когнитивную функцию языка**, а значит, и категорию «ментальный модус».

Как справедливо отмечает С.Д. Кацнельсон, «то, что Соссюр называл «реализацией означаемого», следует, скорее, понимать как сложный многоступенчатый процесс, в котором формы языка необходимо сопутствуют мышлению от начальной фазы зарождения мысли до момента отчуждения и передачи ее слушателю. В этом смысле процессы мышления и речеобразования неотторжимы один от другого и представляют собой единый речемыслительный процесс» [Кацнельсон, 1984: 4].

Безусловно, разграничение коммуникативной и когнитивной функций языка является часто искусственным, однако иногда говорящий акцентирует внимание на параллельности речевого и

ментального процессов. Ср.: — *Если вы находитесь здесь и в рабочей одежде, значит, вы должны тут работать, а не прохладиться целых два дня. Понятно? — «Уволю обязательно», — продолжал говорить и думать я. — Вы напились, и никаких оправданий тут быть не может <...>* (Е. Гришковец). О возможной несогласованности этих двух процессов свидетельствуют и языковые выражения *сказал не подумав, говорить не думая*.

До сих пор в исследованиях по модусу (авторизация, метатекст и др.) преимущественно в поле зрения — коммуникативная функция языка. Правда, ее экспликацию — вводное слово *говорю* — А. Вежбицка назвала метаплеоназмом [Вежбицка, 1978]. Попутно заметим: в большинстве существующих функционально-семантических классификаций выделен разряд вводных единиц, выражающих авторизацию, но нет вводных слов, эксплицирующих ментальный модус.

Понятие «ментальный модус» по-разному трактуется в лингвистической литературе. Н.Д. Арутюнова, по сути дела, представляет его как пучок модусных категорий, включая полагание, сомнение и допущение, истинностную оценку, знание / незнание, сокрытие, общую аксиологическую оценку [Арутюнова, 1988]. Как видим, к ментальному модусу отнесены смыслы, которые в работах по русистике интерпретируют и как другие модусные категории: достоверность / персуазивность [Белошапкина, 1997; Беляева, 1990; Шмелева, 1988], оценка [Шмелева, 1988], согласие и достоверность [Перфильева, 1996], модус знания, модус мнения [Падучева, 1996]. Иначе интерпретирует понятие «ментальный модус» Н.К. Рябцева, связывая его не только с мышлением, но и с волей и коммуникацией [Рябцева, 2005]. Мы рассматриваем «ментальный модус» в рамках узкого подхода — как модусную категорию [Перфильева, 2006; Кораблина, 2016]. Она выражает языковыми средствами и сам факт мыслительной деятельности говорящего (*я думаю / полагаю, думается*), и его ментальную рефлексия относительно сказанного, прежде всего в научном тексте, а точнее в ментальных перформативных высказываниях (*возвращаться к тезису о..., приведу два довода, начну с главного, перейдем к заключению, обратимся к примерам, сформулируем определение*). Ментальная рефлексия включает наблюдения говорящего над процессами упорядочивания своих новых знаний, соотнесения их с уже имеющимися, выделения ключевых фактов, установления объединяющих их внутренних связей, выводного логического аппарата и т.д.

5. При интерпретации вводного слова *по-моему* и его синонимов под углом зрения речемыслительных процессов отчетливо выделяются четыре ситуации.

I. Говорящий акцентирует внимание на том, что **вступает в коммуникацию** (если вводное слово эксплицирует авторизацию), например: *Только после всего этого прояснилось: в послушной поступи России, как писал Гроссман, «в ее новой, после свержения царя, покорности, в ее податливости, сводившей с ума, тонуло, гибло, преображалось всё», что было привнесено в нее «из свободолюбивого, революционного Запада». И добавлю от себя, всё, что предусматривалось и предпринималось в соответствии с доктринальными установками* (Ю. Афанасьев).

II. В центре внимания говорящего процесс мышления, а именно **его мысль** (*как я думаю / думаю / полагаю* эксплицируют ментальный модус).

III. Говорящий акцентирует внимание на обеих сторонах рече-мыслительного процесса. Тесную спаянность двух видов деятельности, иначе говоря, синкретизм авторизации и ментального модуса, с разной степенью кристаллизации выражают вводные единицы **по-моему, по мне, на мой взгляд, по моему мнению**.

IV. Исследуемые смыслы являются имплицитными, а на первый план выдвигается категория достоверности, если говорящий сообщает свою мысль, в достоверности которой сомневается (например, *как мне кажется / мне кажется*).

IV. Особенности употребления синкретичных вводных элементов в «Воспоминаниях» А.Д. Сахарова

На завершающем этапе исследования мы выявляем особенности употребления элитарной языковой личностью вводных единиц с семантикой «*думаю и говорю*».

В целом они встречаются в «Воспоминаниях» нечасто, в чем проявляется сдержанность, интеллигентная манера языковой личности, а значит, отсутствие эгоцентризма и стремления манипулировать адресатом.

Тенденции употребления данных вводных единиц в «Воспоминаниях» и в литературном языке почти совпадают: самым частотным является вводное слово **по-моему**, гораздо реже встречаются **по моему мнению, на мой взгляд**; а разговорное **по мне** ни разу не встретилось. Такое распределение вводных единиц по частоте употребления, на наш взгляд, закономерно: мемуарный текст (отсюда частота употребления **по-моему** и некоторых синонимов, о которых речь пойдет ниже) все-таки написан деятелем науки. Этот социальный статус обуславливает и то, что частота употребления вводных единиц **по-моему** и **я думаю** в «Воспоминаниях» почти совпадает.

Далее рассмотрим четыре ситуации, описанные выше, применительно к автору «Воспоминаний».

Как правило, А.Д. Сахаров, как ученый, не акцентирует внимание на процессе говорения. Ср. с единичным примером, где речевая деятельность выражена глаголом **заявил**, а ментальная — вводной единицей, и оба языковых средства эксплицируют особенность описываемого коммуникативного акта — намеренное усиление категоричности: *Я выступил в середине этого «парада-алле», очень бегло сказал о работах по разработке оружия и **заявил**, что, **по моему мнению**, мы находимся в такой фазе, когда возобновление испытаний мало что дает нам в принципиальном отношении.*

Ментальную рефлексивность А.Д. Сахаров передает предикативной единицей, например: *У меня нет своего собственного мнения о том, как умер Сталин.*

Однако чаще А.Д. Сахаров употребляет синкретичные вводные элементы, выражающие тесную спаянность двух процессов (коммуникативного и ментального), иначе говоря, наложение ментального модуса на авторизацию, например: *Было много горячих обсуждений, в ходе которых я, как и большинство моих коллег, пришел к выводам, сохраняющим, **по-моему**, свое значение до сих пор.* Вводное слово **по-моему**, кроме поверхностного, легко прочитываемого смысла («указание на принадлежность информации говорящему»), имеет имплицитную сему ‘мысль’ / ‘думаю’, что подтверждается синонимической трансформацией. Ср.: *Было много горячих обсуждений, в ходе которых я, как и большинство моих коллег, пришел к выводам, сохраняющим, **я думаю**, свое значение до сих пор.* Различие между исходной фразой и трансформой состоит лишь в степени кристаллизации ментальной семантики. Контекст *М.А. Леонтович называл Капицу «кентавр» — получеловек, полуживотное. Но он его любил. И, **я думаю**, это отношение было заслуженным* допускает обратную синонимическую трансформацию. Ср.: *И, **по-моему**, это отношение было заслуженным.*

Близкую позицию занимает М.А. Дмитриевская, рассматривающая вводные единицы *по-моему*, мне кажется как «прагматически смягченные варианты» выражений *Я считаю*, *Я нахожу* [Дмитриевская, 2003: 51].

Регулярное употребление А.Д. Сахаровым вводных единиц (*как я думаю*, *по моему мнению*) означает, что языковая личность, принадлежащая миру науки, естественно, в двусторонней сущности «мысль / слово» выдвигает на первый план ментальное, например: 1) *Главным для меня и, **как я думаю**, для Игоря Евгеньевича и других участников группы было внутреннее убеждение, что эта работа необходима*; 2) *Обращения по общим вопросам, **по моему мнению**, важны уже тем, что они способствуют обсуждению проблемы, формулируют альтернативную официальной точку зрения, заостряют проблему, при-*

влекают к ней внимание; 3) Я считаю мемуарную литературу важной частью общечеловеческой памяти. Это одна из причин, заставивших меня взяться за эту книгу, так же как и многих раньше и, я думаю, после.

Что касается экспликации взаимодействия авторизации и ментального модуса с достоверностью в «Воспоминаниях», то нам встретились два типа явлений:

1) линейный принцип взаимодействия маркеров авторизации и достоверности, когда разные лексические единицы (показатель авторизации *говорю* и маркер категорической достоверности *с полной уверенностью*) вступают в синтагматические отношения, но при этом акцентируется семантика достоверности (в данном случае «абсолютная уверенность»), например: *И все же, я говорю с полной уверенностью, не это увлечение новой для меня и эффектной физикой, расчетами было главным;*

2) синкретичные вводные единицы как средство выражения взаимодействия ментального модуса, авторизации и некатегорической достоверности. Эту функцию в «Воспоминаниях» иногда выполняют слово *по-моему* и выражение *как мне кажется (мне кажется)*, например: 1) *К концу разговора И.Е. стал более требователен, по-моему, это означало, что он стал относиться ко мне всерьез;* 2) *После смерти отца Блудов предложил мне участвовать в модернизации учебника. Я заново написал две последние главы (как мне кажется — удачно).*

Подведем итоги. Благодаря системному и антропоцентрическому подходам в исследовании выявлена тесная спаянность двух видов деятельности (ментальной и коммуникативной), иначе говоря, взаимодействие авторизации и ментального модуса, которое с разной степенью кристаллизации выражено синкретичными вводными единицами (*по-моему, по мне, на мой взгляд, по моему мнению, думаю*). А.Д. Сахаров также для обозначения взаимодействия ментального модуса, авторизации и достоверности употреблял иногда вводные элементы *по-моему* (при некатегорической достоверности) или *по моему мнению* (при категорической).

Рассматриваемая микросистема вводных единиц состоит из однозначных (*по моему мнению, по мне*) и многозначных вводных единиц (*по-моему, на мой взгляд*), имеющих два связанных между собой лексико-семантических варианта: а) «думаю и говорю»; б) «воспринимаю».

Список литературы

1. Белошапкина В.А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапкиной. 3-е изд. М., 1997. С. 606–868.

2. *Беляева Е.И.* Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 157–170.
3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000. 502 с.
4. *Гричин С.В., Демешкина Т.А.* Авторизация в тексте научного произведения: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2016. № 6 (44). С. 5–19.
5. Грамматика русского языка / Ред. В.В. Виноградов. М., 1954. Т. 2: Синтаксис. Ч. II. С. 364–365.
6. *Деятова Н.М.* Проблема модуса и вводно-модальные слова: лингвистический портрет единицы *похоже* // Русский язык в школе. 2009. № 7. С. 61–65.
7. *Дмитровская М.А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995: Сб. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2003. С. 47–55.
8. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса. М., 1973. 351 с.
9. *Кацнельсон С.Д.* Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3–12.
10. *Кораблина Т.И.* Вводные элементы с семантикой «воспоминание»: семантико-функциональный и динамический аспекты // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. 2014. Сер.: История, филология. Т. 13. Вып. 9. Филология. С. 64–66.
11. *Кораблина Т.И.* О взаимодействии модуса «воспоминание» и ментального модуса // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 241–247.
12. *Корнилов А.А.* Вводные элементы в русских речи. СПб, 2003. 129 с.
13. *Латфулина (Боуфал) З.Р.* Модусные показатели диалектного высказывания: авторизация и персуазивность // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2014. № 380. С. 29–33.
14. *Ляпон М.В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986. 200 с.
15. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997. 552 с.
16. *Онипенко Н.К.* Взаимодействие диктума и модуса. Авторизация (субъектные зоны S₃, S₄ и S5₃) // Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. М., 2004. С. 279–310.
17. *Остроумова О.А., Фрамполь О.Д.* Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М., 2009. 502 с.
18. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996. 464 с.
19. *Перфильева Н.П.* Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск, 2006.

20. *Перфильева Н.П.* Правила употребления слова *действительно* // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака: Межвузовск. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.П. Перфильева. Новосибирск, 1996. С. 47–55.
21. *Петропавловский А.В.* Средства указания на источник информации // Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М.В. Всеволодовой и С.А. Шуваловой. М., 1989. С. 158–168.
22. *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М., 2005. 640 с.
23. *Самарцева О.В.* Вводные слова со значением источника сообщения (VIII класс) // Русский язык в школе. 2009. № 6. С. 25–29.
24. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. 2-е изд. М., 1994. 623 с.
25. *Шведова Н.Ю.* Средства выражения субъективно-модальных значений // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 611–614.
26. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. Красноярск, 1988. 52 с.

Nataliya Perfilyeva

THE SYNCRETISM OF INTRODUCTORY UNITS WITH THE MEANING “I THINK”

*Novosibirsk State Pedagogical University
630126, Novosibirsk, Vilyuskaya Str., 28*

Drawing on the Russian National Corpus and *The Memoirs* by the scientist Andrej Sakharov, the article discusses the problem of interaction between the modus categories ‘authorization’ and ‘mental modus’. Differentiating between wide and narrow approaches to interpretation by modern linguists, the article focuses on the so-called modus categories, associating them with the theory of introductory units. Special emphasis is laid on polysemous and synonymous relations between indicators of mental modus and authorization *po-mojemu* (I think), *na moj vzgl'ad* (as far as I can see), *po mojemu mn'eniju* (in my opinion, to my mind), *po mn'e* (as for me), *dumayu* (I believe). A semantic interpretation of the syncretic introductory units goes along with a reflection on the interaction between communicative and cognitive functions of language (“I think and speak”), the inner form of the units and varying cognitive processes of the speaker.

Key words: mental modus; authorization; perception; authenticity; syncretism; an introductory unit.

About the author: *Nataliya Perfilyeva* — Prof. Dr., Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching It, Institute of Philology, Mass Information, and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (e-mail: perfisha@rambler.ru).

References

1. Beloshapkova V.A. Sintaksis [Syntax]. *Sovremennyy russkij yazyk [Modern Russian]*. Ed. V.A. Beloshapkova. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997, pp. 606–868. (In Russ.)
2. Belyaeva E.I. Dostovernost [Reliability]. *Teoriya funkcionalnoj grammatiki. Temporalnost Modalnost [Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]*. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 157–170. (In Russ.)
3. Vsevolodova M.V. *Teoriya funkcionalno-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli yazyka [Functional theory of communicative syntax: Fragment of an application (teaching) language model]*. Moscow, MGU Publ., 2000. 502 p. (In Russ.)
4. Grichin S.V., Demeshkina T.A. Avtorizaciya v tekste nauchnogo proizvedeniya: kognitivno-diskursivnyj aspekt [Evidentiality in the text of a research work: a cognitive-discursive aspect]. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 2016, no. 6 (44), pp. 5–19. doi: 10.17223/19986645/44/1. (In Russ.)
5. *Grammatika russkogo yazyka [Russian Grammar]*. Ed. V.V. Vinogradov. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954, vol. 2 Syntax, part II, pp. 364–365. (In Russ.)
6. Devyatova N.M. Problema modusa i vvodno-modalnye slova: lingvističeskij portret edinicy *pohozhe* [Modus problem and introductory-modal words: linguistic portrait of the unit *pohozhe*]. *Russkij yazyk v shkole [Russian language at school]*, 2009, no. 7, pp. 61–65. (In Russ.)
7. Dmitrovskaia M.A. Znanie i mnenie: obraz mira, obraz čeloveka [Knowledge and opinion: the image of the world, the image of man]. *Logičeskij ana-liz yazyka. Izbrannoe. 1988–1995 [Logical analysis of the language. Favorites. 1988–1995: Sat. Art.]*. Ed. N.D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2003. pp. 47–55. (In Russ.)
8. Zolotova G.A. *Očerok funkcionalnogo sintaksisa [Essay of functional syntax]*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 351 p. (In Russ.)
9. Katsnel'son S.D. Rechemyslitelnye processy [Verbal thought processes]. *Voprosy yazykoznanija [Questions of linguistics]*, 1984, no. 4, pp. 3–12. (In Russ.)
10. Korablina T.I. Vvodnye elementy s semantikoj “vospominanie”: semantiko-funkcionalnyj i dinamičeskij aspekty [Introductory elements of the semantics of “recollection”: semantic-functional and dynamic aspects]. *Vestnik novosibirskogo gos. un-ta [Vestnik Novosibirsk State University]*, 2014, ser.: History, Philology, vol. 13, issue 9 Philology, pp. 64–66. (In Russ.)
11. Korablina T.I. O vzaimodejstvii modusa «vospominanie» i mentalnogo modusa [On the interaction of the modus of “reminiscence” and the mental modus]. *Sibirskij filologičeskij žurnal [Siberian Philological Journal]*, 2016, no. 4, pp. 241–247. (In Russ.)

12. Kornilov A.A. *Vvodnye elementy v russkikh rechi* [Introductory elements in Russian speech] uch. posobie. Sankt-Peterburg: RGPU Publ., 2003. 129 p. (In Russ.)
13. Latfulina (Boufal) Z.R. Moducnyye pokazateli dialektnogo vyskazyvaniya: avtorizaciya i persuazivnost' [The modus indicators of a dialect phrase: authorization and persuasion] // *Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2014, no. 380, pp. 29–33. doi: 10.17223 / 15617793 / 380 / 5. (In Russ.)
14. Lyapon M.V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya I tekst: K tipologii vnutritekstovyh otnosheniy* [Semantic structure of complex sentence and text. Typology of intra-relationships]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 200 p. (In Russ.)
15. *Novyj obyasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms] Ed. acad. Yu.D. Apresyan. Moscow, School "Russian Culture Languages" Publ., 1997. Vol. 1. 552 p. (In Russ.)
16. Onipenko N.K. Vzaimodejstvie diktuma i modusa. Avtorizaciya (subektnye zony S3, S4 i S55) [Interaction of dictum and modus. Authorization (subject areas S3, S4 and S55)]. G.A. Zolotova, N.K. Onipenko, M.Yu. Sidorova. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language] Under the general ed. G.A. Zolotova. Moscow, IRYA Publ., 2004, pp. 279–310. (In Russ.)
17. Ostroumova O.A., Frampol O.D. *Trudnosti russkoj punktuacii. Slovar vvodnyh slov, sochetanij i predlozhenij. Opyt slovarya-spravochnika* [Difficulties of Russian punctuation. Dictionary of introductory words, word combinations and sentences. Experience of a dictionary-reference book]. Moscow, SGU Publ., 2009. 502 p. (In Russ.)
18. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic Research (Semantics of time and aspect in the Russian language, narrative semantics)]. Moscow, School "Russian Culture Languages" Publ., 1996. 464 p. (In Russ.)
19. Perfil'yeva N.P. *Metatekst v svete tekstovykh kategoriy* [Metatext in the light of text categories]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2006. (In Russ.)
20. Perfil'yeva N.P. Pravila upotrebleniya slova *dejstvitel'no* [The right use of the word DEYSTVITELNO]. *Aktualizaciya semantiko-pragmaticheskogo potenciala yazykovogo znaka* [Update of semantic-pragmatic potential of the linguistic sign] Mezhhuzovsk. sb. nauch. tr. Ed. N.P. Perfil'eva. Novosibirsk, NSPU Publ, 1996, pp. 47–55. (In Russ.)
21. Petropavlovskiy A.V. Sredstva ukazaniya na istochnik informacii [Means of pointing to the source of information]. *Voprosy kommunikativno-funktionalnogo opisaniya sintaksicheskogo stroya russkogo yazyka* [Questions of communicative and functional description of the syntactic structure of the Russian language]. Ed. M.V. Vsevolodova and S.A. Shuvalova. Moscow, MGU Publ., 1989, pp. 158–168. (In Russ.)
22. Ryabtseva N.K. *Yazyk i estestvennyj intellekt* [Language and natural intellect]. Moscow, Academia Publ., 2005. 640 p. (In Russ.)

23. Samartseva O.V. Vvodnye slova so znacheniem istochnika soobsheniya (VIII klass) [Introductory words with the meaning of the source of the message (VIII class)]. *Russkij yazyk v shkole [Russian language at school]*, 2009, no. 6, pp. 25–29. (In Russ.)
24. Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Russian language] In 2 vols. 2 nd ed. Moscow, Russian language Publ, 1994, vol. 1. 623 p. (In Russ.)
25. Shvedova N. Yu. Sredstva vyrazheniya subektivno-modalnyh znachenij [Means of expression of subjective-modal meanings]. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Russian literary language]*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 611–614 p. (In Russ.)
26. Shmeleva T.V. *Semanticheskij sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk, KGU Publ., 1988. 52 p. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

Л.М. Лещёва

**Рецензия на кн.: СКРЕБЦОВА Т. Г.
КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА:
КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ, НОВЫЕ ПОДХОДЫ.
М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК, 2018. — 392 с.**

*Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»
220034, Захарова 21, Минск, Республика Беларусь*

В рецензии анализируется книга, посвященная современным теориям в когнитивной лингвистике, а также их применению в решении ряда языковых проблем. В рецензии рассмотрены такие разделы монографии, как история формирования этого нового лингвистического направления как составной части когнитивной науки, причины и истоки появления когнитивной лингвистики в США и ее основополагающие принципы, или когнитивные обязательства (холистический подход к интерпретации языковой способности; изучение когнитивных процессов человека посредством анализа языка; экспланаторность, объяснение языковых фактов с привлечением широкого круга экстралингвистических данных; особый интерес к лексической семантике; антропоцентричность языка, пронизывающего все его структуры и др.), а также разделы о теориях ведущих лингвистов-когнитологов в США и России, что вызвано крайней разнородностью подходов, существующих в рамках данного научного направления, которые объединяет лишь общность главной концепции и ее основополагающих принципов. Рецензент дает высокую оценку большому объему информации, представленному в монографии, глубокому уровню наблюдений и выводов, касающихся критического анализа основных направлений в современной когнитивной лингвистике, что делает монографию ценным источником информации по когнитивной лингвистике для учебных и научных целей.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; фрейм; экспериментальный реализм; концептуальная метафора/интеграция; когнитивные теории многозначности; эволюционно-синтетическая теория языка; язык как реляционная область взаимодействия.

Анализируемая книга Т.Г. Скребцовой посвящена актуальной проблеме глубокого и всестороннего анализа когнитивной лингвистики — научного направления, хотя уже и не совсем нового, но

Лещёва Людмила Модестовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета (e-mail: lescheva09@gmail.com).

современного, привлекательного по своим задачам, наиболее востребованного, однако по-прежнему недостаточно освещенного в русскоязычной литературе.

Более полувека прошло со времени «когнитивной революции» конца 50-х годов, когда, в первую очередь, молодые ученые-психологи в США попытались избавиться от жестких оков бихевиоризма, который, в отличие от Европы, господствовал в научной сфере в этой стране. Бихевиоризм препятствовал обращению к актуальным вопросам ментальности, разума, рационального мышления, сознания и подсознания, без которых нельзя даже пытаться понять сложное поведение человека (в том числе языковое) — весьма отличное от поведения животного и никоим образом не сводящееся к формированию условных рефлексов. Иные подходы к изучению сознания искали и апробировали на совместных конференциях в конце 1940-х — начале 1950-х годов также американские нейрологи, философы, антропологи, лингвисты, первые разработчики искусственного интеллекта. В результате можно считать, что нейропсихолог Карл Лешли, нейрофизиолог Уоррен Мак-Каллок, математики Джон фон Нейман, Клод Элвуд Шеннон, Норберт Винер, а чуть позже — когнитивные психологи Джордж Миллер, Джером Брунер, лингвист Ноам Хомский и др. стали у истоков новой междисциплинарной науки, изучающей ментальные процессы, которая получила название *когнитивной*.

С самого начала важнейшей составляющей этой комплексной когнитивной науки стала лингвистика, пытающаяся понять природу языка как особой когнитивной способности человека, поскольку именно в языке видели «окно», приоткрытое в невидимый, неосознаваемый, недоступный органам чувств ментальный мир. Это новое направление в лингвистике, как составной части когнитивной науки, было предложено Ноамом Хомским в виде *Генеративной грамматики*. Именно оно стало исследовать язык в совершенно другом ракурсе, непривычном для исторического и структурного языкознания: язык рассматривался как особая когнитивная способность человека. Соответственно, совершенно иными стали и задачи лингвистики: необходимо было определить, что такое языковое знание, как оно приобретается, как используется, хранится и как оно связано с другими когнитивными способностями человека и видами знаний.

Хотя именно Н. Хомский впервые сформулировал эти новые задачи для лингвистики как когнитивной науки, в силу целого ряда причин, в том числе и субъективного характера, прототипические когнитивные подходы к их решению были предложены в работах других ученых, в том числе некоторых его учеников и последователей. Они, как правило, дистанцировались от главных положений

его теории, касающихся причин и характера порождения сознанием правильных предложений, признания автономного, независимого от других когнитивных процессов, характера языковой способности, и, в отличие от Н. Хомского, широко использовали в своих работах ставший к этому времени особо популярным термин ‘когнитивный’ для обозначения своих теорий. Так, *Когнитивная грамматика* Р. Лангакера [Langacker, 1987] проводит аналогию между лингвистическими структурами и особенностями зрительного восприятия, направляя, тем самым, лингвистику еще глубже в русло когнитивной науки; *Когнитивная семантика* в ее различных разновидностях: *теории фреймов* [Fillmore, 1976; 1982]¹, *идеализированных когнитивных моделей* [Lakoff, 1987] и др., бросила вызов структурной семантике, пытающейся объяснить значение языковых единиц в терминах семантических признаков как минимально необходимых и достаточных условий для их распознавания, и приблизила понимание языкового знания к энциклопедическому; *Когнитивная фонетика* рассматривает вопросы описания фонетико-фонологического модуля языка как динамического нейрокогнитивного образования, теснейшим образом связанного с другими аспектами и уровнями когнитивной грамматики [Lakoff, 1989; Eliasson, 1991] и др. В настоящее время в область интересов когнитивных лингвистов входит не только организация языковых знаний в сознании человека, не только их связь с другими когнитивными явлениями и процессами, но и с культурой, в которой язык функционирует [Itkonen, 2003; Tomasello, 2003].

Ж. Фоконье, один из ярких представителей когнитивной семантики, так определил понимание языка когнитивными лингвистами: «Язык — это лишь вершина грандиозного когнитивного айсберга, и когда мы включены в любую языковую деятельность — ежедневную приземленную или художественно творческую — мы неосознанно подключаем огромные когнитивные ресурсы, пробуждаем бесчисленные модели и фреймы, устанавливаем многочисленные связи, координируем большие потоки информации, создаем отображения, трансформации и преобразования. Вот что такое язык и вот для чего язык служит». (“Language is only the tip of a spectacular cognitive iceberg, and when we engage in any language activity, be it mundane or artistically creative, we draw unconsciously on vast cognitive resources, call up innumerable models and frames, set up multiple connections, coordinate large arrays of information, and engage in creative mappings, transfers, and elaborations. This is what language is about and what language is for”) (Перевод автора) [Fauconnier, 1999: 96].

¹ Следует отметить, однако, что Чарльз Филлмор, основатель теории фреймов, не отмечал свою принадлежность к когнитивному направлению в лингвистике.

Когнитивная лингвистика как самостоятельное новое направление на фоне разных подходов к языку как когнитивному явлению, появилась в 1980-е годы как вспышка на лингвистическом небосводе в виде ярких работ отдельных авторов, весьма условно объединенных общими целями и принципами исследования (*cognitive commitments* ‘когнитивными обязательствами’: холистический подход к интерпретации языковой способности; изучение когнитивных процессов человека посредством анализа языка; экспланаторность, объяснение языковых фактов с привлечением широкого круга экстралингвистических данных; особый интерес к лексической семантике и др.). Она интенсивно продолжала далее свое формирование в условиях острого противостояния с генеративистским и структурным направлениями — такого острого противостояния в нашей стране не было. Происходило это в ходе многочисленных дискуссий, открытых и имплицитных, даже соперничества отдельных личностей. При этом каждый из выдающихся когнитивных лингвистов или лингвистов, только в основном разделяющих их взгляды, но не причисляющих себя к таковым, в значительной степени имел свою область исследований, работал в рамках своей системы терминов, выдвигал свою гипотезу, приводил свои аргументы. Следить за развитием этих дискуссий в силу целого ряда причин было весьма проблематично. Вот почему уже в 1990-е годы и в течение уже почти четверти нового столетия в Америке и особенно в Европе, а также на всем постсоветском пространстве появилось большое количество работ о когнитивной лингвистике. Вряд ли здесь можно перечислить статьи и монографии, словари и справочники, в которых объяснялись и интерпретировались основные положения этой новой научной парадигмы. Созданы электронные базы работ по когнитивной лингвистике (например, *The Cognitive Linguistics Bibliography — CogBib*). Написаны учебники и справочники по когнитивной лингвистике, главным образом в Великобритании, например: [Lee, 2002; Croft & Cruse, 2004; Evans & Green, 2006; *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*, 2017] и др.

Тем не менее вся англоязычная литература по когнитивной лингвистике по финансовым и языковым причинам для большинства русскоязычных читателей остается недоступной, а русскоязычная литература учебного и справочного плана остается весьма немногочисленной. К ней относится, например, *Краткий словарь когнитивных терминов* под общей редакцией Е.С. Кубряковой [Краткий словарь..., 1996]; учебные пособия В.А. Масловой *Когнитивная лингвистика* [Маслова, 2004] и *Введение в когнитивную лингвистику* [Маслова, 2007], в которых, несмотря на название, представлено лишь одно, культурологическое направление когнитивной лингви-

стики; *Когнитивная лингвистика* З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин, 2007], в которой обсуждаются вопросы, свойственные главным образом русскоязычной когнитивной лингвистике: значение и концепт, концептосфера и когнитивная картина мира, номинативная плотность концепта и его ассоциативное поле и др. Особо следует отметить книги Н.Н. Болдырева *Когнитивная семантика: Введение в когнитивную лингвистику* [Болдырев, 2014] — курс лекций с изложением ключевых проблем когнитивной лингвистики: концептуализации и категоризации, соотношения когнитивных и языковых структур, типов знания, а также *Когнитивная лингвистика* [Болдырев, 2016], представляющую собой, как отмечает сам автор, сборник ранее опубликованных статей, в которых излагается авторское видение ряда проблем в области когнитивной лингвистики.

В настоящее время русскоязычному читателю доступны также многочисленные переводы классических работ зарубежных когнитивных лингвистов, а также научные статьи и исследовательские монографии, подготовленные отечественными исследователями в области когнитивной лингвистики, материалы научных конференций. Однако по-прежнему остро не хватает литературы обобщающего и справочно-учебного характера.

На постсоветском пространстве когнитивная лингвистика долго пробивала себе дорогу, поскольку лингвистика в учебных заведениях еще долгое время оставалась преимущественно структурной или социокультурно-ориентированной, несмотря на выдающиеся заслуги отдельных отечественных ученых в области изучения сознания, поведения, в области искусственного интеллекта. Для современного начинающего русскоязычного исследователя когнитивная лингвистика, особенно в ее первоначальном и главном понимании, как она складывалась в США, и сегодня остается слишком сложной для понимания, а тем более — для активной научной работы в этой области.

В этой связи изданная работа Татьяны Георгиевны Скребцовой, ориентированная на анализ истории и современного состояния американской и европейской когнитивной лингвистики (она является продолжением работ автора [Скребцова, 2000] и [Скребцова, 2011]) и содержащая также анализ отечественных авторов, работающих в этом направлении, является особо значимой и своевременной.

Книга включает краткую пояснительную часть «От автора», 9 глав, библиографию, включающую свыше 500 единиц наименований анализируемых или упомянутых наиболее значимых работ зарубежных и отечественных авторов по когнитивной лингвистике, а также указатель имен.

В главе 1 «Когнитивная лингвистика как научное направление» автор дает глубокий анализ причин зарождения когнитивного направления в американской лингвистике, его основных источников и главных постулатов. Рассматривается история семантики главным образом лексической, а также показывается, каким образом когнитивная лингвистика входит в состав комплексной когнитивной науки. Отмечается сближение современной когнитивной лингвистики с другими направлениями лингвистическими направлениями и сдвиг в сторону прикладных наук, высказываются предположения о её будущем.

Глава 2 естественно и закономерно посвящена когнитивным исследованиям метафоры, поскольку именно книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Metaphors We Live By* ('Метафоры, которыми мы живём') [Lakoff, Johnson, 1980] стала мощным толчком для оформления когнитивной лингвистики в самостоятельное направление и породила во всем лингвистическом мире тот «метафорический бум», который продолжается и сегодня.

В данной главе Т.Г. Скребцова обращает наше внимание на, как считает автор, «удивительное совпадение» идей В.А. Успенского в статье «О вещных коннотациях абстрактных существительных» [Успенский, 1979] и вышеупомянутой работы Лакоффа и Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980], касающихся проявления семантики слов в сочетаемости. В.А. Успенский не просто анализирует сочетаемость (и до него семасиологи уделяли большое внимание этой проблеме) — он формулирует в словах образ, который возникает при ее изучении, например, ГОРЕ — это ТЯЖЕЛАЯ ЖИДКОСТЬ, а РАДОСТЬ — это ЛЕГКАЯ ЖИДКОСТЬ, что весьма похоже на известную концептуальную метафору Лакоффа и Джонсона.

В данной главе также рассматриваются популярные исследования политической метафоры и менее известные, посвященные историческим изменениям семантики слова в когнитивном ракурсе.

Глава 3 посвящена другой ключевой проблеме в когнитивной лингвистике — категоризации и ее проявлениям в языке. Автор анализирует эту проблему на основе известной работы Дж. Лакоффа "Women, Fire and Dangerous Things" [Lakoff, 1987], а также работ Л. Витгенштейна, У. Лабова, Э. Рош, Л. Барсалу, Б. Берлина, Е.В. Рахилиной и др.

Здесь же автор анализирует, так называемые, *идеализированные когнитивные модели* (ИКМ) Дж. Лакоффа, которые обеспечивают хранение информации и ее узнавание, и рассматривает их основные типы (кластерные и метонимические); поясняет разработанную Лакоффом и Джонсоном философскую концепцию *экспериенциализма*, или *экспериенциального реализма* (*experiential realism*);

анализирует термины ‘значение’, ‘понятие’, ‘истина’, ‘знание’ и ‘объективность’.

Глава 4 «Когнитивная грамматика» посвящена работам Р. Лангакера — еще одного основоположника когнитивной лингвистики. Как и многие другие когнитивисты, вышедшие из *Генеративной грамматики*, Р. Лангакер уделяет много внимания формулировке того, в чем он не согласен с Н. Хомским, и именно на этом строит свою теорию, в значительной степени используя терминологию, построенную на антонимах терминологии Н. Хомского. Так, свою теорию он называет максималистской в отличие от минималистской теории Хомского, а свою когнитивную грамматику, в отличие от порождающей и композициональной грамматики Хомского — непорождающей и некомпозициональной, складывающуюся из имеющегося в сознании ресурса языковых единиц и шаблонов их соединения, но учитывающей контекст.

Далее автор рассматривает поднимаемые Р. Лангакером вопросы о принципах хранения лексической информации в ментальном лексиконе и её воспроизведения, о связях языковых знаний с неязыковыми. Она также сравнивает предлагаемые им ответы с мнениями по этим вопросам российских исследователей Е.В. Рахилиной, Б.М. Гаспарова, Е.С. Кубряковой и др.

Как и в других главах, Т.Г. Скребцова внимательно анализирует литературный источник и объясняет используемую автором терминологию, что весьма полезно для тех, кто знакомится с работами лингвистов-когнитивистов впервые.

В главе 5 «Ментальные пространства и их интеграция» анализируется *теория концептуальной интеграции*, представленная в книге лингвиста-когнитолога Жюль Фоконье *Mental Spaces* и статье *Conceptual Integration and Formal Expression*, написанной им совместно со специалистом по когнитивной поэтике и риторике Марком Тернером. А в главе 6 «Топологическая семантика» анализируется теория Л. Талми, где особое внимание уделяется языковой концептуализации пространственных отношений.

Поскольку школы и направления в когнитивной лингвистике связаны в первую очередь с отдельной личностью, а их взгляды и интересы и объекты исследования настолько разные, что сравнивать и сопоставлять их в одной главе зачастую просто невозможно, каждая глава книги Т.Г. Скребцовой посвящена, как правило, работам отдельного представителя когнитивной лингвистики. В этой связи главы 7 и 8 занимают особое место, поскольку в них рассматриваются не только работы отдельных авторов, но и языковые явления, чаще всего являющиеся предметом когнитивной лингвистики: полисемия и набирающая все большую популярность грамматика конструкций,

под которыми понимаются двусторонние знаки трех уровней языка морфологического, лексического и синтаксического.

Особую ценность и новизну, на наш взгляд, представляет глава 9 «Отечественные когнитивные исследования языка».

Если работы ведущих американских лингвистов когнитивного направления изучает и анализирует целая армия специалистов (что не снижает, однако, важности появления рецензируемой монографии), то отечественным лингвистам-когнитологам обычно можно только уповать на то, что их прочитают и заметят. В этой связи выполненный Т.Г. Скребцовой весьма тщательный и профессиональный анализ работ таких уникальных для отечественной когнитивной лингвистики авторов, как А.Д. Кошелев и А.В. Кравченко особенно ценен. Данные исследователи не просто умеют работать в рамках той или иной когнитивной парадигмы — они, что самое важное, создают собственные теории и применяют их на практике. Их обширная область научных интересов, талант, а также свобода взглядов и интерпретаций, которая даруется когнитивной лингвистикой, дали, как показала Т.Г. Скребцова, прекрасные результаты.

Междисциплинарность и когнитивность работ А.Д. Кошелева обусловлены уже самим образованием автора: по основному формальному образованию он математик, имеет ученую степень в этой области. В своих исследованиях А.Д. Кошелев стремится создать *эволюционно-синтетическую теорию языка*, которая бы учитывала всю сложность его формальной структуры, эволюцию, а также ингерентную ментальность, теснейшим образом связанную с сенсорностью.

Давая общую оценку работам А.Д. Кошелева, Т.Г. Скребцова пишет:

«Книги А.Д. Кошелева необычны: они будят мысль, интригуют и порой вызывают протест, желание не соглашаться и спорить. В новой области, каковой является когнитивная лингвистика, так и должно быть. Но самое интересное происходит тогда, когда отдельные фрагменты вдруг складываются в единую непротиворечивую картину, образуя законченную теорию. В этот момент перед читателем возникает целое здание, точнее, его каркас, который можно так или иначе дорабатывать, усовершенствовать, заполнять ячейки и т.д., но сам по себе он уже задан и прочно выверен» [Скребцова, 2018: 284].

Она также отмечает оригинальность воззрений исследователя на целый ряд вопросов в области когнитивной лингвистики, например, на сущность и возникновение базовых концептов. А.Д. Кошелев считает, что они возникают уже к полутора годам жизни ребенка, не будучи еще им поименованными, на базе предметных и двигательных

«протоконцептов», формирующих перцептивную модель. Структуру уже сформировавшегося базового концепта А.Д. Кошелев выражает с помощью формулы:

Базовый концепт = (Форма ← Функция) & типичное (Действие человека ← его психофизическое Состояние),

или:

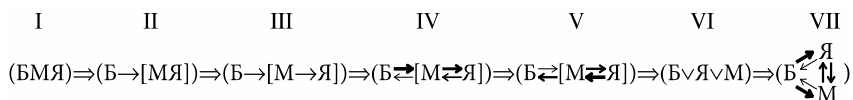
Базовый концепт = (Форма ← Функция) & типичный Двигательный концепт.

Формулы подчеркивают единство предметного и двигательного концептов, а стрелка (←) указывает на «отношение интерпретации: визуальной характеристике приписывается функциональная характеристика» [Скребцова, 2018: 339]. Такой подход представляется весьма интересным не только для теории о базовых концептах, но и для когнитивно-типологических исследований вербализованных базовых и периферийных концептов.

В книге Т.Г. Скребцовой уделяется большое внимание еще одному интересному и оригинальному представителю современного отечественного языкознания — А.В. Кравченко. Как и А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко отмечает отсутствие общей лингвистической теории, особо ошутимое после структурализма, что ведет к научному кризису. Он рассматривает язык как реляционную область взаимодействий разных сфер и делает попытку создания общетеоретического метода на основе учения чилийского ученого У. Матураны о «биологии познания». Главный тезис этого учения в том, что «нельзя познать живое в отрыве от той среды, в которой живой организм существует и с которой он постоянно взаимодействует как наблюдатель» [Скребцова, 2018: 303]. В этой связи А.В. Кравченко полагает, что язык как важнейшее биологическое свойство вида *homo sapiens* не должен рассматриваться как объективная данность, существующая вне самого субъекта и что биолингвистика — это направление, следующее после когнитивной лингвистики.

В книге Т.Г. Скребцова анализирует также работы Л.Г. Зубковой, специалиста в области истории языкознания, которая считает, что хронологическая смена лингвистических парадигм, которую мы наблюдаем, не является случайной: она — закономерный результат рассмотрения разной комбинации трех опорных компонентов, учитываемых в разных лингвистических концепциях: Языка (Я), Бытия (Б) и Мышления (М). На этом основании она устанавливает семь этапов в эволюции лингвистических теорий: от синкретизма бытия, мышления и языка в работах древнегреческого философа Парменида — к натуроцентризму в преимущественно логических учениях модистов в XIII—XIV вв., затем — к логоцентризму в Грамматике Пор-Рояля, через синтез, наблюдаемый в работах В. фон Гумбольдта,

А.А. Потевни, И.А. Бодуэна де Куртене, с одной стороны, и Э. Сепира и Б.Л. Уорфа — с другой, и готовящий почву к лингвоцентризму Ф. де Соссюра и Л. Ельмслева и к новому синтезу лингвистики с когнитивными науками, что передается формулой:

В книге также анализируются работы Л.М. Лещёвой и Г.И. Кустовой, выполненные в свете когнитивных подходов к полисемии.

Л.М. Лещёва в своем исследовании многозначности английских имен существительных и прилагательных совмещает когнитивные и традиционные подходы. Она рассматривает полисемию как сложную концептуальную структуру кластерного типа, в которой активно действуют центробежные силы, ведущие к распаду полисемии на омонимы, и центростремительные силы, вовлекающие в нее всё новые концепты, обнаруживающие значимые для человека признаки фамильного сходства, что ведет к дальнейшему развитию у слова многозначности. Отмечается принципиальный разный характер развития полисемии предметных и признаковых слов, описываются выявленные модели развития многозначности с указанием регулярных производных значений и потенциальных. В работе также представлены результаты наблюдения за развитием полисемии в речи ребенка и характером нарушений в восприятии и производстве многозначности у пациентов с нарушениями работы левого и правого полушария головного мозга. Предлагается семантическое описание многозначного слова, в котором находили бы более полное отражение семантика лексической единицы и приемы ее презентации.

Г.И. Кустова, как и Л.М. Лещёва, стремится выявить закономерности семантической деривации. Но материалом ее исследования является главным образом глагольная лексика, а поиск закономерностей осуществляется с учетом именуемой ею внеязыковой реальности. Автор подразделяет внеязыковую реальность на *энергетическую сферу* — сферу воздействия человека на мир, и *экспериментальную* (информационную) сферу воздействия мира на человека. Первая, наблюдаемая, описывается словами, именующими физические ситуации и содержащими большой состав актантов, семантических признаков и ассоциаций, а вторая, ненаблюдаемая и описываемая, соответственно, словами, значительно более бедными по содержанию. С учетом сказанного автор прогнозирует полисемию этих двух подгрупп лексики.

Есть в книге и ценные критические замечания, в том числе в адрес ряда работ, которые лишь прикрываются модными словами «когнитивный», «концепт» и т.д., и которые пишутся «как под копирку».

Поскольку книга посвящена когнитивной лингвистике, ассоциированной, прежде всего, с именем Дж. Лакоффа, в ней остались в тени, хотя они и были упомянуты в тексте, работы некоторых авторов, которые не причисляют себя к лагерю когнитивной лингвистики, но содержат глубочайшие мысли о языке как особой когнитивной способности. К ним относится прежде всего Рэй Джэкендофф (Джекендофф, Джакендофф в других русскоязычных источниках).

Заключая рецензию, хотелось бы отметить, что настоящая книга является аналитическим обзором крупнейших работ по когнитивной лингвистике, и хотя всегда лучше читать оригиналы работ, данному анализу можно полностью доверять. Очевидно, что в отечественной когнитивной лингвистике есть высокопрофессиональный критик-аналитик — без них невозможно развитие любой научной отрасли. А главное — в ней появилась книга, которая станет для читателя (студента, магистранта, аспиранта, сформировавшегося ученого) источником знаний и размышлений, надежным справочником и учебником, позволяющим самостоятельно выходить в море литературы по когнитивной лингвистике.

Нельзя не отметить также высокое качество издания книги: художественное оформление переплета и полное отсутствие каких-либо технических замечаний по тексту.

Список литературы

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов, 2014.
2. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная лингвистика. М.; Берлин, 2016.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
4. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. Минск, 2004.
5. *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007.
6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.
7. *Скребцова Т.Г.* Американская школа когнитивной лингвистики. СПб, 2000.
8. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб, 2011.
9. *Успенский Б.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Тарту, 1979. № 11. С. 142–148.
10. *Croft W., Cruse D.A.* Cognitive Linguistics (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge, 2004.
11. *Eliasson S.* An outline of a cognitively-based model of phonology // Languages in contact and contrast / Ed. by V. Ivir and D. Kalgojera. N.Y., 1991. P. 155–178.

12. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh, 2006.
13. The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. by Barbara Dancygier. Cambridge, 2017.
14. *Fauconnier G.* Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / Ed. by Theo Janssen, Gisela Redeker. Berlin; N.Y., 1999. P. 95–128.
15. *Fillmore Ch.* Frame semantics and the nature of language // Annals of the New York Academy of Sciences: conference on the Origin and Development of Language and Speech, 280. N.Y., 1976. P. 20–32.
16. *Fillmore Ch.* Frame semantics // Linguistics in the morning calm / Ed. by the Linguistic Society of Korea. Seoul, South Korea, 1982. P. 111–137.
17. *Hale M., Reiss C.* Phonology as cognition // Phonological knowledge / Ed. by N. Burton-Roberts et al. Oxford, 2000. P. 161–184.
18. *Itkonen E.* What is language? A study in the philosophy of linguistics. Turku, Finland, 2003.
19. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, 1980.
20. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago, 1987.
21. *Lakoff G.* Cognitive phonology. [Berkeley, CA] Berkley University, 1993. URL: <https://escholarship.org/uc/item/45n1m8xk> (accessed: 01.07.2018).
22. *Langacker R.W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987.
23. *Lee D.* Cognitive linguistics: An introduction. Oxford, 2002.
24. *Tomasello M.* Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Cambridge (MA), 2003.

Liudmila Liashchova

**Book Review: SKREBTSOVA T. G.
COGNITIVE LINGUISTICS: CLASSICAL THEORIES, NEW
APPROACHES. M.: PUBLISHING HOUSE JASK, 2018. – 392 p.**

*Minsk State Linguistic University
21 Zakharova Str., Minsk, Republic of Belarus, 220034*

This is a review of a newly published book on cognitive linguistics. Special emphasis is laid on why the book should be in demand. Most Russian linguists have had limited access to American cognitive studies, if at all, and few were aware of the irreconcilable contradictions between American behaviorists and structuralists, on the one side, generative grammarians, on the other, and cognitive scientists, on the third, as mid-20th-century Russian linguistics had different aims

and objectives. The appreciation of cognitive linguistics in Russia came much later than in America. Even today, textbooks and reference literature on cognitive linguistics are quite scarce. The review stresses that the book offers well-grounded interpretations and explanations of linguistic facts, provides a thorough analysis of theories and approaches by key figures in American and Russian cognitive linguistics. The book can be used as a reliable textbook and reference source for students of linguistics and professional scholars.

Key words: cognitive linguistics; concept; frame; experiential realism; conceptual metaphor / integration; cognitive theories of polysemy; evolutionary-synthetic theory of language; language as a relational domain of interactions.

About the author: *Liudmila Liashchova* — Prof. Dr., Professor, Head of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University (e-mail: lescheva09@gmail.com).

References

1. Boldyrev N.N. *Kognitivnaja Semantika: Vvedenie d kognitivnuju lingvistiku* [Cognitive Semantics: An Introduction to Cognitive Linguistics]. Tambov: TGU Publ., 2014. 235 p.
2. Boldyrev N.N. *Kognitivnaja Lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moskva-Berlin: DirectMEDIA, 2016. 251 p.
3. *Kratkij slovar' kognitivnyx terminov* [Concise dictionary of cognitive terms] / Ed. by E.S. Kubrjakova. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1996. 245 p.
4. Maslova V.A. *Kognitivnaja Lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk: TetraSistems, 2004. 266 p.
5. Maslova V.A. *Vvedenie d kognitivnuju lingvistiku* [An Introduction to Cognitive Linguistics]. Moskva: Flint, 2007. 296 p.
6. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaja Lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moskva: ACT: "Vostok-Zapad", 2007. 314 p.
7. Skrebtsova T.G. *Amerikanskaja škola kognitivnoj lingvistiki* [American School of Cognitive Linguistics]. S.-Petersburg: Anatolia Publ., 2000. 204 p.
8. Skrebtsova T.G. *Kognitivnaja Lingvistika: Kurs leksij* [Cognitive Linguistics: Course of Lectures]. S.-Petersburg: SPbGU Publ., 2011. 256 p.
9. Uspenskij B.A. O veščnyx konnotatsijax abstraktyx suščestvitel'nyx [On object connotations of abstract nouns]. *Semiotika i informatika* (Tartu), 1979, No 11, pp. 142–148. (In Russ.)
10. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics* (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
11. Eliasson S. An outline of a cognitively-based model of phonology. *Languages in contact and contrast*, ed. by V. Ivir and D. Kalgojera. N.Y., 1991, pp. 155–178.
12. Evans V. and M. Green. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 811 p.

13. The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics, ed. by Barbara Dan-
cygier. Cambridge, 2017.
14. Fauconnier G. Methods and Generalizations. *Cognitive Linguistics: Foun-
dations, Scope, and Methodology*, ed. by Theo Janssen, Gisela Redeker.
Berlin; N.Y., 1999, pp. 95–128.
15. Fillmore Ch. Frame semantics and the nature of language. *Annals of the
New York Academy of Sciences: conference on the Origin and Development
of Language and Speech*, 280. N.Y., 1976, pp. 20–32.
16. Fillmore Ch. Frame semantics. *Linguistics in the morning calm*, ed. by the
Linguistic Society of Korea. Seoul, South Korea, 1982, pp. 111–137.
17. Hale M., Reiss C. Phonology as cognition. *Phonological knowledge*, ed. by
N. Burton-Roberts et al. Oxford, 2000, pp. 161–184.
18. Itkonen E. *What is language? A study in the philosophy of linguistics*. Turku,
Finland: University of Turku, 2003. 226 p.
19. Lakoff G. and M. Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of
Chicago Press, 1980. 256 p.
20. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal
About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 632 p.
21. Lakoff G. 1993. *Cognitive phonology*. [Berkeley, CA], Berkley Univer-
sity. URL: <https://escholarship.org/uc/item/45n1m8xk> (accessed:
01.07.2018).
22. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Volume 1. Theoretical
Prerequisites. Stanford, CA: Stanford University, 1987. 516 p.
23. Lee D. *Cognitive linguistics: An introduction*. Oxford: Oxford University
Press, 2002. 240 p.
24. Tomasello M. *Constructing a language: A usage-based theory of language
acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 388 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.С. Соколова

УЧАСТИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В НЕДЕЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова принял участие в XVIII Неделе итальянского языка в мире. В рамках этого мероприятия прошли лекции крупнейших итальянских и российских ученых: профессора Пизанского университета Марко Сантагата; профессора Болонского университета Николы Гранди; профессора Университета г. Сиены Карлы Банья; профессора Университета г. Рима “Link Campus” Стефано Ардуини и профессора МГУ имени М.В. Ломоносова О.Ю. Школьниковой. Честь открыть конференцию была предоставлена первому советнику Генерального консульства Италии в Москве господину Вальтеру Ферраре. Затем слово взяла госпожа Ольга Страда, глава Итальянского института культуры в Москве. С приветственной речью выступила заведующая кафедрой романского языкознания М.А. Косарик. По окончании конференции состоялась встреча с деканом филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессором М.Л. Ремнёвой, на которой атташе по образованию, вице-консул Посольства Итальянской Республики в России господин Джузеппе Ло Порто выразил надежду, что подобные мероприятия станут хорошей традицией и что филологический факультет станет постоянным местом проведения Недели итальянского языка в мире. Данное намерение было скреплено дружеским рукопожатием.

Ключевые слова: филологический факультет; участие в XVIII Неделе итальянского языка; лекции итальянских профессоров.

18 октября 2018 г. на базе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошли лекции ведущих итальянских и российских профессоров. Мероприятие было организовано совместно с Итальянским институтом культуры в Москве, Отделом образования Генерального консульства Италии в Москве, Посольством Итальянской Республики в России и было приурочено к XVIII Неделе итальянского языка в мире. Тема Недели итальянского языка в этом году — «Итальянский язык и сеть, сети для итальянского языка» — была

Соколова Мария Сергеевна — доцент кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени Ломоносова (e-mail: bellamaria@inbox.ru).

призвана показать связь между языком и миром Интернета, новыми информационными технологиями, а также средствами социальной коммуникации, тема актуальная для мирового лингвистического сообщества, о чем свидетельствует целый ряд работ и исследований, посвященных этой тематике. Неделя итальянского языка проходит под патронажем Президента Итальянской Республики.

Открывая конференцию, первый советник Генерального консульства Италии в Москве господин *Вальтер Феррара*, возглавляющий Отдел по продвижению итальянской культуры, науки, языка и координации консульской сети, рассказал о тематике XVIII Недели итальянского языка в мире и выразил свою удовлетворенность возможностью проведения лекций ведущих итальянских лингвистов и литературоведов на филологическом факультете МГУ.

Затем слово было предоставлено госпоже *Ольге Страда*, главе Итальянского института культуры в Москве, которая выразила радость по поводу того, что в этом году Неделя итальянского языка проходит в трех крупнейших лингвистических вузах России (МГУ имени М.В. Ломоносова, Московском государственном лингвистическом университете и Российском государственном гуманитарном университете), и пригласила всех присутствующих посетить Международную ярмарку интеллектуальной литературы non/fiction № 19, в которой примут участие современные итальянские авторы.

Заведующая кафедрой романского языкознания *М.А. Косарик*, обратилась к участникам конференции с вступительным словом, выразив надежду, что подобное мероприятие на филологическом факультете станет регулярным событием.

Первым свою лекцию «Данте: эгоцентрик или пророк?» прочел профессор Пизанского университета *Марко Сантагата* — писатель, литературный критик, победитель литературной премии Campiello в 2003 г. и премии Stresa в 2006 г. Затем выступил профессор Болонского университета, крупнейший итальянский лингвист, действующий член целого ряда ведущих итальянских лингвистических обществ и член редколлегии журналов и вестников в области лингвистики Никола Гранди с лекцией «Типологические тенденции в процессе рестандартизации итальянского языка на примере студенческого аргю». Выступление профессора Университет г. Сиены Карлы Банья, в чьи научные интересы входит исследование лингвистической ситуации в Италии в эпоху глобализации и активной миграции и эмиграции населения, было посвящено моделям и методам лингвистического анализа в рамках контактной лингвистики. Профессор *О.Ю. Школьникова* (МГУ имени М.В. Ломоносова), автор двух пособий по переводу, специалист по итальянской и французской филологии, посвятила свое выступление «Понятию бездействия и его лексической репрезентации в итальянском и русском языках (на материале

переводов романа И.А. Гончарова “Обломов”»). Завершил серию лекций профессор Университета г. Рима “Link Campus”, специалист по переводоведению, автор более чем 90 научных статей и восьми книг, Стефано Ардуини с докладом «Перевод как образование».

По завершению мероприятия состоялась встреча с деканом филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессором М.Л. Ремнёвой, в рамках которой атташе по образованию, вице-консул Посольства Итальянской Республики в России господин Джузеппе Ло Порто выразил надежду, что подобные мероприятия станут хорошей традицией и что филологический факультет станет постоянным местом проведения Недели итальянского языка в мире. Данное намерение было скреплено дружеским рукопожатием.

Maria Sokolova

THE FACULTY OF PHILOLOGY JOINS IN THE WORLD WEEK OF THE ITALIAN LANGUAGE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This year the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University joined in the XVIII World Week of the Italian Language. Prominent Italian and Russian professors gave their lectures at Moscow University, among them Professor Marco Santagata (University of Pisa), Professor Nicola Grandi (University of Bologna), Professor Carla Bagna (University of Siena), Professor Stefano Arduini (“Link Campus” University of Rome), Professor Olga Shkolnikova (Moscow State University). The conference was opened by Mr. Walter Ferrara, First Counselor to the Consulate General, next came Ms. Olga Strada, Head of the Italian Institute of Culture in Moscow. Warm greetings also came from Professor Marina Kosarik, Head of the Department of Romance Linguistics, Moscow University. After the conference there was a meeting between Professor Marina Remneva, Dean of the Faculty of Philology, Moscow University, and Mr. Giuseppe Lo Porto, education attaché, vice consul to the Italian Republic in Russia. Mr. Lo Porto expressed his hope that such events would become a good tradition and the Faculty of Philology would permanently host the World Week of the Italian language. A friendly handshake signalled agreement.

Key words: faculty of philology; XVIII World Week of the Italian language; lectures of Italian professors.

About the author: *Maria Sokolova* — PhD, Associate Professor of the Department of Romance Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: bellamaria@inbox.ru).

М.Н. Володина, Д.С. Мухортов

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МОЛОДЕЖЬ И ЯЗЫК СМИ»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данная статья представляет собой обзор докладов, сделанных 28–29 сентября 2018 г. в рамках Круглого стола «Молодежь и язык СМИ» на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. На обсуждение был вынесен целый комплекс тем: лингвокультурологические, лингвопсихологические и социолингвистические аспекты взаимодействия молодежи и средств массовой информации; роль Интернета в формировании языковой личности студента; влияние политического медиадискурса на информационно-политическую грамотность молодежи; особенности работы молодежных средств информации и язык молодежных СМИ; специфика медиапотребления современной молодежи; речевая практика СМИ и ее отношение к языковой норме; принципы отбора и особенности использования материалов СМИ в образовательном процессе. Кроме отечественных исследователей, в работе Круглого стола принимали участие также коллеги из Германии и Казахстана.

Ключевые слова: язык СМИ; языковая личность студента; языковая норма; медиапотребление; информационно-политическая грамотность.

28–29 сентября 2018 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова проводился Круглый стол с международным участием «Молодежь и язык СМИ», организованный в рамках учебно-научного Центра филологического факультета «Язык средств массовой информации». С докладами выступили более 20 человек: профессора и преподаватели из МГУ имени М.В. Ломоносова (представители филологического факультета, факультета журналистики, факультета иностранных языков и регионоведения а также факультета психологии), из Казахстанского филиала МГУ (Астана, Казахстан), из Института языкознания РАН (Москва), Владимирского государственного университета имени А.Г. и М.Г. Столетовых,

Володина Майя Никитична — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель учебно-научного Центра «Язык средств массовой информации» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: volodina@philol.msu.ru; mnvolodina@mail.ru).

Мухортов Денис Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dennismoukhortov@mail.ru).

Орловского государственного института культуры, Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, из Тюбингенского университета имени Еберхарда и Карла (Германия), а также представители СМИ. К началу работы были опубликованы тезисы большинства выступлений.

Весь ход заседания и направление развернувшейся дискуссии во многом определила проблематика тем, вынесенных на обсуждение:

Лингвокультурологические, лингвopsихологические и социолингвистические аспекты взаимодействия молодежи и средств массовой информации.

Роль Интернета в формировании языковой личности студента/учащегося.

Влияние политического медиадискурса на информационно-политическую грамотность молодежи.

Особенности работы молодежных средств информации и язык молодежных СМИ.

Специфика медиапотребления современной молодежи.

Речевая практика СМИ и ее отношение к языковой норме.

Использование материалов СМИ в образовательном процессе: принципы отбора.

В вступительном слове профессор *М.Н. Володина*, руководитель учебно-научного Центра «Язык средств массовой информации», отметила, что СМИ и прежде всего Интернет, являются неотъемлемыми компонентами социального бытия современного человека и особенно молодежи, для которой «виртуальная реальность», создаваемая сетевыми СМИ, является наиболее востребованной. Язык СМИ сегодня относят к одной из основных форм языкового существования, а анализ текстов массовой коммуникации позволяет делать выводы относительно языковой компетенции говорящих и тенденций в развитии литературных языков. На повестке дня остро стоит вопрос о формировании медийно-информационной грамотности молодежи, а также техники медийной безопасности с целью защиты молодых людей от агрессивного воздействия сетевых СМИ.

Профессор *В.З. Демьянков*, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, в своем докладе подчеркнул, что важные события в культуре, науке и политике приводят к изменениям во взглядах общества не непосредственно, а в результате сообщений в СМИ. При этом понятие «важность события» обладает социальными измерениями, включая возрастные. «Исследование языковых техник подачи сообщений и прогноз их социального эффекта входят в задачи прикладной когнитивной лингвистики».

В выступлении профессора *В.Ф. Петренко*, заведующего лабораторией психосемантики и общения на факультете психологии МГУ, был поднят вопрос о воздействии СМИ на «социализацию сознания» молодого человека, чья психика формировалась в условиях развития Интернета. Переизбыток информации, при отсутствии систематического (медиа) образования породил в молодежной среде феномен «клипового сознания», когда картина мира представляет собой обрывки разрозненных сюжетов. Гонка за популярностью по количеству *лайков* в социальных сетях замещает живое общение и ведет к еще малоизученным, но уже необратимым изменениям в психике молодого человека. «Оценить направленность и силу коммуникативного воздействия позволяют методы экспериментальной психосемантики, фиксирующие изменения координат в семантическом пространстве текста сообщения или изображения в ходе коммуникации».

Профессор факультета журналистики МГУ *Н.И. Клушина* вынесла на обсуждение проблему роли Интернета в формировании языковой личности студента. «Интернет породил медиакультуру, «маркерами которой стали «лаконизм, обрывочность мыслей, «клиповость» сознания, болтовня и самопрезентация». Развитие интернет-технологий Web 3.0 с созданием генераторов стихов и новостей, а также с роботизацией текстов — может привести не просто к «дигитализации» языка и культуры, но к их «дегуманизации».

В докладе *А.А. Негрышева*, доцента Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, говорилось о пределах совместимости цифровой медиасреды и образования. Активное взаимодействие с цифровой средой ведет к снижению потенциала аналитического мышления, формируя «клиповое мышление» и «потребление», вместо усвоения знаний. Учет данных академической науки мог бы предотвратить обозначившиеся гуманитарные риски «тотальной» медиа-цифровизации образования, что актуально как для молодежи, так и для всего общества».

Профессором Тюбингенского университета имени Эберхарда и Карла (Германия) *Юргом Хойзерманом* была заявлена тема «Медийная компетенция с точки зрения филологии», посвященная проблеме «дигитализации» школьного образования. По мнению Хойзермана, задание учителя найти что-либо в Интернете, отсылает учащихся к поисковым системам, делая их заложниками применяющегося в этих системах алгоритма. Поиск информации должен быть «мыслительным процессом, при котором “Яндекс” или “Гугл” могут помочь, но не методом, границы которого заданы той или иной поисковой системой». Преподаватели должны учиться искусству аргументации и пониманию манипулятивных форм коммуникации, в которые

встроено «деление и распространение контента», когда сообщение комментируется уже самим контекстом или источником.

Г.Е. Кедрова, доцент филологического факультета МГУ отметила, что новые информационные технологии радикально «меняют практически все традиционные образовательные подходы и парадигмы». В рамках МООС (англ. MOOC — Massive Open Online Course) на уровне массовых открытых онлайн-курсов иностранного языка, «наиболее ярко проявились основные достоинства и недостатки как традиционных, так и ряда инновационных педагогических методик». Для достижения успеха в этой сфере «необходимо учитывать особенности поликультурного и мультиязычного характера коммуникации».

Доцент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ *И.Л. Лебедева* акцентировала внимание на лингвокультурных особенностях социальной сети Инстаграм. Учитывая, что доминирующим в сети является английский язык, русскоязычные пользователи общаются в ней, используя принципы языковой игры, построенной на основе лексико-морфологической и графологической гибридизации. Наравне с другими СМИ, ориентированными на молодежь, Инстаграм стал площадкой для формирования «русского английского» как средства «интракультурного общения с представителями родной лингвокультуры».

В своем докладе о воздействии политического медиадискурса на молодежь доцент филологического факультета МГУ *Д.С. Мухортов* отметил отсутствие у студенческой аудитории резистентности к манипулятивным ухищрениям со стороны СМИ. Непременным условием воспитания информационно-политической грамотности молодежи должно стать развитие навыков аналитического чтения публикаций на политические темы и совершенствование навыков аудирования прагмаориентированных выступлений политических деятелей. При этом акцент должен делаться на содержательной стороне.

Зав. кафедрой иностранных языков, доцент Орловского государственного института культуры, доцент *А.Г. Пастухов* обратился к вопросу о негативных рефлексиях политики в молодёжной аудитории Германии. По мнению исследователей, восприятие политики у молодых людей может иметь отрицательную коннотацию, однако, если конкретные темы воспринимаются молодежью как релевантные, политика теряет свой негативный имидж. «Нынешнее молодое поколение больше ориентировано на карьерный и финансовый успех, смысл которого можно свести к формуле “*Карьера вместо ухода из общества*”».

Темой старшего научного сотрудника филологического факультета МГУ *Е.В. Суровцевой* стало функционирование современной православной молодёжной прессы. На материале журналов “Наследник” и “Собрание” было показано, что православная молодежная пресса повествует о вечных ценностях, поднимает вопросы, важные для молодых людей, а также помогает вернуть в наш язык важнейшие слова национального самосознания.

Доцент факультета журналистики МГУ *Л.А. Круглова* на примере работы студенческой радиостанции «Моховая, 9» рассказала о том, как молодежь овладевает языком СМИ на практике. Редакторы отслеживают соблюдение стилистических норм в языке молодых ведущих и авторов программ. Идущий «в звук» текст выверяется с точки зрения правильного произношения и ударения. Особое внимание уделяется «тематическому планированию».

О.Н. Григорьева, доцент филологического факультета МГУ, в своем докладе говорила об особенностях взаимодействия «молодежного» рэпа и масс медиа: о влиянии сленга реперов на язык журналистов, проявляющееся в создании популярного жанра конвергентной журналистики, муссировании темы рэпа в материалах многотиражных газет и онлайн-журналов, об использовании темы СМИ в рэп-композициях.

Профессор филологического факультета МГУ *Д.Б. Гудков* обратился к рассмотрению языка спортивного комментария, в котором сквозь призму современного спортивного дискурса «отчетливо просматриваются тенденции общеупотребительного русского языка», свидетельствующие о размывании границ публицистического стиля и «полистилистичности» современных российских СМИ.

Доцент Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина *Т.А. Ленкова* затронула проблему специфики так называемой визуальной журналистики, в рамках которой «информация организуется в единый согласованный поток слов и образов», что делает современную прессу более креативной. Было отмечено, что «мультимедийность» онлайн-изданий и «креолизованность» печатной продукции во многом объясняется борьбой прессы за целевую аудиторию в возрастном диапазоне от 17 лет.

Профессор филологического факультета МГУ *Т.Б. Назарова* констатировала разрыв норм устной и письменной речи в ущерб нормативности устной речи «применительно к современному английскому языку и преподаванию английского языка как иностранного». Задача преподавателя видится в том, чтобы на основе аутентичных медийных ресурсов и в первую очередь содержательных статей из качественной зарубежной прессы развивать у учащихся навыки

работы с устной и письменной речью, формируя коммуникативные компетенции, необходимые в деловом общении.

Доцент филологического факультета МГУ *И.Э. Стрелец* рассматривал проблему влияния СМИ на формирование языковой нормы у российской молодежи под другим углом зрения. Пафос выступления сводился к тому, что морфосинтаксическую и лексико-фразеологическую сочетаемость в оборотах устной речи СМИ нередко выдают за норму, которая противоречит устоям русского языка. В связи с этим студентам вузов — как гуманитарных, так и технических специальностей — необходима коррекция речевых псевдообразцов за счет курса «Русский язык и культура речи».

С.М. Треблер, доцент Казахстанского филиала МГУ, обратилась к проблеме нарушения произносительной нормы русского языка в речи молодых радио- и телеведущих на примере произношения твердого или мягкого варианта согласного в позиции перед гласным *e* в подсистеме заимствованных слов русского языка (па [т'энт], но [тэнт]). Сопоставление данных орфоэпических и произносительных словарей позволило выявить тенденцию развития орфоэпической нормы, касающейся качества согласных перед гласным *e*.

Согласно профессору *Т.Г. Добросклонской*, руководителя Центра по изучению медиадискурса факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, насущным требованием современной методической науки является использование медиатекстов в качестве учебного материала как в обучении иностранным языкам, так и в преподавании курсов по межкультурной коммуникации. При этом было подчеркнuto, что «использование медиатекстов в качестве учебного материала основывается на принципах прагмалингвистической адаптации».

Доклад доцента Казахстанского филиала МГУ *Г.П. Байгариной* был посвящен необходимости использования медиатекстов для выполнения заданий по русскому языку, позволяющих «обсуждать состояние русского языка современности, а также осмысливать, какой мир репрезентируют СМИ и какие ценности они отстаивают». Была отмечена необходимость выработки системы заданий, побуждающих учащихся к критическому анализу, что «формирует медийную грамотность и медийную компетентность молодых», которая является «одной из важнейших задач медиаобразования».

Живой интерес аудитории вызвало спонтанное выступление шеф-редактора сайта «РИА-новости» *И.В. Юрченко*, выпускника филологического факультета МГУ 2010 г., закончившего специализацию «Язык СМИ». Перечислив ключевые должности, которые занимают молодые люди в онлайн-СМИ, Юрченко подчеркнул,

что молодежь осваивает новые и интересные профессии, участвуя в «сдвиге» печатных масс-медиа к электронным».

Заседание завершилось обменом мнений между выступавшими и слушателями. Активное участие в развернувшейся дискуссии принимали студенты филологического факультета и гости.

Maya Volodina, Denis Mukhortov

**THE INTERNATIONAL ROUNDTABLE
YOUNG PEOPLE AND MASS MEDIA LANGUAGE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article offers an overview of the International Roundtable *Young People and Mass Media Language* on September 28–29, 2018 at Moscow University's Faculty of Philology. The forum discussed a wide range of topics, including cultural, psychological and sociolinguistic aspects of the interaction between young people and mass media; the role of the Internet in the making of the student's language identity; the impact of political media discourse on the political literacy of youths; specifics of media consumption by youths; the impact of mass media on language norms; specifics of youth-run mass media; the selection and use of mass media material on high school and college curricula. The roundtable gathered researchers from Russian, German, and Kazakh universities.

Key words: mass media language; student's language identity; language norm; mediaconsumption; political literacy.

About the authors: *Maya Volodina* — Prof. Dr., Department of German Linguistics, Head of the educational and research center *Mass Media Language*, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: volodina@philol.msu.ru; mnvolodina@mail.ru); *Denis Mukhortov* — PhD, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dennismoukhortov@mail.ru).

Е.А. Нефедова

**ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье излагается содержание научных докладов, прочитанных диалектологами кафедры русского языка филологического факультета МГУ на очередной международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии», состоявшейся 26–28 октября 2018 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Ключевые слова: лингвистика; филология; русская диалектология.

26–28 октября 2018 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН состоялась международная конференция «Актуальные проблемы диалектологии». Диалектологи кафедры русского языка филологического факультета МГУ приняли активное участие в конференции, выступая с докладами на пленарных и секционных заседаниях. На пленарном заседании были представлены доклады проф. *Е.А. Нефедовой*, доц. *С.К. Пожарицкой*, м.н.с. *И.Б. Качинской*.

Доклад *Е.А. Нефедовой* «ЗА-глаголы в архангельских говорах» был посвящен семантике глаголов с приставкой ЗА-, широко употребляемой в архангельских говорах как второй приставочный элемент при соединении с глаголами как несовершенного, так и совершенного вида. Продуктивная модель с вторичной приставкой ЗА- является яркой особенностью словообразовательной системы диалекта. Вторичная префиксация небезразлична для морфологической системы, что проявляется в усложнении способов образования глаголов совершенного вида и появлении синонимичных глаголов (*покрыть* и *запокрыть*, *повторить* и *заповторить*), а также в формировании синонимичных видовых пар глаголов (*крыть* — *покрыть* и *крыть* — *запокрыть*). Глагольные формы с удвоением приставки обладают большей выразительностью, возможно, они определяют действие как более интенсивное.

В докладе *И.Б. Качинской* и *А.В. Мальшевой* «О корпусе диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка» были назва-

Нефедова Елена Алексеевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: eanefedova@gmail.com).

ны области России, материал из которых уже вошел в Диалектный подкорпус в последние годы, а также области, материал из которых подготовлен к выставке или будет подготовлен в ближайшее время. На презентации были продемонстрированы возможности разметки в программе «Рабочее место диалектолога», возможности поиска по Подкорпусу по самым разным параметрам. Прозвучало обращение к диалектологам более активно подавать тексты в Диалектный подкорпус НКРЯ.

В докладе *С.К. Пожарицкой* «О флексии творительного падежа множественного числа в говорах Архангельской области» предметом обсуждения послужил малоизученный участок лингвогеографии и диалектной морфологии — формы тв. падежа мн. числа имен существительных и прилагательных на территории, оказавшейся за рамками Диалектного членения русского языка 1964 г. Выяснилось, что на территории севернорусского наречия эти формы могут иметь разные окончания — согласованные (*но́выми дома́ми, ра́зныма нитки́ма*) и не согласованные (*худы́ма дела́ми*).

В работе секций конференции приняли участие члены кафедры русского языка проф. С.В. Князев, преп. Ж.А. Панина, м.н.с. И.Б. Качинская, асп. Е.А. Ковригина и Н.А. Редько.

Доклад *И.Б. Качинской* был посвящен необычному письменному источнику: вышивке на платках. Во время диалектологической практики Филиала МГУ в г. Баку в селе Ивановка Исмаиллинского района Республики Азербайджан, где уже 200 лет проживают когда-то сосланные на Кавказ русские протестанты (молокане), был обнаружен необычный письменный источник. Это платочки, вышитые «крестиком», в центре которых расположены симметричные узоры, а по краям в три ряда вышиты строки из популярных народных песен. Вышивки сделаны в 1950-е годы. На презентации были показаны фотографии семи платков с вышитыми текстами достаточно большого объема и расшифровки этих текстов. Аутентичные вышивки на платках дают представление о народных песнях, бытовавших в селе Ивановка, и частично отражают особенности местной речи. Подробное обследование фонетики и грамматики позволяет предположить связь говора с. Ивановка с Рязанскими, Тамбовскими и Воронежскими говорами, т.е. с восточной зоной южнорусского наречия.

Ж.А. Панина в своем докладе рассмотрела семантику и сочетаемость слова *недeля*. В архангельских говорах оно функционирует в значении, общем с литературным языком, в значении 'воскресенье', восходящем еще к общеславянскому языку, и собственно диалектном значении 'будние дни'. В значении 'период времени, равный семи дням' слово *недeля* входит в состав многочисленных хрононимов, связанных с Масленично-Пасхально-Троицким циклом народного

календаря (*Масленая, Вербная, Страшная, Светлая неделя* и др.), а также с наиболее почитаемыми праздниками церковного календаря (*Ильинская, Ивановская, Прокóпьевская неделя* и др.). Отмечено, что эти недели приобретали те же семантические доминанты (приметы, поверья и т.п.), что и соответствующие праздники. Неделя как короткий, незначительный отрезок времени сопоставляется часто с веком или годом (*Гóд-от — дóлга неделя, мнóго воды перетекé; Вék не неделя, вék — не пóлѣ перебежáть*).

В докладе *Е.А. Ковригиной* были рассмотрены фрагменты семантических полей 'БОЛЕЗНЬ' и 'ТОСКА', которые в говорах архангельского региона вступают во взаимодействие друг с другом. В результате пересечения этих полей образуется единый смысловой участок, охватывающий словозначения с общими признаками 'состояние болезни', 'чувство боли' и 'моральное состояние'. Их взаимосвязь можно проследить через соотношение как прямых, так и производных значений. Взаимодействие семантических полей 'БОЛЕЗНЬ' и 'ТОСКА' в говорах заключается, во-первых, в наличии у них единиц синонимических связей; во-вторых, в возможном влиянии поля 'БОЛЕЗНЬ' на расширение семантики поля 'ТОСКА'. Если в литературном языке ТОСКА координируется только с концептом ДУША, то в говорах концепт ТОСКА оказывается тесно связанным и с концептом ТЕЛО.

Доклад *Н.В. Редько* был посвящен семантике ЗЛА в говорах архангельского региона. Бинарная оппозиция *добро — зло* является базовой для русской языковой картины мира. В говорах архангельского региона общерусские слова *добро* и *зло* имеют большое количество дериватов и являются вершинами разветвленных словообразовательных гнезд. Слово *зло* и его дериваты в первичном значении 'все плохое, недолжное' образуют ядро морфосемантического поля и формируют его центр, в котором находятся семемы, представляющие для носителей диалекта нравственную антиценность. Ближнюю периферию составляют обозначения негативных чувств, связанных со *злом*: чувства гнева, ненависти, обиды, досады или радости, что другому плохо. Дальняя периферия — круг семем, обозначающих разного рода несчастья: физические и моральные беды, горести, неприятности, несчастливую судьбу. Проведенный анализ показал, что поле 'ЗЛО' и словообразовательное гнездо существительного *зло* не тождественны друг другу. Некоторые единицы гнезда входят в другие семантические области, сохраняя связь с центром поля только в диахронии.

В докладе *С.В. Князева и П.А. Малыхиной* был представлен анализ эволюции системы предупредительного вокализма в речи представителей одной семьи москвичей, выходцев из Брянской области.

Кроме того, на конференции выступили бывшие аспиранты кафедры русского языка: *Е.В. Колесникова* (науч. сотр. Отдела диалектологии ИРЯ РАН) с докладом на тему «Звуки [л] [л'] [у-неслоговое] на месте <л> в архангельских говорах» и *М.К. Пак* (проф. КарГУ им. Е.А. Букетова, Казахстан) с докладом «Вопросы русской диалектологии в трудах М.В. Ломоносова».

Доклады, прочитанные на конференции «Актуальные проблемы диалектологии», отразили основные направления исследований участников НИР «Изучение структуры и функционирования русского диалектного языка. Изучение русской диалектной картины мира в ее территориальном варьировании. Создание «Архангельского областного словаря».

Elena Nefedova

**A CHRONICLE OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE
*PROBLEMS OF DIALECTOLOGY***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses reports read by dialectologists of the Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University at the regular international conference *Problems of Dialectology*, held on October 26–28, 2018 at the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences.

Key words: Linguistics; Philology; Russian dialectology.

About the author: *Elena Nefedova* — Prof. Dr., Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: eanefedova@gmail.com).

Т.А. Пахарева, Д.Ю. Кондакова

**II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА: ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИИ, ОПЫТЫ»**

*Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова
01601 Украина, г. Киев, ул. Пирогова, 9*

В статье отражены основные итоги II Международной научной конференции «Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты», которая прошла 26–27 апреля 2018 г. в Национальном педагогическом университете им. М.П. Драгоманова в Киеве и была посвящена теме «Литература и история». Участниками рассматривались как проблемы функционирования литературы в пространстве истории, так и всевозможные формы отражения истории в литературе, а также вопросы методологии историко-литературных исследований.

Ключевые слова: история литературы; историография; исторический нарратив; мифологизация истории; историзм, новый историзм.

26–27 апреля 2018 г. в Национальном педагогическом университете им. М.П. Драгоманова в Киеве прошла II Международная научная конференция «Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты». Предметом обсуждения стала взаимосвязь литературы и истории. Сквозь призму проблемы «история в пространстве литературы» обсуждались: основные подходы к освоению исторического контекста в художественной литературе; мифологизация истории и формирование «эстетики истории» (К.Г. Исупов) в художественной литературе; особенности исторического и квазиисторического нарратива; пути отражения в литературе коллективного и индивидуального «бытия в истории»; функционирование литературного текста в историческом пространстве. Аналитическими стратегиями стали разнообразные варианты междисциплинарного диалога между литературоведением

Пахарева Татьяна Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и теории литературы Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова, Киев (e-mail: pahareva@rambler.ru).

Кондакова Дарья Юрьевна — кандидат филологических наук (PhD), старший преподаватель кафедры мировой литературы и теории литературы Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова, Киев (e-mail: overtouyou1@gmail.com).

и историографией, пути развития «старого» и «нового» историзма, актуальные вопросы исторической поэтики.

Акцентированно прозвучали доклады, посвященные методологическим проблемам исследования литературы в историческом освещении и путям развития историко-литературных исследований. *А.А. Юдин* (Киев; «Философия литературы и история литературы») проанализировал два полемических выступления М.Л. Гаспарова против «философствующей филологии» М.М. Бахтина, указав как научную небезосновательность гаспаровской критики, так и непоследовательность позиции Гаспарова, в работах которого также присутствует не только объективистское «подсчитывание», но и неотрафлексированное философствование; феномен Бахтина докладчик трактует как неудавшуюся научную революцию, суть которой в создании сознательно философствующей филологии; но наследие ученого, по мнению А.А. Юдина, может служить основой развития философии литературы как особой дисциплины.

Прослеживая динамику смены методологий исторической поэтики, *Н.М. Нагорная* (Киев) выявила пути возможной модернизации основных принципов культурно-исторической школы и поставила проблему создания новой периодизации истории литературы. *О.В. Червинская* (Черновцы) анализировала разнообразие стратегий анализа литературного текста как исторического документа; в докладах *Е.В. Педченко* (Мариуполь) и *Н.И. Бацак* (Киев) рассматривались методологии «нового историзма» в контексте социологии литературы. Доклад *Т.В. Михед* (Киев) был выстроен вокруг проблемы функционирования шекспировского канона в меняющихся социокультурных обстоятельствах (в частности, рассматривались актуализированные историческими реалиями XX в. аспекты «Кориолана»).

Другой обсуждавшейся темой стала мифологизация истории. В докладе *С.И. Кормилова* (Москва) была проанализирована роль художественной литературы в оформлении канонических, принятых в том числе и историографами, версий и оценок исторических событий. Многие докладчики обращались к осмыслению стратегий и форм мифологизации истории в литературе. В докладе *В.П. Казарина* (Киев) и *М.А. Новиковой* (Симферополь) «Н.В. Гоголь: “Страшная месть” — круг и чаша» рассматривались обстоятельства поездки Гоголя в Крым, его пребывание в Западном Крыму, в посёлке Саки, где он лечился от депрессии (1835), и отражения «крымского текста» Украины в «Страшной мести» (1832), проанализированы символы Круга, Чаши, Книги, символическая композиция повести и её религиозно-философский контекст; сопоставлено историческое и космическое время повести; по-новому интерпретирован её сюжет

в национальном и кросс-культурном аспектах. В докладе *О.А. Корниенко* (Киев) было прослежено, как мифотворчество советской эпохи оказывается в своей основе трансформацией универсальных мифологических структур (конец Старого мира, созидание — строительство Нового, борьба с силами Хаоса, гармонизация Космоса, создание пантеона вождей и культурных героев, замещение циклической модели развития линейной, различные вариации близнечного мифа; доминантными выступают мифы о преображении, человеке-творце, демиурге нового Космоса). *Н.А. Резниченко* (Киев) на материале «Окаянных дней» И. Бунина проанализировал форму «дневника писателя» как «развернутого конспекта» основных сюжетов литературно-исторического мифа. *М.В. Еремина-Чащина* (Киев) обратилась к проекциям эсхатологического мифа в новеллистике С. Кржижановского 1920—1940-х годов: были проанализированы основные маркеры конца света в восприятии писателя, сопрягающиеся с танатологическим аспектом его произведений; совмещение идеи «вечного возвращения» после катастрофы к исходному состоянию мироздания с библейским понятием об Апокалипсисе позволяет, по мнению докладчицы, выделить циклический эсхатологический миф как основной для авторского мировидения Кржижановского и для русской культуры в целом. О фикционализации истории в эпоху постмодерна как одном из вариантов мифологизации истории говорила *Е.Ю. Титаренко* (Харьков). Доклад *Е.Н. Боровской* (Киев) был посвящен повторяющемуся в разнообразных образных воплощениях в произведениях Н.А. Львова мотиву «женской власти», связанному с правлением Екатерины II (к вариантам мотива относятся аллегорическая «барыня большая» в поэме «Русский 1791 год», персонифицированный образ Дудоровой горы в поэме «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня», образ «матери сырой земли» в стихотворении «На угольный пожар»).

Взаимодействие литературы и истории рассматривалось также сквозь призму национальной идентичности (доклады *Ю.В. Вишницкой* (Киев), *Н.Д. Осмак* (Киев), *С.Н. Барабаш* (Киев), *Д.В. Зозуляк* (Киев)); в докладе *В.Ф. Погребенника* (Киев) на фоне исторических коллизий эпохи были осмыслены этноментальные гуцульские черты в творчестве Ст. Винченца и И. Франко.

Проблематика запечатления литературой бытия в истории многими докладчиками раскрывалась через категорию памяти. К исторической и культурной памяти обращались доклады *В.Я. Звиняцковского* (Киев) об изменениях рецепции «Войны и мира» и *Н.А. Лихомановой* (Киев) о трансформациях культурной памяти в романе современной британской писательницы Зеди Смит «Белые зубы» (обсуждая

нарративные особенности романа, Н.А. Лихоманова рассмотрела технологии анализа структуры памяти, особенности практического функционирования «коммуникативной памяти» и «культурной памяти», которые, в свою очередь, формируют «коллективную историческую память», воплощающую национальную идентичность). Взаимодействие исторической и личной памяти было предметом осмысления в докладах *Э.Г. Шестаковой* (Донецк) «Памятливость совести в мотиве *русский человек на rendez-vous* на материале новеллы И. Бунина “Галя Ганская”» и *Ю.А. Помогайбо* (Одесса) «Сентиментальные немцы: тоска по восточной “Атлантиде” в XXI веке (Й. Шпаршу, Т. Бруссиг)». *Д.Ю. Кондаковой* (Киев) на материале романа современного ирландского писателя К. Тойбина «Мастер» был рассмотрен исторический фон творчества Генри Джеймса как отражение коллективного и индивидуального «бытия в истории», выделены и проанализированы темы, которые актуализируются в литературе рубежа XX–XXI вв.: память, реконструкция истории семьи как средство восстановления памяти, травма, гендерные вопросы. Особое внимание было уделено нарративной технике романа, имитирующей особенности письма Г. Джеймса.

Реализация «чувства истории» через топологию была прослежена в ряде докладов. *Т.В. Алешка* (Минск) в стержневых образах и мотивах «репинского» цикла Б. Ахмадулиной выявила своеобразие трактовки поэтессы истории и культуры начала XX в. *Е.В. Юферевой* (Киев) топос руин в интернет-травелоге был проанализирован в соотносении с категориями прошлого и настоящего. *Т.А. Пахаревой* (Киев) были выявлены основные семантические пласты топоса столицы в поэзии акмеистов; установлено неполное совпадение семантики столицы с семантикой Петербурга и выявлены смысловые доминанты концепта «столица», реализованные в мотивах поруганной царицы, апокалиптического одичания и деградации, в трагедийно-исторических коннотациях архитектурного образа арки как маркера столичного пространства.

Активно обсуждались исторически обусловленные особенности нарративных стратегий. Аспирант из КНР *Гун Цинцин* (МГУ) рассматривала субъектные формы выражения авторского сознания (словесные приемы и повествовательные стратегии, прямые и косвенные авторские характеристики) в прозе В.С. Маканина 1970–1980-х годов. *Л.В. Белогорской* (Киев) были выявлены исторически и политически обусловленные изменения сюжетной логики, характера образности и нарративных приемов в поздних романах А. Грина.

Внимание привлекали жанровые аспекты реализации исторического начала в художественной литературе. *Е.С. Анненкова* (Киев) обратилась к анализу историографических романов Дж. Барнса сквозь

призму фабуляции как ключевой стратегии историографического дискурса писателя. *Е.Н. Костюк* (Киев) исследовала изобразительность как конституирующую черту жанра русской исторической повести первой половины XIX в. На материале трех произведений («Роман и Ольга» А. Бестужева-Марлинского, «Повесть о Симеоне, Суздальском князе» и «Рассказ моей бабушки» А. Крюкова) были выявлены особенности литературной изобразительности, осмыслен изобразительный ряд исторической повести периода как целостное явление, раскрыты отдельные закономерности его формирования и развития. *Е.И. Никитская* (Киев) проанализировала в поэме Н. Гумилева «Открытие Америки» синтез разновременных моделей жанра поэмы: от архаического героического эпоса и поэмы эпохи Возрождения до романтической поэмы. *Ю.В. Жук* (Одесса) анализировала специфику детективных элементов в романе Г. дель Торо и Ч. Хогана «Штамм», обусловленную влиянием постмодерна. *Ю.Г. Кабиной* (Черкассы) рассматривались особенности осмысления истории средствами парадокса (в частности, анализировался прием конструирования фактов с помощью приемов наррации) в литературе XX в. *Е.А. Плетеная* (Херсон) посвятила выступление историческому дискурсу в конспирологическом детективе Д. Брауна и жанровому феномену конспирологического детектива как таковому. *Н.В. Односум* (Киев) проанализировала историософский и персонологический планы «Доктора Живаго» сквозь призму жанра духовной автобиографии, в итоге определив пастернаковский роман как «духовную автобиографию поколения». Проекция исторической эпохи в интермедиальном (литература-живопись) пространстве были прослежены в докладе *А.А. Степановой* (Днепр).

Немало докладов было посвящено 1918 г. в литературе и литературным событиям этого года в их связи с «внезапно и грозно наступившей историей» (М. Булгаков). Участники конференции обратились к литературным отражениям 1918 г. в художественных текстах и публицистике. *В.Б. Мусий* (Одесса) выявила общее мотивно-тематическое ядро разножанровых текстов А.Н. Толстого, придя к выводу о том, что и произведения о современнике, интеллигенте, чувствующем, что он находится «между небом и землей», и рассказы о прошлом (эпохе Петра I) отражают формирующееся в эти годы у А.Н. Толстого понимание исторического процесса; писатель был склонен к символично-аллегорическому выражению своих взглядов на историю, к опоре на универсальное, к выстраиванию оппозиции «рациональное — стихийно-чувственное», к отрицанию линейности исторического процесса. *Вэнья Цзоу* (Москва) исследовала художественное отражение 1918 г. в «Докторе Живаго», учитывая такую особенность хронотопа романа, как переход от календарного к нели-

нейному времени в повествовании о событиях после 1914 г. *И.В. Соловцова* (Херсон) соотнесла с контекстом 1918 г. художественный мир написанного в этом году рассказа Куприна «Царский писарь», а *Л.В. Романенко* (Мариуполь) обратилась к рефлексиям на события 1918 г. в творчестве современных украинских прозаиков.

Одним из аспектов осмысления функционирования литературных текстов в историческом пространстве стал переводоведческий: *Г.А. Аманова* (Ташкент—Москва) показала, к каким стратегиям обращалась А. Ахматова, переводя корейскую поэзию и пытаясь передать ее традиционную образность, связанную с китайской историей и мифологией.

Вопросам преподавания литературы в ее исторической динамике и в контексте истории были посвящены доклады *Е.А. Исаевой* (Киев), *Ж.В. Клименко* (Киев), *Л.В. Давидюк* (Киев), *А.О. Мельник* (Киев), *Е.Н. Чайки* (Глухов), *Е.А. Демьяненко* (Белая Церковь); исторически обусловленным изменениям рецепции (у современных студентов и школьников) текстов классического канона и современной популярной литературе — доклад *О.Н. Филенко* (Киев).

Tetiana Pakharieva, Daria Kondakova

II INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE THE ANALYSIS & INTERPRETATION OF LITERARY TEXT: PROBLEMS, STRATEGIES, EXPERIMENTS

*Dragomanov National Pedagogical University
Pirogova Str. 9, Kyiv, Ukraine, 01601*

This article reflects the results of the II International scientific conference «The Analysis & Interpretation of Literary Text: Problems, Strategies, Experiments» (April, 26-27, 2018, National Pedagogical Dragomanov University, Kyiv, Ukraine). The conference was dedicated to the topic “Literature & History”. The researchers discussed the problems of literature functioning within the historical space, various forms in which history is reflected in literature, as well as the methodological issues of historico-literary research.

Key words: literary history; historiography; historical narrative; mythologization of history; historicism; new historicism.

About the authors: *Tetiana Pakharieva* — Prof. Dr., Department of World Literature and Literary Theory, Faculty of Foreign Philology, Dragomanov National Pedagogical University, Kyiv, Ukraine (e-mail: pahareva@rambler.ru); *Daria Kondakova* — PhD, Department of World Literature and Literary Theory, Faculty of Foreign Philology, Dragomanov National Pedagogical University, Kyiv, Ukraine (e-mail: overtoyoul@gmail.com).

Д.П. Ивинский

КАНТЕМИР И КАРАМЗИН: ДВЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991 Москва, Ленинские горы, 1

В статье содержится краткий обзор проблематики межвузовской научной конференции «Разговоры о множестве миров Антиоха Кантемира», подготовленной кафедрой истории русской литературы совместно с РГГУ, и круглого стола «“История государства Российского” Н.М. Карамзина и русская культура», организованного кафедрой к 200-летней годовщине выхода в свет первых восьми томов данного труда. Приводятся названия прочитанных докладов и подводятся предварительные итоги обсуждения ключевых проблем.

Ключевые слова: история русской литературы; Кантемир; Карамзин; «История государства Российского».

Имена Кантемира и Карамзина редко сближаются друг с другом: при всей неслучайности выраженного интереса последнего (а в какой-то степени и его круга) к личности и сочинениям первого, между ними слишком мало общего, чтобы можно было заняться прямым сопоставлением их произведений. В связи с этим сближаются они, как правило, произвольно — или в той специфической перспективе «большой» истории русской литературы, которая предполагает возможность сопоставления не столько текстов, сколько тенденций развития и отдельных эпох. Здесь отмечается роль Кантемира как поэта, открывающего XVIII в. в той его части, которая связана со становлением русской литературы как в полном смысле слова европейской, и Карамзина как «русского европейца», завершившего это столетие и открывшего новое, XIX, причем как собственно литературными, так и историческими сочинениями. По этой причине кафедра истории русской литературы сочла возможным провести одно за другим два мероприятия, формально друг с другом не связанные, однако позволяющие оценить динамику русского литературного процесса. 21–22 сентября 2018 г. совместно

Ивинский Дмитрий Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru).

с ИФИ РГГУ и Гуманитарным клубом «Интрада» кафедра провела межвузовскую научную конференцию «Разговоры о множестве миров Антиоха Кантемира», приуроченную к 310-й годовщине со дня рождения Антиоха Кантемира (1708–1744), а 6 октября — круглый стол «“История государства Российского” Н.М. Карамзина и русская культура», приуроченный к 200-летней годовщине выхода в свет первых восьми томов данного труда.

В первом случае мы учитывали тот факт, что Кантемир, при всем своем значении, которое никогда не ставилось под сомнение, остается в тени своих младших современников — Ломоносова и Сумарокова, даже Третьяковского, исследовательский интерес к которому в последние десятилетия неуклонно нарастает. В какой-то мере данная ситуация обусловлена нехваткой достоверных биографических данных, которые позволили бы уточнить роль Кантемира в литературной и общественно-политической жизни его эпохи. Между тем уже сейчас вполне возможно, опираясь на уже имеющиеся (сравнительно немногочисленные) труды, посвященные Кантемиру, обсуждать его влияние на русскую поэзию, то место, которое он занимал в литературном сознании Хераскова, Батюшкова, Пушкина... Всего было прочитано и обсуждено 12 докладов, со вступительными словами, обращенными как к исследователям жизни и творчества Кантемира, так и к немногочисленным поклонникам его дарования, представленных главным образом магистрантами и аспирантами филологического факультета и РГГУ, выступили *О.Л. Довгий* (РГГУ, факультет журналистики МГУ), которой принадлежит идея конференции, и *Д.П. Ивинский*. В конференции приняли участие сотрудники кафедр истории русской литературы и русского языка филологического факультета МГУ, института филологии РГГУ, филологи из Владимира, Нижнего Новгорода, Саранска. Прочитанные доклады: «Экземпляры “Симфонии, или согласия на книгу псалмов царя и пророка Давида” А. Кантемира в собрании Научно-исследовательского Отдела редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки» (*Ю.Э. Шустова*, РГГУ-РГБ), «Русский просветитель в окружении Regina Scientiarum: Антиох Кантемир и математика» (*П.П. Галанюк*, Коломенская Духовная семинария), «Кантемир и Херасков: к постановке вопроса» (*Д.П. Ивинский*), «Антиох Кантемир и Евгений Евтушенко» (*О.Л. Довгий*, МГУ-РГГУ), «“Разговоры о множестве миров” Кантемира в курсе истории русского литературного языка» (*Е.А. Кузьминова*, *Н.Н. Николенкова*, *Т.В. Пентковская*), «Н.Е. Freyherr von Spilker — переводчик “Сатир” Антиоха Кантемира» (*В.Н. Базылев*, МГЛУ), «По какому случаю могла быть написана басня Кантемира

“Ястреб, Павлин и Сова”» (Е.В. Пчелов, РГГУ), «Эзоповская традиция в баснях Антиоха Кантемира» (Д.М. Агапова, Мордовский ГУ), «Шишков и Шихматов о Кантемире» (В.Л. Коровин), «Топос изобретателя в поэтологических полемиках XVIII века: Антиох Кантемир и Василий Тредиаковский» (М.Ф. Надъярных, ИМЛИ РАН), «Кантемир в творчестве Анны Присмановой» (А.В. Коровашко, ННГУ), «Семиотика «множественности» художественной проекции мира в тексте Антиоха Кантемира» (Г.Т. Гарипова, Владимирский ГУ). В конце первого дня работы конференции была осуществлена презентация второго издания монографии О.Л. Довгий «Сатиры Кантемира как код русской поэзии: Опыт микрофилологического анализа» (М., 2018). Видео первого дня конференции: <https://yadi.sk/i/d1RWITWmV6gaaA>.

Участниками конференции обсуждались различные аспекты восприятия творчества и личности Кантемира поэтами разных эпох, в том числе Тредиаковским, Херасковым, Шишковым и Шихматовым, Евтушенко; его влияние на язык русской поэзии и его роль в истории русского литературного языка, жанры его творчества (в т.ч. переводы), смысл отдельных произведений, часто ускользающий от современного читателя, не имеющего возможности прочесть их адекватно, т.е. во всей совокупности идеологических, литературных, социальных контекстов, значимых для Кантемира и с трудом реконструируемых специалистами в наше время, его восприятие античности, его интерес к точным наукам, в частности к математике, инскрипты на сохранившихся экземплярах печатных изданий его трудов.

В результате обозначились некоторые существенные гипотезы, требующие дополнительного изучения. Первая: влияние Кантемира на русскую поэзию не ограничено ни его временем, ни даже периодом империи, поскольку и в современные поэты обращаются к его творчеству; другое дело, что влияние это опосредовано множеством текстов, создававшихся после смерти Кантемира, как собственно литературных, так и литературно-критических, публицистических, биографических и иных. Вторая: если современники воспринимали Кантемира не только как автора сатир, но как исключительно одаренного переводчика и своего рода посредника между русской и западноевропейскими литературами, то потомки, как правило, помнили именно о сатирах и при этом часто вообще игнорировали его творчество как целостную и при этом динамическую конструкцию. Третья: посмертная литературная репутация Кантемира вбирала в себя отзвуки литературной жизни (в том числе явных и скрытых полемик по литературным и общественным вопросам) позднейших

времен, а его литературная биография и тексты его сатир становились своего рода культурными кодами, которые актуализировались по мере необходимости очень разными поэтами в диапазонах, скажем, от Хераскова до Батюшкова и от Третьяковского до Ширинского-Шихматова. Четвертая: именно по этой причине Кантемир оказался причислен к пантеону «русских классиков»: на него могла опереться в принципе любая литературная группа, стремившаяся подчеркнуть свою связь с «истоком» «сатирического направления». Пятая: литературная личность Кантемира до некоторой степени сопоставима с ломоносовской: как и «певца Елизаветы» его интересовали поэты древние и новые, не только поэзия, но и теория поэзии (в частности, теория и практика стиха), подобно Ломоносову он был знатоком европейской риторической традиции и при этом был хорошо осведомлен в области современного богословия; наконец, подобно Ломоносову проявлял, пусть и не столь выраженный, как у последнего, интерес к «точным» наукам (математике). По итогам конференции планируется издание коллективной монографии.

На круглом столе, посвященном «Истории государства Российского», были прочитаны следующие доклады: «“Первый историк и последний летописец”: к вопросу о “литературном” и “историческом” в древнерусском летописании и “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина» (*А.В. Архангельская*), «О некоторых моральных категориях в “Истории” Карамзина: злодейство и несчастье» (*В.Л. Коровин*), «Пушкин и “История государства российского”» (*Д.П. Ивинский*), «Гоголь — читатель “Истории государства российского”» (*В.А. Воропаев*), «Достоевский и “История государства российского”» (*А.Б. Криницин*). К числу значимых результатов круглого стола возможно отнести следующие. Во-первых, было показано, что главная книга Карамзина вобрала в себя ту проблематику, нравственную и религиозно-метафизическую, которая занимала его воображение еще во времена сотрудничества с Н.И. Новиковым и позднее, во времена издания «Московского журнала», альманахов и «Писем русского путешественника». Во-вторых, выяснилось, что в русской литературе XIX в. существовала устойчивая модель восприятия «История государства российского», с которой взаимодействовали столь разные авторы, как Пушкин и Жуковский, Гоголь, славянофилы, Достоевский. В-третьих, именно «История государства российского» принадлежит к числу крайне немногочисленных сочинений, которые формируют представление о единстве не только истории России, но и истории русской литературы, связывая в ее смысловом поле древнерусскую письменность и изящную литературу и идеологию императорского периода.

Dmitry Ivinsky

**KANTEMIR AND KARAMZIN:
THE CONFERENCES**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article overviews the cross college scientific conference *Discussing the Many Worlds of Antiochus Cantemir*, jointly organized by the Lomonosov Moscow State University and the Russian State University for Humanities, and the round table *Nikolay Karamzin's History of the Russian State and Russian Culture*, organized by the Lomonosov Moscow State University, to mark the 200th anniversary of the publication of the first eight volumes of Nikolay Karamzin's *History of the Russian State*.

Key words: history of Russian literature; Cantemir; Karamzin; History of the Russian State.

About the author: *Dmitry Ivinsky* — Prof. Dr., Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru).

ЮБИЛЕИ

С.А. Жук, Е.И. Якушкина

ГАЛИНА ПАВЛОВНА ТЫРТОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье характеризуется педагогическая и научная деятельность сербско-хорватиста Г.П. Тыртовой, доцента кафедры славянской филологии МГУ, подготовившей многие поколения специалистов в области сербского и хорватского языков.

Ключевые слова: славянская филология; сербский язык; хорватский язык; украинский язык; переводоведение; лингводидактика.

Нашей коллеге, сербскохорватисту Галине Павловне Тыртовой, 6 января 2019 г. исполнилось 70 лет.

Галина Павловна Тыртова родилась в г. Харькове 6 января 1949 г. в семье военного журналиста. Отца Галины Павловны, кадрового офицера, часто переводили из одного военного округа в другой, от Дальнего Востока до крайнего Запада. Среднюю школу Галина Павловна закончила во Львове, в многонациональном городе, в котором слышалась русская, украинская и польская речь. Возможно, именно благодаря этому у Галины Павловны сформировался интерес к славянским языкам, и в 1967 г. она поступила в сербскую группу славянского отделения филологического факультета МГУ, которое окончила в 1972 г., уже в нынешнем здании на Ленгорах. Ее учителем был Владимир Павлович Гудков, один из основателей современной российской сербскохорватистики. Здесь же, в МГУ, в 1975 г. она окончила двухгодичные курсы синхронных переводчиков по языкам европейских стран, которые возглавлял также В.П. Гудков. Курсы были прекрасно организованы, включали шестимесячную стажировку в Югославии и много способствовали профессиональному становлению Галины Павловны. После окончания курсов Галина

Жук Светлана Алексеевна — старший преподаватель кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: svezh35@gmail.com).

Якушкина Екатерина Ивановна — доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: jkatia@yandex.ru).

Павловна на протяжении почти двадцати лет преподавала на кафедре славянской филологии филологического факультета Львовского государственного университета, которой в то время руководил выдающийся славист К.К. Трофимович. В Львовском университете Галина Павловна вела практические занятия по сербскохорватскому и старославянскому языку (которому была посвящена и ее дипломная работа, написанная под руководством доц. А.С. Новиковой), читала лекции по морфологии и словообразованию сербскохорватского языка. Проблемам словообразования были посвящены и первые ее публикации («О некоторых морфонологических явлениях в словообразовании существительных сербскохорватского языка», «О критериях выделения интернациональных суффиксов существительных в сербскохорватском языке», «О некоторых новых чертах в лексике и словообразовании современного сербскохорватского языка», «Об определении статуса посткорневых интернациональных элементов в сербскохорватском языке» и др.). Сербское словообразование стало и темой кандидатской диссертации Галины Павловны «Интернациональные суффиксы в словообразовательной системе существительных современного сербскохорватского языка», защищенной в МГУ в 1985 г. под руководством В.П. Гудкова.

С 1 сентября 1993 г. Г.П. Тыртова преподает на кафедре славянской филологии Московского университета. С ее приходом на московскую кафедру связано начало преподавания на филологическом факультете МГУ украинского языка. В настоящее время, помимо практических занятий по сербохорватскому языку, Галина Павловна читает общие курсы «Грамматика сербохорватского языка», «Теория перевода», а также спецкурсы «Проблемы словообразования в современном сербскохорватском литературном языке», «Новые явления в лексике и словообразовании современного сербского языка», ведет спецсеминар «Некоторые проблемы лексики и фразеологии современного сербохорватского языка» и «Особенности перевода с родственных славянских языков». Проблемам транслаторики посвящены и последние публикации Г.П. Тыртовой о разных аспектах перевода романа Б. Акунина «Статский советник» и повести С. Довлатова «Заповедник» на сербский язык, а также романа Р. Баретича «Восьмой поверенный» на украинский язык. За вклад в преподавание сербского языка Галина Павловна Тыртова награждена почетной грамотой Белградского университета.

Галина Павловна, наследуя традиции московской и львовской кафедр, стала Учителем для многих поколений студентов, с некоторыми из которых ее связывает дружба длиной уже в 40 лет... Она остается в памяти своих учеников на всю жизнь. Спустя многие годы

они помнят ее уроки, ее суждения, ее афоризмы и испытывают к ней глубочайшее уважение как к одному из самых ярких педагогов своей юности, который ввел их в мир сербского и хорватского языков и в мир славистики, щедро делясь с ними не только своим личным опытом познания изучаемых стран, но и жизненным опытом вообще. Великолепный методист и мастер обучения языку, для всех учеников, которые сами стали преподавателями, а таких очень много, Галина Павловна является образцом учителя.

Галина Павловна щедро хвалит тех, кто этого заслуживает, не боясь, что испортит их честно заработанной похвалой. В то же время и от ее критики никто не уйдет, и, если она видит, что студент нерадив, ленив и лукав, она ему прямо в глаза об этом скажет, и то чувство стыда, которое порой испытывает молодой человек, бывает очень продуктивным. Ведь все знают, что, если студент делает хоть маленький шаг в сторону своего исправления, это непременно заметит и отметит Галина Павловна.

Ее доброжелательности стоит поучиться. Мы высоко ценим педагогический дар своей более опытной коллеги, ее способность не только обучить, но и воспитать молодого человека, ведь когда мы, ее коллеги, получаем студента уже после ее «обработки», мы видим, как сильно он (а чаще она) переменялся к лучшему под воздействием преподавателя. Студенты старших курсов, пишущие курсовые и дипломные работы под руководством Галины Павловны, благодарны ей за точные практические рекомендации. Ей нельзя отказать в строгости при оценке студенческих работ, но, составив себе за годы обучения определенный психологический портрет студента, она знает его «потолок» и требовать будет с того, кто на это безусловно способен, при том что достаточно лояльно отнесется к объективно более слабому студенту.

Галина Павловна никогда не теряет из виду своих бывших студентов. Ею движет не праздный интерес к их жизни, в первую очередь профессиональной, а желание понять, состоялся ли недавний студент как специалист, как распорядился полученными за годы обучения на факультете знаниями, как оценивает свои годы учебы на филфаке «с высоты» внеуниверситетской жизни, и делает из этого интересные выводы. Ведь мы, преподаватели, часто не представляем себе, как нас воспринимают молодые и часто критически настроенные люди. Эта обратная связь очень важна, и мы, коллеги, благодарны Галине Павловне за эту ее способность разговорить наших бывших студентов и таким образом поправить что-то и в нашей преподавательской практике.

Энергии Галины Павловны могут позавидовать и более молодые коллеги. Что бы она ни делала — будь то практические занятия по

языку или лекции по грамматике, или проведение спецкурсов и спецсеминаров, или руководство курсовыми и дипломными работами студентов — все эти, на первый взгляд, достаточно рутинные занятия превращаются в своего рода спектакль, где без главного героя действие состояться просто не может. Галина Павловна — прекрасный организатор учебного процесса. Умение вычленить главное, понимание реальных возможностей нынешних студентов в условиях информационной перегруженности современного учебного процесса, желание сделать любое занятие не только нужным и полезным, но и занимательным по форме (скуки на ее занятиях нет места!) привлекают к ней молодых людей.

Отдельно надо отметить живой неподдельный интерес Галины Павловны к каждому студенту, небезразличие к жизни каждого из них и вне стен университета, тонкое чувство юмора, которое молодые люди особенно ценят, — всё это говорит о том, что много лет назад Галина Павловна очень правильно выбрала профессию. Здесь все ее личные качества: острый ум, наблюдательность, точность в оценках, оптимизм, понимание слабостей человека при уважении к каждой личности, тепло человеческой души — пригодились как нигде...

Немецкий ученый и мыслитель Георг Кристоф Лихтенберг как-то сказал: «Кто не понимает ничего, кроме химии, тот и ее понимает недостаточно». Это, по счастью, не имеет отношения к преподавателям нашего университета, и уж точно не про Галину Павловну. Круг ее интересов необычайно широк: литература, театр, кино, путешествия — всё это вызывает у нее живой интерес и отклик. Она охотно делится прочитанным и увиденным с коллегами, ее суждения всегда нетривиальны и вызывают желание посмотреть или прочитать произведение самому, отправиться в путешествие, сравнить впечатления.

Единственное, что, пожалуй, выдает возраст Галины Павловны — это мудрость. Она действительно терпеливо принимает то, что не в силах изменить, старается изменить то, что возможно, и умеет отличать первое от второго, чему мы, ее коллеги, стараемся у нее научиться... Она уважает чужую точку зрения, даже если с ней совсем не согласна, но свое мнение сохранит и всегда сумеет его отстоять. Переделать природу человека нельзя, считает она, а вот просветить человека можно и нужно, чем она успешно и занимается на протяжении многих лет.

Мы, ее коллеги, уважаем, любим, ценим Галину Павловну, понимаем, насколько это человек на своем месте, и желаем ей долгой преподавательской деятельности вместе со всеми нами.

Svetlana Zhuk, Ekaterina Yakushkina

CELEBRATING GALINA TYRTOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article celebrates the 70th anniversary of Galina Tyrtova, the renowned serbo-croatianist, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University, who trained many generations of experts in Serbian and Croatian.

Key words: Slavic philology; Serbian; Croatian; Ukrainian; translation studies; linguodidactics.

About the author: *Svetlana Zhuk* — Senior Teaching Fellow, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: svezh35@gmail.com); *Ekaterina Yakushkina* — Associate Professor, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: jkatia@yandex.ru).

А.А. Лешукова

АННА СТЕПАНОВНА НОВИКОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена кандидату филологических наук, доценту кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ Анне Степановне Новиковой, отметившей 14 января 2019 г. 80-летний юбилей. А.С. Новикова преподает более 50 лет в МГУ старославянский язык и сравнительную грамматику славянских языков и параллельно с этим ведет весьма активную просветительскую деятельность. В сферу научных интересов юбиляра входят вопросы кирилло-мифодиевистики и палеославистики.

Ключевые слова: А.С. Новикова; старославянский язык; Евангелие; перевод Евангелия на славянский язык.

14 января 2019 г. исполнилось восемьдесят лет доценту кафедры славянской филологии, кандидату филологических наук Новиковой Анне Степановне. Более полувека Анна Степановна читает на дневном и вечернем отделениях филологического факультета лекции и ведет семинары по старославянскому языку, а также преподает сравнительную грамматику славянских языков и читает спецкурсы и спецсеминары, посвященные различным аспектам изучения старославянского и церковнославянского языков.

А.С. Новикова окончила в 1963 г. русское отделение филологического факультета МГУ, после чего поступила в аспирантуру на кафедру славянской филологии. В аспирантуре под руководством ученицы А.М. Селищева, проф. В.В. Бородич, ею была написана и успешно защищена в 1970 г. кандидатская диссертация, посвященная предположно-падежной системе в Саввиной книге. С 1966 г. А.С. Новикова работает на кафедре славянской филологии, с 1989 г. в должности доцента.

Интерес и любовь к старославянскому языку (маленькой Анне однажды в гостях у родственников показали древнее Евангелие) возникли у А.С. Новиковой еще в детстве. Она пронесла их через всю научную, педагогическую жизнь и просветительскую деятельность.

Лешукова Анастасия Александровна — соискатель, методист кафедры славянской филологии, методист кафедры немецкого языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: leshukova@gmail.com).

В сферу научных интересов А.С. Новиковой входят вопросы, связанные с лексикой, словообразованием и синтаксисом старославянского языка. В своих исследованиях пристальное внимание А.С. Новикова уделяет следующим вопросам: об объеме и составе чтений первоначального перевода Евангелия на славянский язык, с какого греческого протографа был осуществлен первоначальный перевод Евангелия на славянский язык, об эволюции славянского перевода Евангелия. Ее волнует проблема переводов Евангелия на русский язык в XIX–XXI вв. Она исследует на разных языковых уровнях малоизученные, чаще всего неопубликованные списки Евангелия (Воскресенское 1 евангелие, Тырновское четвероевангелие 1273 г., Евангелия из болгарской Научной библиотеки имени Кирилла и Мефодия в Софии (такие, как № 1139, 1140, 856, 483 и др.), древнерусские Евангелия из собрания МГУ: 2Bg 42 и 2Bg 45. Внимание исследователя занимают и более широко известные в науке памятники, такие как Чудовская рукопись Нового Завета и Острожская Библия. В связи с ними в своих статьях и докладах на конференциях А.С. Новикова затрагивает проблемы, связанные с авторством Чудовской рукописи, с определением протографов, которые легли в основу Чудовской рукописи и Острожской Библии, изучает графико-орфографическую систему Острожской Библии, Галтяевского Евангелия начала XV в. В своих трудах А.С. Новикова выявляет и формулирует лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические особенности преславской редакции евангельского текста, пристально наблюдает и прослеживает черты афонской редакции евангельского текста, ее интересует также целый комплекс вопросов, связанных с вторым южнославянским влиянием и книжной справой при патриархе Никоне. Помимо всего прочего, А.С. Новикова уделяет внимание процессам, влияющим на формирование церковнославянского языка русского извода и русского литературного языка, она исследует языковые особенности современного церковнославянского языка, занимается изучением семантической эволюции церковнославянизмов в истории русского языка. Обращает на себя внимание тот факт, что в сферу научных интересов А.С. Новиковой попадают произведения, написанные на старославянском, церковнославянском и современном русском языках. Таким образом, временной диапазон создания изучаемых юбилеями текстов насчитывает двенадцать веков (X–XXI вв.).

По данным вопросам А.С. Новикова регулярно выступает с научными докладами в России и за рубежом: в МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовские чтения, Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», Международные славистические конференции, организуемые ка-

федрой славянской филологии филологического факультета МГУ, Сергиевские чтения, Кирилло-Мефодиевские чтения), в Институте славяноведения РАН, в Московской педагогической академии, в Московской духовной академии, на Международном образовательном форуме Глинские чтения (Сергиев Посад), в Тырновском университете имени святых Кирилла и Мефодия на Международном симпозиуме «Тырновская книжная школа» (Республика Болгария), в других городах Болгарии (Старая Загора, Шумен), в Греции (Салоники), Польше (Белосток) и др.

В годы, когда раз в пять лет преподаватели МГУ обязаны были проходить повышение квалификации (ФПК), А.С. Новикова ездила в Болгарию для ведения научно-исследовательской работы по палеославистике в местных библиотеках и архивах, где работала с неопубликованными рукописями.

Львиную долю сил и времени Анна Степановна отдает общественной и просветительской деятельности. Она проводит встречи со студентами, на которых рассказывает им об истории создания письменности у славян, о духовно-нравственных истоках русской культуры, показывает на этих встречах тематические видеофильмы. Она регулярно выступает с публичными лекциями. Например, по приглашению руководства Московской педагогической академии в начале 2000-х годов А.С. Новикова читала лекции по истории возникновения письменности у славян и церковнославянскому языку на курсах повышения квалификации учителей в разных регионах России (Екатеринодаре, Зеленограде, Калининграде, Калуге, Клину, Хабаровске) и в Республике Чувашия (г. Чебоксары). Она ведет культурно-просветительскую работу среди участников Международного образовательного форума «Глинские чтения». Периодически она читает лекции о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия прихожанам храмов Москвы и учащимся православных гимназий. В 2006 г. А.С. Новикова была удостоена стипендии Ионанна Маслова за успешную работу по духовно-нравственному воспитанию.

До недавнего времени А.С. Новикова принимала активное участие в организации и проведении вместе с Н.В. Масленниковой Сергиевских и Кирилло-Мефодиевских чтений в МГУ имени М.В. Ломоносова.

А.С. Новикова обучает старославянскому и церковнославянскому языкам всех желающих: с октября 2010 г. по настоящее время она читает лекции и ведет практические занятия по церковнославянскому языку на организованных ею (на общественных началах) курсах церковнославянского языка при кафедре славянской филологии.

Под руководством Анны Степановны Новиковой были написаны и защищены две кандидатские диссертации. В настоящее время Анна

Степановна руководит написанием трех кандидатских диссертаций. Ученики Анны Степановны (как бывшие студенты, так и обучающиеся на общественных курсах, организуемых юбиларом) нередко сами становятся преподавателями церковнославянского языка и успешно преподают в церковных и воскресных школах.

Помимо многочисленных статей А.С. Новиковой написано и издано два учебно-методических пособия по старославянскому языку: хрестоматия по старославянскому языку и пособие для студентов в таблицах. Кроме того, написаны, но не опубликованы монографии «Именное словообразование в старославянском языке» и «История создания, развития и становления славянского перевода Евангелия».

А.С. Новикова несколько десятилетий, с недавнего времени официально, является членом Объединения православных ученых.

Коллеги и ученики поздравляют Анну Степановну с юбилеем, желают творческих и научных свершений, крепкого здоровья, внимательных и благодарных студентов. Анна Степановна, оставайтесь такой же увлеченной своим делом, отзывчивой и чувствительной!

Anastasiya Leshukova

CELEBRATING ANNA NOVIKOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, 119991*

The article is dedicated to Anna Stepanova, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, who celebrated her 80th anniversary on 14th January, 2019. Anna Novikova has been a lecturer in Old Church Slavonic and comparative grammar of Slavic languages at Moscow University for over 50 years. Her spheres of academic interests include Cyrillomethodiana and Paleoslavistics.

Key words: Anna Novikova; Old Church Slavonic; Gospel; translation of the Gospel into Slavic.

About the author: *Anastasiya Leshukova* — PhD, Assistant at the Department of Slavic Studies, Assistant of the Department of German Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: leshukova@gmail.com).

ПАМЯТИ...

М.М. Голубков

ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА СКОРОСПЕЛОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена памяти Е.Б. Скороспеловой — профессора филологического факультета, замечательного исследователя русской литературы, учителя, яркого и глубокого человека.

Ключевые слова: Екатерина Борисовна Скороспелова; вечная память.

28 января 2019 г. ушла из жизни Екатерина Борисовна Скороспелова. Это случилось совсем неожиданно: за неделю до рокового события она просто легла в больницу, скорее, не в лечебных, а профилактических целях. Строила планы, как она созовет в начале семестра своих учеников, даже продумывала, как накроет стол... Трудно сказать, что переживается легче: уход ожидаемый, после тяжелой болезни, или такой вот внезапный, молниеносный... И когда уйдет это рефлексорное желание набрать ее номер, чтобы посоветоваться — и по важному делу, и по пустяку?

Она обладала очень редкой особенностью: быть нужной и необходимой тем, кто попадал в ее орбиту, кто испытывал притяжение ее многогранной и удивительно богатой личности. Она обладала обаянием ученого и человека — наука и жизнь частная, бытовая, повседневная были для нее нераздельны. Поэтому ее ученики становились членами ее семьи, воспринимались ею как собственные дети, о которых она по-матерински пеклась. А для учеников своих учеников тоже была родной: на последнем в ее жизни заседании ученого совета она услышала слово благодарности, в котором диссертант ласково назвал ее своей научной бабушкой. И хотя такое определение и вызвало шутовское негодование, оно много значит: круг ее учеников не ограничивается только лишь теми, кто обозначал ее в качестве научного руководителя на титульных листах диссертаций. Ее влияние простиралось и будет простираться на следующие поколения ученых.

Голубков Михаил Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: m.golubkov@list.ru).

Литературоведение было для нее наукой о смыслах художественного текста. Она относилась к литературе как к важнейшей сфере общественного сознания, в которой формируются национально-значимые смыслы, отражается опыт национально-исторической жизни. И филология, по ее мысли, должна их выявлять и объяснять. Одна из важнейших научных концепций, обоснованных Е.Б. Скороспеловой, касается литературы социалистического реализма. В ней проявилась и недюжинная научная смелость, и частный и общественный опыт человека, сумевшего с мудрой благодарностью осмыслить опыт предшествующей, советской, эпохи. Осмыслить вне крайностей, без тотального отрицания всего советского, но и без наивной идеализации и лакировки советского прошлого. При этом ей пришлось пережить и познать на собственном опыте все стороны советской действительности, как светлые, так и темные: арест отца, попавшего в 1934 г. в «кировский поток», его расстрел в лагере в 1937 г. за «контрреволюционную агитацию и пропаганду», и унижения, которые переживала мать, мечтавшая стать актрисой. В 1927 г. она успешно сдала экзамены в Щукинское высшее театральное училище, но не была зачислена в студенты отборочной комиссией как «социально чуждый элемент», дочь преуспевавшего до революции промышленника. Закончив школу с золотой медалью, Екатерина Борисовна поступила в университет, училась в семинаре сначала у Л.И. Тимофеева, потом у А.И. Метченко. Университет, студенчество, кафедра, научная жизнь — другая сторона советской действительности, о которой она всегда говорила с радостью и с гордостью. Да сами идеи, которые формировали людей советской эпохи, исполненные глубоким общечеловеческим смыслом, были очень близки ей. Это идея социального равенства, взаимовыручки, а не конкуренции, всенародного творческого созидания, неприятие буржуазности во всех ее формах, исторический оптимизм, научная работа и общественная востребованность ее результатов — это никогда не декларированные, но совершенно незыблемые константы, что всегда объединяли ее учеников за общей работой. Размышляя о советской эпохе, она говорила: да, многое из задуманного не получилось, но ведь что-то и получилось! И многое получилось.

Эта двойственность времени позволяла Екатерине Борисовне увидеть в литературе социалистического реализма два разнонаправленных и не пересекающихся вектора, две составляющие, никак друг с другом не соотносящиеся. Одна из них — литература, инспирированная сверху, основанная на карьеризме, на точном выполнении социального заказа сталинской бюрократии. Это и есть «социалистический реализм». Другую художественную тенденцию, традиционно относимую к ведомству соцреализма, она предлагала

называть «литературой социалистического выбора». Эта литература противостояла карьеризму верхов, людоедству ГУЛАГа, и самое главное — была искренней, писалась не по заказу Союза советских писателей, но шла из самых недр народной жизни и получала воплощение в художественном слове писателей, сделавших социалистический выбор. Она ориентировала человека в историческом пространстве, объясняла ему суть произошедших исторических катаклизмов, воспитывала поколение людей, победивших в Великой Отечественной войне.

Основанная на новейшем опыте русских и западных славистов, ее концепция литературы социалистического реализма была большим шагом вперед по сравнению с последней на сегодняшний день монументальной монографией «Соцреалистический канон» (СПб, 2000). Впервые она была заявлена в книге Е.Б. Скороспеловой «Русская проза XX века. От А. Белого (“Петербург”) до Б. Пастернака (“Доктор Живаго”))» (М., 2003), свою несомненную актуальность она сохраняет и по сей день.

А последняя книжка Екатерины Борисовны вышла в прошлом году. Она называется «Русская классика» и адресована школьникам и их учителям. В центре — фигуры Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

Все, кто знал Екатерину Борисовну, все, кому посчастливилось быть ее учениками или же просто быть рядом, никогда не смогут забыть ее обаяния, дружелюбия, той безграничной любви, которой хватало на всех, с кем близко сводила ее жизнь.

Вечная ей память!..

Mikhail Golubkov

EKATERINA SKOROSPELOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a tribute to the late Ekaterina Skorospelova, Professor of the Faculty of Philology, a remarkable researcher of Russian literature, a mentor, and a brightest person.

Key words: Ekaterina Skorospelova; memory eternal.

About the author: *Mikhail Golubkov* — Prof. Dr., Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: m.golubkov@list.ru).

Ю.Л. Оболенская

ЛИЛИЯ НИКОЛАЕВНА СТЕПАНОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Ушла из жизни Л.Н. Степанова (1930–2019), исследователь-испанист, специалист в области теории и истории испанского языка, стоявшая у истоков создания факультетской школы иберо-романистики, замечательный педагог, которая более полувека отдала работе на филологическом факультете и подготовила сотни испанистов — ученых, преподавателей и переводчиков.

Ключевые слова: испанская филология, история и теория испанского языка.

31 января 2019 г. на 89 году жизни скончалась Лилия Николаевна Степанова — одна тех преподавателей филологического, память о которой навсегда остается в душах ее коллег и студентов. Лилия Николаевна родилась в г. Гомеле БССР в семье военного летчика Павлова Николая Антоновича, впоследствии работавшего главным инженером авиакомплекса А.И. Микояна. Ее мать — Павлова Сусанна Антоновна была домашней хозяйкой.

В 1948 г. Л. Степанова закончила в Москве среднюю школу № 201 им. Зои и Александра Космодемьянских, и выбор ее будущей профессии был предreshен любовью к Испании ее отца, разговорами о гражданской войне в Испании, о культуре этой страны. В 1948 г. она стала студенткой первого в истории МГУ набора на испанское отделение филологического факультета, где познакомилась со своим будущим мужем, ставшим впоследствии выдающимся ученым, академиком Ю.С. Степановым. Ее первыми преподавателями стали удивительные женщины: создательницы испанского отделения — выпускница двух испанских университетов М.-Л. Гонсалес и ученый-энциклопедист Э.И. Левинтова, лекции по испанской литературе ее курсу читал уникальный специалист К.В. Цуринов. Три этих преподавателя, а также лекции и близкое знакомство с

Оболенская Юлия Леонардовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иберо-романского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: obolens7@yandex.ru).

выдающейся испанисткой О.К. Васильевой-Шведе в значительной степени повлияли на формирование Л.Н. Степановой как исследователя и преподавателя. А многолетняя дружба с М.-Л. Гонсалес отразилась на ее характере, в чем она не раз признавалась, говоря о том, что ее принципиальность, прямота, жизнелюбие и оптимизм «достались от Марии-Луисы».

В 1953 г., получив диплом «с отличием», Степанова закончила филологический факультет. Затем до 1960 г. преподавала на курсах иностранных языков Министерства внешней торговли СССР.

С 1960 до 2013 г. Лилия Николаевна преподавала на филологическом факультете МГУ, сначала в должности преподавателя, а с 1979 г. — доцента кафедры испанского и португальского языков; она вела практические занятия на всех курсах романо-германского отделения и отделения РКИ, читала лекции по теории и истории испанского языка. В 1964—1965 гг. по программе «Русская цивилизация» Министерства высшего образования СССР была направлена в Страсбургский университет (Франция), где преподавала русский язык студентам славянского отделения (L'institute slave). В 1972 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Категория рода и лексические дублеты в испанском языке». Под ее руководством были защищены пять кандидатских диссертаций.

С 1980 по 1985 г. Л.Н. Степанова была и.о. заведующей кафедрой испанского и португальского языков. В это время были установлены тесные связи с Ленинградским (Санкт-Петербургским) университетом, налажен обмен научными публикациями, кроме того, были установлены контакты с кафедрами испанского языка Киевского университета и Пятигорского института иностранных языков.

Публикации и выступления Л.Н. Степановой всегда были такими же яркими, как и ее лекции. В последние годы в сферу научных интересов Л.Н. Степановой вошли социолингвистические аспекты, связанные с языковой политикой в странах испаноязычного ареала. Ее избранные статьи были опубликованы в сборнике «Работы по испанской филологии» (изд-во УРСС), в него также вошли статьи Ю.С. Степанова, но этот сборник был издан уже после его смерти в 2012 г.

Л.Н. Степанова была удостоена почетного звания «Заслуженный преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова» (2001), а приказом Минобрнауки РФ от 24 декабря 2004 г. была награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации «За заслуги в области образования».

Светлая память и наша глубокая признательность Лилии Николаевне Степановой.

Yulia Obolenskaya

LILIA STEPANOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Gone from the life L.N. Stepanova (1930–2019), Specialist in the field of history and theory of Spanish, who more than 50 years worked on the faculty of Philology at Lomonosov State University and was one of the originators of the Ibero-Romance linguistics school at Lomonosov State University.

Key words: Spanish studies; *history* and theory of Spanish.

About authors: Yulia Obolenskaya — Prof. Dr., Department of the Ibero-Romance linguistics of the faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University (e-mail: obolens7@yandex.ru).